

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА

**XXI Международный научно-практический форум студентов,
аспирантов и молодых ученых**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Материалы X Международной научно-практической конференции
студентов, аспирантов и школьников

Красноярск, 20 апреля 2020 г.

Электронное издание

КРАСНОЯРСК
2020

ББК 80
А 437

Редакционная коллегия:

Н.Н. Бебриш

Т.В. Мамаева

Т.А. Полуэктова (отв. ред.)

И.В. Ревенко

А 437 Актуальные проблемы современной филологии: материалы X Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и школьников. Красноярск, 20 апреля 2020 г. / отв. ред. Т.А. Полуэктова; ред. кол.; – Электрон. дан. / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2019. – Систем. требования: РС не ниже класса Pentium I ADM, Intel от 600 MHz, 100 Мб HDD, 128 Мб RAM; Windows, Linux; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-00102-449-1

ББК 80

ISBN 978-5-00102-449-1

(XXI Международный форум
студентов, аспирантов и молодых ученых
«МОЛОДЕЖЬ И НАУКА XXI ВЕКА»)

© Красноярский государственный
педагогический университет
им. В.П. Астафьева, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Гладкова А.К. ЗАТЕСИ ВОЛОГОДСКОГО ПЕРИОДА В.П. АСТАФЬЕВА	6
Зуева Е.Р. ОПЫТ СОЗДАНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ СЛОВАРЯ-СПРАВОЧНИКА «ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В.П. АСТАФЬЕВА ВОЛОГОДСКОГО И КРАСНОЯРСКОГО ПЕРИОДОВ»	9
Лисман А.М. ХАРАКТЕРИСТИКА НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ПРАВЕДНИКА ПАФНУТИЯ С РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ (РОМАН А. ФРАНСА «ТАИС»).....	12
Мацкова П.С. ВИКТОРИАНСКАЯ МОДЕЛЬ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ РОМАНЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Б. БЕЙНБРИДЖ «МАСТЕР ДЖОРДЖИ»)	15
Макова Е.Р. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ «ЗАТЕСЕЙ» КРАСНОЯРСКОГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА В.П. АСТАФЬЕВА.....	20
Окунева М.А. МОТИВ ДВОЙНИЧЕСТВА В ПОЭМЕ И. БРОДСКОГО «ГОРБУНОВ И ГОРЧАКОВ»	23
Радюшкин И.Н. ХРИСТИАНСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ В РОК-ПОЭЗИИ ВИКТОРА ЦОЯ.....	28
Терешонок О.С. ВИКТОРИАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЖАНРА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА У. КОЛЛИНЗА «ЛУННЫЙ КАМЕНЬ»)	31
Черкасова А.А. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ПОДРОСТКА В ПОВЕСТИ Р. БРЭДБЕРИ «ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ»	35
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ	
Анциферова С.В. ОБРАЗОВАНИЕ ФЕМИНИТИВОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТНЫХ ДАННЫХ)	39
Асрори Ш. УЧАСТНИКИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ	42
Берёзова Е.С. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА В БЛОГАХ СЕТИ INSTAGRAM (НА МАТЕРИАЛЕ LIFESTYLE-БЛОГОВ).....	45
Ван Ин НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ	48
Вечерина Ю.А. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ ИЗМЕНЫ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОП-ПЕСНЯХ.....	50

Винокурова А.Н. АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЧЕСТЬ» НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	53
Гузова В.В. КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ В ОБЩЕНИИ «УЧИТЕЛЬ – УЧЕНИК».....	55
Догадаева Л.А. СЛОЖНОСТИ ПОНИМАНИЯ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА.....	58
Зубкова П.И. АНГЛИЦИЗМЫ В ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИИ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ «ТJ».....	61
Икромова А.П. РОЛЬ ЭПИТЕТОВ В ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В ИЗЛОЖЕНИИ ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО И БОРИСА ЗАЙЦЕВА.....	64
Лисман А.Н. ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ПОВЕСТИ ОБ УЛИЯНИИ ОСОРЬИНОЙ» В СОПОСТАВЛЕНИИ С ТРАДИЦИОННЫМ АГИОГРАФИЧЕСКИМ КАНОНОМ.....	67
Ложкина Е.Т. САКРАЛЬНЫЕ ЛЕКСЕМЫ В РУССКИХ РОМАНСАХ	70
Лысюк Е.А. ЧЕРНЫЙ И БЕЛЫЙ ЦВЕТА В ТВОРЧЕСТВЕ М.М. ПРИШВИНА НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА «В КРАЮ НЕПУГАННЫХ ПТИЦ».....	73
Лысюк Е.А. СЕМАНТИКА МЕСТОИМЕНИЙ КАК СРЕДСТВО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ВИДЕОИГРАХ (НА ПРИМЕРЕ DETROIT: BECOME HUMAN)	76
Макарова Т.В. ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА РОССИИ И КОРЕИ	79
Пакулова В.А. ЯЗЫКОВЫЕ ПРИЕМЫ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОСТАХ РЕКЛАМНОГО ХАРАКТЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА РЕКЛАМНЫХ ПОСТОВ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ).....	82
Половинская Д.М. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВНЕШНЕ-ОЦЕНОЧНЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.....	85
Русина А.С. ТИПОЛОГИЯ СРАВНЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ПЕСЕННЫХ ТЕКСТАХ	87
Савина Д.В. ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА ИЗ СБОРНИКА «ДОМ И ОСТРОВ, ИЛИ ИНСТРУМЕНТ ЯЗЫКА»	90
Седова А.В. ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СИНТАКСИСА В ПРОЗЕ Н.В. ГОГОЛЯ НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «НОС».....	93
Семачкина А.И. ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОМИЗМА В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА	96

Серёдкина Ю.Е. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПУТЬ» В ПОВЕСТИ В.О. ПЕЛЕВИНА «ЖЁЛТАЯ СТРЕЛА»	99
Хрущева С.А. РОЛЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ «ПОВЕСТЬ О СОНЕЧКЕ»	102

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА, РКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Краснощекова Я.В. СИСТЕМА ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ В 5–9 КЛАССАХ.....	105
Лан Жуэй ДУХИ ОСВОЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ.....	108
Новичёнок О.В. ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ: УЧАСТНИКИ КОММУНИКАЦИИ И ТЕМЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ.....	111
Скакунова С.М. ТЕКСТЫ О ПРИРОДЕ РОССИИ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ РКИ	114
Сосновская Е.А. ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ 5 КЛАССА В КУРСЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО	117
Сковородкина У.В. ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	120
Сюй Цзялу ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАГЛЯДНОСТИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ	123
Третьякова Е.В. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕМЫ ИЗГОЯ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА УРОКАХ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ В 5–9 КЛАССАХ	126
Чжан Вэйдун ПОДХОДЫ К СЕМАНТИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ	130

ФИЛОЛОГИЯ: ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКУ

Бритова Е.А. СОЗДАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ БЫТОПИСАНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА И.А. БУНИНА «АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ»)	133
Тимофеева А.Д. КОНЦЕПТ «ДОМ» В ТЕКСТЕ ПОВЕСТИ В.П. АСТАФЬЕВА «ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН» (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ФОТОГРАФИЯ, НА КОТОРОЙ МЕНЯ НЕТ»).....	137
Худаногова С.В. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ФОТОГРАФИИ В РАССКАЗЕ В.П. АСТАФЬЕВА «ФОТОГРАФИЯ, НА КОТОРОЙ МЕНЯ НЕТ»	141
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	145

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

ЗАТЕСИ ВОЛОГОДСКОГО ПЕРИОДА В.П. АСТАФЬЕВА

SATISI OF THE VOLOGDA PERIOD OF V.P. ASTAFIEV

А.К. Гладкова

A.K. Gladkova

Научный руководитель Т.Н. Садырина
Scientific adviser T.N. Sadyrina

Астафьев, «Затеси», вечность, природа, человек.

Цель данной статьи – раскрыть художественные особенности затесей вологодского периода В.П. Астафьева. Работа содержит краткую характеристику рассказов, входящих в две из семи тетрадей книги «Затеси».

Astafyev, “Claws”, eternity, nature, man.

The purpose of this article is to reveal the artistic features of V.P. Astafiev’s Vologda period adventures. The work contains a brief characterization of the short stories included in two of the seven notebooks of the book “Sitesi”.

Вологодский период занимает особое место в творчестве В.П. Астафьева и датирован 1969–1980 гг. В.П. Астафьев приехал в Вологду в 1969 году как признанный писатель, отразивший в своих произведениях реалии тяжелейшего военного времени и деревенской жизни. Вологодский период в творческой биографии Виктора Астафьева продолжался 10 лет.

Затеси в творчестве В.П. Астафьева занимают уникальное место. Это своеобразный дневник автора, его лирические размышления и истории из его собственной жизни. Они перекликаются с другими, более значимыми произведениями, которые были написаны до публикации затесей или после них. Первоначальное название цикла лирических зарисовок – «Дыханье родной земли».

Название «Затеси» впервые появляется в 1965 году, первое отдельное издание вышло в 1972 году. Писатель постоянно возвращался к циклу в течение всей жизни, включал в него и исключал различные рассказы. По этой причине содержание цикла в каждом издании существенно разнится.

По словам В.П. Астафьева, затесь – сама по себе вещь древняя и ведомая – это стёс, сделанный на дереве топором или другим острым предметом. Делали его первопроходцы и таёжники, чтобы белеющая на стволе дерева мета была видна издали, и ходили по тайге от меты к мете, часто здесь получалась тропа, затем дорога, и где-то в конце ее возникало село и город. Отсюда мы можем

сделать вывод, что сборник назван именно так, потому что «Затеси» – это своеобразные шаги автора, шаги жизни. Каждый рассказ – это отдельная история, частица жизни.

Целью данной статьи является рассмотрение отдельных затесей вологодского периода. Жанру затесей посвящены ряд исследований (А.И. Куляпин, С.Ю. Баранов, И.Л. Подюков и др.), в которых рассматриваются лингвистические и содержательные особенности, но никто из исследователей не рассматривал отдельно этот творческий период, что и определяет новизну нашего исследования. Рассказы этого периода создавались в Вологде. Несмотря на то, что переходы между отдельными этапами творческого пути Виктора Астафьева были плавными, каждый из этих этапов сыграл определенную роль в становлении писателя. Что касается периода вологодского, то как раз в его границах, символически обозначенных публикацией «Пастуха и пастушки» и выходом в свет четырехтомника, определился в своем значении и масштабах феномен русской литературы, именуемый «Виктор Петрович Астафьев». Именно в Вологде, по замечанию поэта Александра Романова, «просиял полдень» его писательского таланта.

Вологодские затеси входят в седьмой том, который состоит из семи тетрадей. Отдельная книга по вологодскому периоду не собиралась. Затеси распределены в пять тетрадей, кроме первой и седьмой тетради. Самое большое количество затесей вологодского периода находится в шестой тетради под названием «Последняя народная симфония». Все затеси распределены тематически.

Мы рассмотрим следующие затеси: из пятой тетради – «Древнее, вечное» и шестой тетради «Последняя народная симфония» – рассказ «Рукавички».

Одна из главных черт художественной речи В. Астафьева – проходящий из текста в текст мотив «древнего, вечного». «Древнее» выступает как лейтмотив творчества писателя; как своеобразный астафьевский концепт, т.е. как способ интерпретации писателем ряда категорий человеческого бытия, об этом пишет И.А. Подюков в своем исследовании [3].

Рассказ «Древнее, вечное» даёт название цикла пятой тетради. Рассказ впервые опубликован в журнале «Новый мир» № 10/1978 г. Рассказ Виктора Петровича Астафьева «Древнее, вечное» – своеобразный гимн старине и красоте мира, который, к сожалению, не замечают.

На первом плане Астафьева – моральные аспекты этой темы: отношение людей к домашним животным, к природе; благотворное воздействие природы на здоровье и настроение человека. Автор размышляет: сколько было перевидано им машин, сколько бы чудес ни изведано, есть что-то все же более важное, вечное, нетленное. Прекрасная картина лошадей среди спящего села, тихого, едва дышащего леса кругом, прелесть мокрых от росы трав и цветов, нетронутых полей, доцветающей рябины – все это древнее, вечное и от писателя неотделимое. Астафьев размышляет о том поколении, кому не удастся увидеть или даже узнать, что существует такой мир, такое спящее деревенское пространство, смиренные спящие среди деревни животные, простившие все, даже живодерни, и не утратившие доверия к человеку. Лишь соловьи нарушают эту тишину, исполняя вечную песню жизни и любви.

Темой этого цикла является «вечность», это определяют такие объекты: «лес, лошади, травы, рябина и др». В.П. Астафьев говорит и о том, что способность к ощущению вечного в жизни чрезвычайно ценна: «Что-то древнее, неотступное стронется в нас... и все вокруг обретет иной смысл и цвет»...

Знаки вечного – природные объекты, такие, как небо, солнце, звезды, река, травы.

Все они представлены метафорически: небо зажмурилось (о наступлении темноты в преддверии зарниц), умытый и довольный лик солнца, пушистый хвост молнии. Природа всегда рядом с нами, рядом с нами это «вечное и древнее». Природа живет человеческой жизнью и проходит те же фазы развития. Природа – идеальное для человека начало.

Рассмотрим рассказ «Рукавички» из 6 тетради. Определяющей темой этого цикла/тетради является творчество. Первая публикация – газ. «Правда», 1991, 9 февраля. В рассказе говорится о советском пианисте, который приехал в Вологду на гастроли и познакомился с местной достопримечательностью – Софийским собором. В рассказе упоминается царь Иван Грозный. Его характер, по мнению автора, отразился на атмосфере Софийского собора, который «красуется по-над Вологдой и в ясную погоду куполами отражается в ней», но внутри студено и гулко. Таким же холодным и мрачным был царь.

В старушке, которая помогла пианисту, проявляются человеческая забота и доброта. Она противопоставлена музыкантам, которые не обращают на пианиста внимания. В речи старушки используются просторечные и устаревшие слова (поце, ищощь, кажну), тем самым отражается ее близость к народу, а также культурная и историческая память народа.

Итак, рассматривая затеси вологодского периода, мы видим, что В.П. Астафьев поднимает очень важные, вечные и жизненные темы, используя для этого соответствующие художественные средства. Автор показывает различные формы отношения человека к жизни, смерти и времени. Представленные жизненные ситуации дают определенную пищу для размышлений и обобщений.

Библиографический список

1. Вологодские затеси Виктора Астафьева. Вологда: Книжное наследие, 2007. 838 с.
2. Астафьев В.П. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Красноярск, 1997. Т. 7. С. 541.
3. Подюков И.А. «Что-то древнее в нас...». Электрон. журн. Пермь.

ОПЫТ СОЗДАНИЯ СТАТЕЙ ДЛЯ СЛОВАРЯ-СПРАВОЧНИКА «ВСЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В.П. АСТАФЬЕВА ВОЛОГОДСКОГО И КРАСНОЯРСКОГО ПЕРИОДОВ»

THE EXPERIENCE OF CREATING ARTICLES
FOR THE DICTIONARY-REFERENCE BOOK
«ALL WORKS V.P. ASTAFIEV
VOLOGDA AND KRASNOYARSK PERIODS»

Е.Р. Зуева

E.R. Zueva

Научный руководитель Т.Н. Садырина
Scientific adviser T.N. Sadyrina

В.П. Астафьев, красноярский период творчества, затеси, словарь.

В данной работе представлены образцы двух словарных статей для словаря-справочника «Все произведения В.П. Астафьева вологодского и красноярского периодов».

V.P. Astafyev, Krasnoyarsk period of creativity, dictionary.

This paper presents samples of two vocabulary entries for a dictionary-reference «All works by V.P. Astafiev of the Vologda and Krasnoyarsk periods».

Проза В.П. Астафьева (1924–2001) является важным объектом научного исследования. На протяжении десятилетий изучались характерные для писателя темы, жанры, язык, стиль, особенности поэтики произведений. В 2019 году коллективом красноярских исследователей осуществлено издание словаря-справочника «Все произведения В.П. Астафьева. Пермский период» [В.П. Астафьев. Словарь-справочник, 2019]. Словарь подобного типа по Вологодскому и Красноярскому периоду творчества находится в стадии подготовки, что определяет актуальность предлагаемого исследования.

Целью данной работы является создание словарных статей для энциклопедического словаря-справочника на материале коротких рассказов из книги «Затеси», созданных в красноярский период творчества. Мы будем опираться на периодизацию творчества В.П. Астафьева, предложенную П.А. Гончаровым, в соответствии с которой красноярский период – с 1980-го по 2001-й годы.

«Словарь — информационное издание по определению, но по объему и охвату материала это труд энциклопедического характера» [Шаповалова, 2006]. Основными качествами данного справочного издания должны быть соразмерность, полнота и точность сообщаемых сведений.

Справочный характер словаря и его ориентированность на информацию, а не интерпретацию определяют типовую структуру каждой статьи, имеющей свободную организацию.

Предлагаем образцы словарной статьи на примере двух рассказов: «Гнездышки» и «Щелкунчик» [Астафьев, Т. 7, 1997].

Словарная статья начинается с краткой преамбулы, содержащей информацию о жанре, дате написания и первой публикации, а также положении в 15-томном собрании сочинений, взятом в качестве канонического текста.

«Гнездышки» – лирико-философская миниатюра, написанная в 1991 году (Затеси // Москва. 1991. № 8. С. 3–37); относится к Красноярскому периоду творчества В.П. Астафьева. Включена в полное собрание сочинений В.П. Астафьева в 15 т. (Астафьев В.П. Гнездышки // Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 7: Затеси: семь тетрадей. С. 305-306).

«Щелкунчик» – короткий рассказ, написанный в 1991 году (Гимн жизни; Щелкунчик / [предисл. авт.]; За что?... // Сел. жизнь. – 1991. – 15, 18, 20 июня); относится к красноярскому периоду творчества В.П. Астафьева. Включен в полное собрание сочинений В. П. Астафьева в 15 т. (Астафьев В.П. Больные лампы // Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 7: Затеси: семь тетрадей. С. 367–370).

Словарная статья имеет свободную структуру, поэтому основная часть может включать в себя толкование названия, сведения о композиции, сюжете, героях, теме и идее. В большем или меньшем объеме транслируется сюжет (фабула) произведения, что может быть полезно для первого ознакомления с творчеством. Следовательно, мы можем предложить в качестве основных частей следующий текст.

Заглавие миниатюры («Гнездышки») относится к гнездам птиц, разместившимся в стволах горелых деревьев. Этот образ становится символом неугасимой жизни, ее силы. Деревья, в которых птицы свили свои гнезда, – пустотелые, растущие не на плодородной почве, а в камнях, на пустошах, оставшихся после вырубki леса и пожаров. Художественная идея повествования связана с уверенностью, что жизнь может пробыть даже там, где это практически невозможно. Последние строки миниатюры содержат сентенцию (нравственное поучение), имплицитно выражаемую через сожаление о том, что человек не может оставить природу в покое, он убивает себя в «отравленном горельнике» и вместе с собой убивает всё вокруг.

Сюжет рассказа «Щелкунчик» построен на сопоставлении двух событий, произошедших с автором в разное время. Первая часть посвящена короткому воспоминанию о впечатлении от балета Чайковского «Щелкунчик», точнее, о случившемся во время его исполнения. Во второй части автор рассказывает, как он упал, переходя одну из улиц Красноярска, о реакции окружающих на это событие, сравнивает с предыдущим эпизодом падения. Рассказ имеет кольцевую композицию. Повествователь вновь вспоминает балет, ставший для него светлым праздником. В подтексте очевидна нравственная идея о душевном сочувствии, отзывчивости и возможной их утрате.

Важной составляющей поэтики Астафьева являются топонимы. Как правило, они связаны с определенными фактами биографии автора. Изучение этих связей

способствует более полному и всестороннему пониманию творческой истории литературного произведения. Стоит отметить, что иногда в рассказах местность не определена:

Топонимы: Малый Абакан, Большой Абакан – реки в республике Хакасия («Гнездышки»).

Топонимы: Пермь, Красноярск, упоминается река Кача («Щелкунчик»).

Далее в словарной статье рассматриваются средства художественной выразительности. В.П. Астафьев широко использует тропы и фигуры, пользуется разговорной лексикой, в речи персонажей есть профессионализмы, просторечия, диалектизмы, арготические слова.

Художественные средства. Метафоры: «...деревья стоят по колено, а где и по горло в голом, неродливом равнодушном навале камней...» – антропоморфная метафора («Гнездышки»)

Сравнения: «Из берега... торчат закопченные стволы орудий, как из стены древней крепости многорядно торчат – это пустотелые, недогорелые стволы деревьев...» («Гнездышки»)

Диалектизмы: пустотел, курумник, дурнина, камешник, горельник («Гнездышки»).

Просторечия: отдыхиваться, ляпнуться, девка, зубы скалить, окрыситься, коresh, запалить, подыхать («Щелкунчик»).

Художественные средства. Эпитеты: дивный спектакль; чудесные, яркие краски; сказочные костюмы; чарующая музыка. («Щелкунчик»)

Надеемся, что наш научно-исследовательский опыт станет частью большой работы по составлению словаря-справочника по всем произведениям В.П. Астафьева вологодского и красноярского периодов.

Библиографический список

1. Виктор Петрович Астафьев. Словарь-справочник / Л.Г. Самотик, Т.Н. Садырина; Красноярск: РАСТР, 2019. 432 с.
2. Шаповалова И.А. Рец.: Литературы народов России. XX век. Словарь. М.: Наука, 2005. 365 с. // Вестник Российской Академии наук. 2006. № 1. Т. 76. С. 90–91.
3. Астафьев В.П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 7. Затеси: семь тетрадей / Виктор Петрович Астафьев. Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. 544 с.

ХАРАКТЕРИСТИКА НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ ПРАВЕДНИКА ПАФНУТИЯ С РЕЛИГИОЗНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ (РОМАН А. ФРАНСА «ТАИС»)

CHARACTERIZATION OF THE MORAL QUALITIES OF THE RIGHTEOUS PAPHNUCE FROM A RELIGIOUS POINT OF VIEW (NOVEL A. FRANCE «THAÏS»)

А.М. Лисман

A.M. Lisman

Научный руководитель С. Г. Липнягова
Scientific adviser S.G. Lipnyagova

А. Франс, Таис, праведник, Пафнутий, смертные грехи, нравственные качества.
В статье анализируется роман А. Франса «Таис», рассматривается с религиозной точки зрения образ праведника Пафнутия, обосновываются причины трагичного финала романа.

A. France, Thaïs, the righteous, Paphnuce, deadly sins, moral qualities.
The article presents an analysis of the novel by A. France “Thaïs”, considers from a religious point of view the image of the righteous Paphnuce, substantiates the reasons for the tragic ending of the novel.

Анатоль Франс – популярный французский писатель и литературный критик конца XIX – начала XX веков. Его творчество считается одним из самых сложных, противоречивых и интересных.

Высоко ценил творчество А. Франса А.В. Луначарский. В предисловии к роману «Таис» А.В. Луначарский уделяет особое внимание антиклерикальной направленности произведения, предлагая рассматривать его как сатиру на духовенство. Такой же подход в трактовке романа наблюдается и в работах других литературоведов. Исходя из этого, появляется потребность рассмотреть данное произведение с противоположной точки зрения – с религиозной. И ответить на вопрос: «Почему Бог отвернулся от Пафнутия?» – не с позиции атеизма, а с позиции христианства.

Пафнутий ведёт внешне праведную жизнь, соблюдая посты, молясь, умерщвляя свою плоть, но, несмотря на это, Бог всё же отворачивается от него. В самом произведении из уст Павла Юродивого говорится о трёх причинах к этому ведущим – это грехи Гордыни, Похоти и Сомнения: «Я вижу трех бесов, которые с ликованием готовятся схватить этого человека. <...>На каждом из них каленым железом выжжено его имя: <...>и имена эти суть Гордыня, Похоть и Сомнение» [Франс, 1983, с. 287]. Рассмотрим эти грехи подробнее.

1. Грех гордыни. В христианской идеологии греху гордыни противопоставляется смирение: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» [Иак. 4, с. 6]. Чтобы избежать греха гордыни или вылечиться от него, праведнику необходимо быть смиренным. Смирение выражается не только в послушании, но и в том, что человек любые нанесенные ему обиды, даже несправедливые, воспринимает как вполне заслуженные.

Пафнутий же не был смиренным. Сперва он ослушается старца Палемона, затем не прислушивается к Божьим знакам, и в результате начинает винить Бога в несправедливости: «Боже мой! Я ведь отправился за ней в такую даль, к язычникам, ради тебя, а не ради себя. Будет несправедливо, если я пострадаю за то, что сделал в угоду тебе» [Франс, 1983, с. 260]. Пафнутий, решив, что он выше Бога и имеет право его не слушаться и винить в своём несчастье, совершает смертный грех гордыни.

2. Грех похоти. К блуду монахов относились и непристойные мечтания, и эротические сны, и любого другого вида проявления вожделений, ведь фантазии на сексуальную тему вытесняют из души все возвышенные мысли. Пафнутий был подвластен греху похоти, он мечтал о Таис, вожделел, и потому она приходила к нему во снах в непристойных образах. Эти сны всё больше разжигали его желание обладать Таис: «Душа его сгорала от желания обладать Таис, и он кричал: <...> Еще искушений! Еще непотребных помыслов! Еще чудовищных вожделений!» [Франс, 1983, с. 269]. Апогея же его похоти достигли тогда, когда он узнал о приближающейся смерти Таис [Франс, 1983, с. 287].

3. Грех сомнения. Сомнение как грех не выделяется многими богословами, изучающими Священное Писание. Однако, согласно Библии, люди, сомневающиеся в Боге, впоследствии жалели об этом. Так, например, в Псалтири [Пс. 105, с. 6]. Пафнутий совершает грех сомнения уже с первой главы романа. Так, увидев знак Бога, предупреждающий Пафнутия не ехать в Александрию, он стал сомневаться в своём решении [Франс, 1983, с. 176]. Тем самым Пафнутий усомнился в решении Бога. Затем Пафнутий сомневается в том, что происходит не от Бога, а что от дьявола, сомневается и в помощи Бога, считая, что он его оставил на произвол судьбы. И все эти сомнения приводят к сомнению в божественных истинах, спасении, вечной жизни [Франс, 1983, с. 287].

Таким образом, Пафнутий обладает тремя обозначенными в самом романе грехами: Сомнением, Похотью, Гордыней. Но, помимо этого, у монаха можно выделить и другие пороки. Опираясь на теорию о восьми смертных грехах, мы выделили в образе Пафнутия следующие:

1. Зависть. Пафнутий был завистлив. Он ненавидел Никия не только из-за своей ревности, но и из-за зависти, ведь Никию довелось иметь возможность обладать Таис. Помимо этого, Пафнутий завидует грешникам, которым повезло быть прощёнными Богом [Франс, 1983, с. 284].

2. Гнев. Гнев Пафнутия направлен на большое количество людей, чья вера и взгляды отличаются от его. Среди этих людей больше всех выделяется Никий: на знаки его доброты Пафнутий отвечает гневом [Франс, 1983, с. 253]. Гнев

по отношению к близким в итоге породил у Пафнутия и гнев по отношению к Богу. Так, узнав о приближающейся смерти Таис, Пафнутий восклицает: «Не-навистный бог, <...> я плюю тебе в лицо» [Франс, 1983, с. 289].

3. *Алчность*. Алчность – это непреодолимое и ненасытное желание обладать чем-то. Непреодолимое желание Пафнутия – желание обладать Таис [Франс, 1983, с. 288]. Помимо этого, алчность проявляется и в желании получить какую-либо выгоду. Так, из разговора Пафнутия со старцем Тимоклом мы узнаём об истинных причинах его праведничества: «Я тоже терплю лишения и тоже живу отшельником, соблюдая воздержание. Но я делаю это для того, чтобы угодить Богу и удостоиться вечного блаженства. А это разумная цель, ибо мудро терпеть муки в предвидении великих благ. Если бы я не веровал, <...> я тотчас же вернулся бы в мир, я старался бы разбогатеть, чтобы жить в неге, как живут счастливыцы мира сего» [Франс, 1983, с. 180].

4. *Уныние*. Грех Уныния сопутствует греху Сомнения, так как из-за своего сомнения Пафнутий падает духом, расслабляет ум и сетует на Бога.

В результате проведённой работы мы предлагаем иную трактовку образа Пафнутия, который стоит рассматривать как положительного персонажа из-за того, что он представитель церковного догматизма, но и как отрицательного персонажа, обладающего греховными качествами.

Жизнь Пафнутия праведная, но только внешне: он соблюдает посты, молится и занимается самоистязанием плоти. Но делает это ради личной выгоды. Именно поэтому он не прислушивается к Божественным знакам и советам старца, а все свои греховные поступки совершает, прикрываясь христианскими догмами.

Исходя из этого, «Таис» – это роман не о разрушении церковного догматизма, а о возможности слияния двух миров – мира христианского и мира языческого. Пафнутий покинул христианскую веру, а Таис же её обрела, посвятив Богу не только тело, но и душу, что и сделало её святой.

Библиографический список

1. Библия, или Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в рус. пер. с парал. местами. М.: BibleLeague International, 2015. 1232 с.
2. Франс А. Полное собрание сочинений: т. V / Анатолий Франс; под ред. Е.Ф. Корша, предисл. А.В. Луначарского. М.: Земля и фабрика, 1928. С. 593–727.
3. Франс А. Собрание сочинений: Том 1 (в 4-х т.) / Анатолий Франс; вступит. ст. В.А. Дынник; примеч. И.А. Лилеевой, С.Р. Брахман, С.И. Лиходзиевского. М.: Худож. лит., 1983. 607 с.

ВИКТОРИАНСКАЯ МОДЕЛЬ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ БРИТАНСКОМ РОМАНЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Б. БЕЙНБРИДЖ «МАСТЕР ДЖОРДЖИ»)

VICTORIAN FAMILY PATTERN IN A MODERN BRITISH NOVEL (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL B. BAINBRIDGE «MASTER GEORGIE»)

П.С. Мацкова

P.S. Matskova

*Научный руководитель Т.А. Полуэктова
Scientific adviser T.A. Poluektova*

Викторианская эпоха, викторианское возрождение, неовикторианский роман, семейная модель, современный британский роман, Берил Бейнбридж.

Статья посвящена изучению семейных моделей в Викторианскую эпоху и рассмотрению их в новом литературном жанре – «неовикторианский роман» – на примере романов Д. Фаулза «Любовница французского лейтенанта» и Б. Бейнбридж «Мастер Джорджи».

Victorian, Victorian Renaissance, Neo-Victorian romance, family pattern, contemporary British novel. The article is devoted to the study of family models in the Victorian era and their consideration in the new literary genre – «neo-Victorian novel» by the example of the novels by D. Fowles “The French Lieutenant’s Woman” and B. Bainbridge “Master Georgie”.

Викторианская эпоха является особым феноменом в культуре Великобритании, внимание к которому не угасает и в наши дни. Эпоха правления королевы Виктории (1837–1901) – спокойное и благополучное время в истории Англии. Общество особо заботилось о соблюдении приличий и определенного церемониала жизни. Пример семейной жизни королевы Виктории и принца Альберта привёл к тому, что в XIX веке в Британии установился культ семьи, а королевская семья являла собой образец для подражания всей Англии. [2].

Замужество – главная цель, предназначение девушки викторианской эпохи. До 1823 года молодые люди и девушки, не достигшие двадцати одного года, не могли вступить в брак без разрешения родителей. На отце девушки лежала ответственность за то, чтобы установить кредитоспособность будущего избранника и его возможность повышения по службе. Когда женщина выходила замуж, всё её имущество отходило к мужу. В период правления Виктории женщина была абсолютно бесправна как при жизни мужа, так и после его смерти [2].

Мужчина был главой викторианской семьи, женщина довольствовалась ролью помощницы мужа, матери и хранительницы домашнего очага. Авторитет

главы семьи и дома в это время оставался непререкаемым, жена не могла возразить мужу. В разговоре с отцом дети добавляли на конце «сэр», что показывало их уважение, также они целовали отцу руку перед сном. Муж большую часть времени проводил в компании своих друзей, с которыми он встречался в мужских клубах, куда не допускались женщины. Жёны в это время управляли домом, детьми, приглядывали за слугами.

Эти традиции отразились и в художественной литературе, преимущественно – в британской. Термин «викторианский роман» не поддается четкому определению в силу разнородности и неоднородности самого английского романа викторианской эпохи. Это обобщающий термин для всех романов английских прозаиков, написанных в викторианский период истории Великобритании. Главным образом, это реалистический роман о современной писателю жизни, характеризующейся широтой изображения социальных противоречий [5]. Самыми известными викторианскими романистами являются: Чарльз Диккенс, Уильям Теккерей, Джордж Элиот, Энн, Шарлотта и Эмили Бронте.

Начиная с конца 1970-х гг., в литературе Великобритании «викторианское возрождение» стало требованием времени: с одной стороны, люди испытывали ностальгию и уважение к данному периоду истории, а с другой, – понимали необходимость критической переоценки прошлого [4, с. 16]. Это явление обстоятельно проанализировано в трудах как российских, так и зарубежных исследователей: Б.М. Проскурнин, Е.Ю. Гениева, Т.Н. Красавченко, О.А. Толстых, Ю.С. Скороходько, М. Брэдбери, К. Хьюитт и др.

Попытка возрождения викторианства в новом ракурсе, переоценка викторианских ценностей и устоев общества того времени нашли отражение в новом литературном жанре – «неовикторианский роман». Так, например, Ю.С. Скороходько определяет неовикторианский роман как «современный исторический роман, который тем или иным способом изображает викторианскую эпоху или викторианское мироощущение». [4, с.190]. Неовикторианская литература нацелена на процесс повторного открытия, интерпретации и переосмысления всего викторианского.

В современном литературном процессе Великобритании до сих пор не утрачен повышенный интерес к викторианству как со стороны писателей, так и читателей, потому что эта эпоха ассоциируется со стабильностью, порядком и уважением к культурным и моральным ценностям.

Так, например, в романе Джона Фаулза «Любовница французского лейтенанта» (*The French Lieutenant's Woman*, 1969; рус. пер. 1990) главный герой Чарльз – молодой наследник большого состояния и знатного имени, умный, эрудированный человек, много повидавший в жизни, – находит интерес в занятиях наукой. Чарльз обручен с молодой девушкой Эрнестиной Фримен, дочерью богатого торговца сукном. Они нашли друг в друге незаурядный ум, легкость в обращении и приятную сдержанность. Отец Эрнестины подверг его строгой проверке, но «Чарльз блестяще выдержал это тайное испытание». [6, с. 92]. Казалось бы, что их будущая модель семьи будет идеальной в данную эпоху, но в жизни главного

героя внезапно появляется отверженная обществом девушка по имени Сара Вудраф. Чарльз не может выбрать между двумя разного типа женщинами: одна сулит надежное будущее, безупречную семейную идиллию и стабильное положение в обществе, другая манит страстностью и необычностью натуры, обещая глубокое, искреннее чувство и интересную жизнь. Однако перед нами несомняющийся Чарльз Смитсон, Англия на распутье в его лице. Эрнестина – богобоязненная и добропорядочная старушка Англия с ее стереотипами, вековыми традициями и образцово-показательными манерами, Сара Вудраф – это прогресс, будущее Англии и ее индивидуальность. Противоречие героев в романе – противоборство старого и нового в масштабах целой страны.

Фаулз помещает своего героя Чарльза Смитсона в положение необычное, для викторианской эпохи даже катастрофическое: он сводит его с прекрасной и загадочной Сарой, «падшей» женщиной, к которой Чарльза неудержимо влечет.

Таким образом, «Любовница французского лейтенанта» становится, по собственному выражению Фаулза, «упреком викторианской эпохе».

Фаулз предлагает читателю три варианта финала – три возможные модели построения Чарльзом семьи и собственной жизни. Первый вариант – «викторианский» финал, в котором Чарльз женится на Эрнестине и доживает до 114 лет. Второй вариант – «счастливый» финал, в котором Чарльз спустя 2 года разлуки находит не только любимую женщину, но и их совместного ребенка. Но а третий вариант – «свободный» финал, где главный герой выбирает свободу и веру в себя. Он оставляет независимую Сару, чтобы в одиночку продолжить свой жизненный путь по враждебному и неприютному миру. Герой теряет все опоры, зато обретает веру в себя и уезжает в свободную Америку, которая сулит ему новые возможности.

В романе английской писательницы Берил Бейнбридж «Мастер Джорджи» (Master Georgie, 1998; рус. пер. 2000) описано несколько моделей семьи викторианской эпохи. Действие романа происходит в период с 1846 по 1854 годы. Семья Харди – образец викторианской семьи. У них трое детей: Джордж, Фредди (рано умер от воспаления мозга) и Беатрис. Мистер Харди занимает высокопоставленную должность, миссис Харди сидит дома, постоянно тоскует: «Ну а тоска развивалась исключительно на почве мужа; миссис Харди была заброшенная жена» [1, с. 2], которая ждёт своего благоверного мужа, воспитывает детей, а он решает «неотложные дела» [1, с. 3]. Мистер Харди был не прочь кутнуть, мог вернуться домой под утро в непотребном виде. Миссис Харди имела особое влияние на детей, но больше всего она помыкала сыном – Джорджи, всячески контролировала любой его выход из дома. Воспитанный в строгих правилах, Джорджу приходится скрыть «неприличные» обстоятельства смерти своего отца, который скончался в борделе. Он тайком перевозит труп отца в дом и инсценирует его смерть в постели от разрыва сердца. Он вынужден был это сделать по двум причинам: «оберечь свою мать» [1, с. 12] и скрыть этот неблагоприятный поступок от чопорной общественности. Джордж любил и боялся отца, как говорил доктор Поттер: «Джордж поместил его на пьедестал, и притом очень высокий. При падении мистера Харди с высоты – они разбились оба» [1, с. 24].

Вторая викторианская модель семьи, представленная в романе, – это семья Джорджи и Энни. Джордж – врач, увлекающийся искусством фотографии. Молодая Энни становится его женой, и, согласно господствовавшему культу семьи, они должны обрести потомков. Но Энни уже в третий раз не может выносить ребёнка, и в четвертый раз происходит несчастный случай. Помпи Джонс (молодой помощник мастера Джорджи, утиный мальчик, так прозвала его сирота Миртл, которую приютили в своей семье Харди), даёт точную характеристику их браку: «Годами был под каблуком у матери; теперь вон с другой бабой мается» [1, с. 19].

27 февраля 1854 г. Джордж отправляется на Крымскую войну. Сначала Джордж решает взять с собой только Миртл и доктора Поттера, но за две недели до отплытия объявляет, что с ним едет его жена и дети. Доктор Поттер говорит, что это решение Джорджа, потому что к этому приложила руку Миртл – из-за детей, поскольку их настоящей матерью является именно она. Б. Бейнбридж – мастер приема «между строк»: во второй главе ей достаточно одной фразы, из которой читатель узнает, что Миртл услали в пансион в Саутпорте, и за два года видели её только раз, когда она приезжала на летние каникулы. Для внимательного читателя этого достаточно, чтобы понять одно: эти дети – плоть от плоти Миртл и Джорджа.

Таким образом, дети были обязательным атрибутом викторианской семьи, и, чтобы соблюсти эту традицию, героям приходится всячески этому соответствовать, пусть и обманным путем. К тому же Миртл, любящая Джорджа всем своим существом, не прочь быть в статусе «няньки» для своих же детей.

Б. Бейнбридж в романе не ограничивается традиционными представлениями писателей-викторианцев о чувствах. Так, на примере Джорджа она показывает изысканность викторианцев, а именно – проявление чувств по отношению к своему полу. После нескольких тщетных попыток сближения со стороны Джорджа утиный мальчик доходит до понимания их сути: «Я бы, может, ему и уступил – этот грех распространен во всех слоях общества, правда, я так замечал, богатые ему уступают по своей охоте, а бедные из нужды!» [1, с. 20].

Третья викторианская модель семьи в романе – это взаимоотношения доктора Поттера и Беатрис. Только между этими героями мы можем наблюдать теплые, нежные, романтические чувства. Доктор Поттер не может спать, пока не почувствует ее тепло у себя под боком, он щекоткой будит её на рассвете. Он говорит: «В отличие от Энни, Беатрис исполняет супружеский долг с удовольствием и трогательно вносит долю вдохновенья в минуты наших блаженных кувырканий» [1, с. 23].

Таким образом, роман Б. Бейнбридж «Мастер Джорджи» вписывается в обширный и богатый контекст традиции неовикторианского романа с его культом семейственности. Б. Бейнбридж как писатель-постмодернист разрушает привычные представления об этике семейной жизни эпохи Викторианства, демонстрируя «другие» семейные модели. Читатель видит всё то, о чем не мог бы написать в своем романе викторианский писатель.

Библиографический список

1. Бейнбридж Б. Мастер Джорджи: роман. М.: Иностранка: Б. С. Г. Пресс, 2001. 190 с.
2. Диттрич Т. Повседневная жизнь викторианской Англии. М., 2007. 187 с.
3. Полуэктова Т.А. Жанровые формы романов Берил Бейбридж («Мастер Джорджи», «Согласно Куини»): монография. Красноярск: КГП., 2013. 243 с.
4. Скороходько Ю.С. Неовикторианский роман младшего поколения. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 376 с.
5. Толстых О.А. Неовикторианский постмодернизм Антонии Байетт (на примере романа «Possession») // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2005. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neoviktorianskiy-postmodernizm-antonii-bayett-na-primere-romana-possession/viewer> (дата обращения: 20.04.2020).
6. Фаулз Д. Любовница французского лейтенанта: роман. М.: Издательство «Э», 2017. 576 с.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ «ЗАТЕСЕЙ» КРАСНОЯРСКОГО ПЕРИОДА ТВОРЧЕСТВА В.П. АСТАФЬЕВА

ARTISTIC FEATURES OF THE «CONCOCTIONS» OF THE KRASNOYARSK PERIOD OF THE WORK OF V.P. ASTAFYEV

Е.Р. Макова

E.R. Makova

Научный руководитель Т.Н. Садырина
Scientific adviser T.N. Sadyrina

В.П. Астафьев, «Затеси», красноярский период, самобытность, художественные особенности.

Цель данной статьи – раскрыть художественные особенности затесей красноярского периода В.П. Астафьева. Проанализированы рассказы представленного периода «Бесплатный спектакль», «Деревенское приключение», «Пила».

V.P. Astafyev, «Sitesi», Krasnoyarsk period, originality, artistic features.

The purpose of the submitted article is to explore artistic features of short stories (zatesi) during the stay of V.P. Astafiev in Krasnoyarsk. The article mentions are analyzed some stories of this period like: «Free performance», «Village adventure», «Saw».

Виктор Петрович Астафьев занимает в отечественной литературе особое место. Его произведения подкупают искренностью, событиями из жизни, которые понятны любому читателю. Автору удается объединить философскую глубину и удивительную простоту. Затеси в творчестве Астафьева играют важную роль. Затеси – это слияние личного и общественного, это своеобразный дневник автора, его лирические размышления и истории из его собственной жизни. Они перекликаются с другими, более значимыми произведениями, которые были написаны до публикации затесей или после них.

Затесь – это заруба или засечка, сделанная на дереве первопроходцами в тайге для того, чтобы мета была видна издали. Они ходили от меты к мете, таким образом получалась тропинка – зимник, потом дорога к деревне или селу. Отсюда мы можем сделать вывод, что сборник назван Астафьевым именно так, потому что «Затеси» – это олицетворение шагов автора. Каждый рассказ – это отдельная история, вместе они создают глубокую, вневременную жизнь.

Изначально название сборника было «Дыхание родной земли». Виктор Астафьев родился в деревне Овсянка Красноярского края. Рассказы этого периода написаны на родине автора. Согласно периодизации Петра Андреевича Гончарова, красноярский период охватывает творчество Астафьева с 1980 по 2001 годы. Важно понимать, что для любого автора место и время написания своих произведений имеют большое значение. Его внутренние ощущения и его мир почти всегда отражены в написанном. А затеси – это что-то личное, поэтому так важно рассмотреть своеобразие и особенности каждого конкретного периода создания

затесей. Мы рассматриваем цикл, который называется «Игра», в него входит тридцать два рассказа. В книге «Затеси» этот цикл является четвертым.

Большая часть миниатюр этого периода имеют фабулу и сюжет. Они затрагивают социальные темы, которые волнуют автора. К таким можно отнести рассказ «Бесплатный спектакль». Написан он в 1982 году, входит в цикл «Затеси», книга четвертая, «Игра». Впервые опубликован в книге «Затеси», изданной в Красноярске Красноярским книжным издательством в 1982 году.

Повествование ведется от первого лица, рассказчик случайно становится зрителем “бесплатного спектакля” на одной из улиц деревни. Одна из особенностей рассказов красноярского периода заключается в том, что воспроизводится реальная картина увиденного автором. Автор знакомит читателя с людьми, которых хорошо знает, или эпизодами из личной жизни.

Итак, рассказ «Бесплатный спектакль» – это описание случая, пережитого автором. Главные герои: Липка-зуд – одноклассница рассказчика, в детстве переболевшая золотухой, ее муж, рассказчик. От золотухи на лице Липки остались пятна. *«В юности Липка выправилась, в девках была бойка характером, резво танцевала, громко смеялась и прижила ребеночка с кем-то из вербованных или ссыльных трудяг»* [1, с. 115] – это все, что помнит рассказчик о Липке, и далее он встречается с ней уже во взрослой жизни, что и становится причиной написания этой затеси. Еще один герой – муж Липки, с которым они познакомились в культпросветучилище. Вместе выступали в местном клубе, пока он не сторел. Супруги выпивали на улице, играли на баяне и пели «похабные частушки», пока рассказчик не вышел за ворота и не встретился с Липкой лицом к лицу. И здесь можно отметить всю безнравственность поведения героини: *«Я чем-то опять занялся и снова забыл про гуляк, и черти меня вынесли за ворота. Липка, подстегнуто охнув, двинулась ко мне, раскинула руки, облобызала, взасос целуя широко раззявленным, луком, табаком и сивухой воняющим ртом»* [1, с. 116]. Автора возмущает эта ситуация. Она не просто отражает самобытность деревенской жизни, а нравственную деградацию многих ее представителей. Если обратить внимание на лексику, можно заметить частое использование просторечий в рассказе: «облобызала», «взасос», «сивухой воняющим ртом». Астафьев использует просторечия в затесях красноярского периода в целях создания эффекта стенографии народной речи.

В рассказе «Деревенское приключение», написанном в 1972 году, действие происходит в аналогичном пространстве. Основа сюжета – история из жизни обычного мужика Данилы Евсеича Замаркина, которого все зовут овощевод-Парасковьин, по имени жены Парасковьи. Место действия – село Ковырино, находящееся на берегу реки Валаурихи. Всем мужикам в этом селе давались прозвища по именам женщин – их жён, так как они считались главными в труде и работе. Завязка сюжета случается тогда, когда главный герой Парасковьин замечает, что его дочь Шура беременна. Проходит время, Шура уезжает к бабушке, и именно там ребёнок появляется на свет. Парасковьин понимает, что так быть не должно, Шура и младенец должны жить дома. Он пишет дочери письмо, в котором просит её вернуться домой. Кульминационным моментом рассказа является ситуация с паромом, на котором переплывали реку Шура с младенцем. Паром перевернулся от сильного пе-

регруза, и лишь Шура с ребёнком остались живы. Когда Шуру вытащили на берег, она не могла разомкнуть руки, в которых держала младенца, а затем начала захлебываться водой и потеряла память. Даже отец с матерью не могли помочь дочери. Показательным здесь можно считать поведение Кирьки Степанидина – отца ребёнка: *«На ходу снимая кожаную куртку, он ругался.*

– Охломоны! – кричал он. – Дураки необразованные! Надо же искусственное дыхание делать!.. – И осекся, встретившись глазами с Шурой. – Жива! Жива-а-а! – заблажил он на весь берег. – Шурка! Да как же!... [1, с. 109]. Его волнение выражает заботу и любовь к Шуре. И только когда Кирька попросил, Шура разомкнула руки и отдала ребёнка, как бы признавая его в качестве отца своего ребенка и прощая за предыдущее. Отметим, что ровно в этот момент и на протяжении дальнейшего повествования автор называет Парасковьиной-овощевода и Кирьку Степанидина по их мужским именам. Происходит прозрение героев, переосмысление ценностей. В критической ситуации они оказались объединены одной бедой, что помогло им вместе спасти Шуру. Гордость и обиды забыты, теперь они одна семья. Как и в предыдущем рассказе, доминируют нравственная проблематика и скрытое поучение.

Также в цикле есть бессюжетные рассказы. Свободное живописание настроений, ощущений, непосредственных впечатлений героя. Но тем не менее даже в коротких миниатюрах есть важный смысл. К таким можно отнести рассказ «Пила», написанный в 1991 году и опубликованный впервые в журнале «Москва» 1991 года. Повествование кажется бессюжетным, отражен момент жизни человека, знакомого автору. При полете вдоль берега Енисея видны «мертвая дорога», мертвые поселки, зоны, обтянутые колючей проволокой, кладбища – «отголоски» цивилизации. Астафьев как человек, родившийся в деревне, любит природу, но здесь он обращается к болезненной стороне жизни общества. На этой «мертвой дороге» отсутствуют привычные природные картины. Больше всего летчику, знакомому автору, запомнилась пила. Пила, которая до сих пор висит в половине дерева и будто ждет, что однажды придут люди и снова начнется работа. Пила как олицетворение жизни на этой «мёртвой дороге». Рассказ представляется нам как отрывок долгого разговора автора с лётчиком, который пролетал над этими местами. В короткой миниатюре поднята острая для автора тема проникновения цивилизации в природу, бездумного потребления природных ресурсов. Такая же тема поднимается в рассказах «Раскопки», «Большой стратег» и других.

Изучив цикл рассказов, мы можем сделать вывод, что затеси красноярского периода имеют ряд художественных особенностей. В цикле есть короткие бессюжетные рассказы, есть развернутые миниатюры с сюжетом. Все рассказы так или иначе выражают важную социальную проблематику, отношение человека к природе, к семье, к жизни.

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Затеси. Красноярское книжное издательство, 1982.
2. Виктор Петрович Астафьев. Словарь-справочник / Л.Г. Самотик, Т.Н. Садырина. Красноярск: РАСТР, 2019. 432 с.

МОТИВ ДВОЙНИЧЕСТВА В ПОЭМЕ И. БРОДСКОГО «ГОРБУНОВ И ГОРЧАКОВ»

THE DUALITY MOTIF IN THE POEM OF JOSEPH BRODSKY «GORBUNOV AND GORCHAKOV»

М.А. Окунева

M.A. Okuneva

Научный руководитель Т.Н. Садырина
Scientific adviser T.N. Sadyrina

Русская литература, поэзия, двойник, двойничество, мотив двойничества.

В статье исследуется мотив двойничества как феномен русской литературы, а именно – в поэтике Иосифа Бродского, ранее не изученной в категории двойничества.

Russian literature, poetry, double, duality, duality motif.

The article explores the motif of duality as a phenomenon of Russian literature, namely in the poetics of Joseph Brodsky, that has not been studied in the category of duality before.

Мотив двойничества как феномен литературы возникает в эпоху романтизма. В поэтике Иосифа Бродского этот мотив реализуется, но исследований, посвященных этой категории и вообще раннему периоду творчества поэта (до 1971 года), недостаточно. Данное обстоятельство определяет актуальность предлагаемого исследования.

Категория двойничества (тема, мотив, образы двойников) разрабатывалась поэтами нескольких предшествующих поколений, в том числе Анной Ахматовой, чье влияние на Бродского общеизвестно. Бродский в Нобелевской речи (1987) говорил о культурной миссии, выпавшей на долю его поколения, о бессознательном стремлении к созданию эффекта непрерывности культуры, о «наполнении ее немногих уцелевших и часто совершенно скомпрометированных форм нашим собственным, новым или казавшимся таковым современным содержанием» [1, с. 641]. Раннему периоду творчества Иосифа Бродского свойственны поэтика «осколков», всевозможные реминисценции, аллюзии к античной литературе и философско-эстетическая основа, являющаяся переосмыслением традиции барокко. Важное значение имел экзистенциализм 1940–1950-х годов, который определял культурный воздух эпохи, в котором формировался Бродский. Метафизическая проблематика эпохи барокко, проблематика экзистенциализма и философия абсурда Альбера Камю стали характерными особенностями в поэтике раннего творчества Иосифа Бродского.

Особого внимания заслуживает вопрос о мотивах двойничества в русской литературе, и целью этой научной статьи является рассмотрение романтического феномена двойника в поэме Иосифа Бродского «Горбунов и Горчаков» (1965–1968) и сопряженного с ним мотивного комплекса.

Двойничество в литературе следует рассматривать с двух основных позиций: онтологической и аксиологической, чтобы увидеть это явление сквозь призму бытийных отношений и специфику восприятия действительности, а также с точки зрения религиозно-нравственных ценностей, свойственных той или иной эпохе, что в целом составляет парадигму художественного сознания. Под двойником мы понимаем проекцию части сознания или подсознания художественного прототипа, функционирующую в качестве самостоятельного персонажа произведения. Двойник может символизировать смерть, бесконечную жизнь, совесть героя, болезнь (психическое расстройство) и многое другое. Двойник – это осколок некогда цельного сознания, противоречивого во многом, но единого, а не маркер сходства или различия разных сознаний. Право называться двойниками получают только те персонажи, которые имеют какую-то общность: происхождение, имя, внешность – всё, формально указывающее на их «родство». В данном произведении Бродский как поэт-философ и поэт-мыслитель задает вопросы о двусоставности человеческой природы. Доказательство этому находится в самом заглавии поэмы, а значит и в самой семантике антропонимов. В теории и методике ономастических исследований сказано, что литературная антропонимика является зеркальным отражением имен, употребляющихся в жизни, их проекцией, прошедшей сквозь призму авторского творчества [6]. Фамилии заглавных лирических героев – Горбунов и Горчаков – имеют сходство на фонемном уровне языка, но различаются на лексическом, семантическом. Ни одна из наших интерпретаций в характеристике героев не претендует на однозначность. Фамилия Горбунов принадлежит к старинному типу русских фамилий, образованных от личного прозвища, но к этому ряду именованных относится и целый ряд старинных личных прозвищ, образованных от слова «горб» – «искривление позвоночного столба у человека». Подобные прозвания могли быть присвоены как человеку, имеющему физический недостаток – горб на спине или груди, возникший в результате травмы или ранения на войне, так и человеку с сильно сутулой спиной, возможно, сгорбленной от тяжёлого труда. Скорее о духовном, чем о физическом недостатке Горбунова, говорит Горчаков в части VIII «Горчаков в ночи», размышляя о сне Горбунова: *«Могилы исправляют горбунов!..»* [5, с. 224]. Выражение «Горбатого могила исправит» имеет вполне определенный источник происхождения, его можно найти в Библии. Только там иная формулировка, и встречается она в книге Екклесиаста: «Кривое не может сделаться прямым». В инакомыслии Горбунова, в его «кривости» читатель не раз убедится по ходу чтения поэмы, и тому противоположная «прямота» Горчакова, составляющая основное противоречие (оппозицию) между главными героями. Этимология фамилии Горчаков могла восходить к прозвищу Горчак, которое, в свою очередь, образовано от нарицательного «горчак». Так в старину называлась горькая трава, «дикая горчица». *««Боюсь, что ты застрянешь здесь навечно». «Ты хочешь огорчить меня?» «На то я, как известно, Горчаков»»* (I часть «Горбунов и Горчаков») [5, с. 198] и *««Вот! Я тебя разделал под орех! Есть горечь в горчаковской укоризне!»»* [5, с. 201] (II часть «Горбунов и Горчаков»). Фамилии второстепенных героев, Мицкевич и Бабанов, и героев, не имеющих прямого отношения к сюжетно-композиционной линии, – Хомутовы и Гамельтоны – также несут в себе признаки мотива двойничества: *««А кто мне снится? Что молчишь?»*

В кусты?» «Гор-кевич. В лучшем случае, Гор-банов»» [5, с. 196] – этот же мотив повторяется и в XIV части «Разговор в разговоре». Во II части «Горбунов и Горчаков» Горчаков сравнивает Горбунова с неким Хомутовым, близким по безумию Горбунову, что говорит ««...я – Гамильтон, и я здоров»» [5, с. 199]. Горбунов не отрицает: ««Возможно, Хомутовы – Гамильтоны»» [5, с. 199].

Центральная философская антиномия, лежащая в основе конфликта двух мировоззрений – Горбунова и Горчакова – и составляющая главное противоречие героев, находит выражение в мотивах сна и бессонницы, являющихся мифопоэтическими кодами двоemiрия. С мотивом сна в поэме явно коррелирует мотив воды, то есть моря, и образ лисичек – все они играют смыслообразующую и сюжетно-композиционную роль. Мотив сна в поэме «Горбунов и Горчаков» синонимичен с мотивом грезы, мечты и мотивом любви. Почти каждая часть поэмы начинается с вопроса Горчакова ««Ну, что тебе приснилось, Горбунов?»», и именно сон Горбунова стал той отправной точкой мотива предательства Горчаковым Горбунова. С образом сна Горбунова связан образ лисичек, повторяющийся постоянно: ««Ну, что тебе приснилось, Горбунов?» «Да, собственно, лисички». «Снова?» «Снова»» (I часть «Горбунов и Горчаков») [5, с. 195]. Мотив «грибного» сна Горбунова связан с любовным мотивом разлуки и одиночества: ««Лисички не безвредны, и, по мне, они враги душевному здоровью. Ты ценишь их?» «С любовью наравне». «А что ты понимаешь под любовью?» «Разлуку с одиночеством»» и ««И, стало быть, во сне, когда темно, ты гредишь о лисичках?» «Постоянно». «Вернее, о любви?» «Ну все равно...»» (II часть «Горбунов и Горчаков») [5, с. 200]. Сну же Горчакова свойственны обычные проявления, ничем не примечательные образы: ««Концерты, лес смычков. Проспекты, переулки. Просто лица. <...> Нева, мосты. <...> Проспекты, разговоры. Просто вещи. Рояль, поющий скрипке в унисон. И женщины. И, может, что похлеще»» [5, с. 195]. Но, несмотря на обыденность сновидений Горчакова, в них имплицитно выражается мотив двойничества, и он заключен в видении Горчакова себя мальчишкой и стариком: ««Ну вот, я говорю, мне снится детство. Мы с пацанами лезем на чердак. И снится старость. Никуда не деться от старости... Какой-то кавардак: старик, мальчишка...»» (I часть «Горбунов и Горчаков») [5, с. 196]. И именно «лисички» Горбунова, значение которых Горчаков относил к выражению «беспартийного взгляда», потом станут частью самого Горчакова, так усердно отвергающих их: ««Но холодно мне без, без шлепанцев. Не следует сердиться. Я зябну потому, что интерес к сырým лисичкам в памяти гнездится»» (II часть «Горбунов и Горчаков») [5, с. 200]. Следовательно, образ лисичек можно трактовать как нечто запретное, интимное, недоступное пониманию другого/чужого сознания, особый лиризм ему придает уменьшительно-ласкательный суффикс. Можно предположить, что слово «лисички» имеет разные интерпретации, на пересечении которых поэтическое слово становится многозначным, и лексема из нормативного словаря превращается в поэтический окказионализм.

Сон Горбунова образует мотив моря и как бы существует одновременно с ним, подразумевая образы свободы, «океанского вала», «гребни пенившихся туч», которые, в свою очередь, расширяют художественное и метафизическое

пространство поэмы, выходя за пределы больничной палаты в другой мир и образуя тем самым дополнительную черту в поэтике двоемирия.

Мотиву моря посвящена предпоследняя целая часть поэмы «Разговоры о море», в которой некогда звучащие реплики Горчакова «*«Твой довод мне бессмертные сулит. <...> твой светоч мой фитиль не веселит»»* [5, с. 223] из VIII части «Горчаков в ночи» превращается в этой части в слова Горбунова, в которых различие проявляется в замене слова «*фитиль*» на «*тьму*», а прямая речь Горбунова из III части «Горбунов в ночи» «*«Больница. Ночь. Враждебная среда...»»* [5, с. 223] в XIII части «Разговоры о море» становится речью Горчакова. Доказательство этому мы находим в самих словах Горчакова, который говорит «*«Как странно Горчакову говорить безумными словами Горбунова!»»* (IV часть «Горчаков и врачи») [5, с. 210]. Такую подмену смыслов, описанных выше, зеркальное отражение названий частей поэмы можно отнести к мотиву игры, свойственному поэтике постмодернизма. К этому же следует добавить намеренную авторскую игру с читателем уже в заглавии частей поэмы, имеющих двойное название – «Горбунов и Горчаков», потому что начало в этих главах всегда идет за Горчаковым, задающим вопрос, а не за Горбуновым, как следовало бы. Все это создает эффект обманутого ожидания (часть поэтики игры), составляющий почти первооснову мотива двойничества потому, что «*«оба суть одно взаимно значат»»* (V часть «Песня в третьем лице») [5, с. 212].

Мотив окна, как выхода в другой мир, и мотив отражения в том же самом окне в поэме коррелируется опять с мотивом двойничества. И здесь же Горбунов видит «звездные поля», а Горчаков – лишь «больничную аллею и сугроб», прислонившись к «окошку» и пытаясь увидеть то, что видит Горбунов (II часть «Горбунов и Горчаков») [5, с. 199]. Горчаков выражает полнейшее непонимание Горбунова: «*«На что ты там уставился в окне?» «Само сопротивление суесловью»»* (II часть «Горбунов и Горчаков») [5, с. 200]. В VIII части «Горчаков в ночи» Горчаков задает вопрос: «*«Какие звезды?! Пол и потолок. В окошке – отражается палата»* [5, с. 223]. Все, что связано в поэме с мотивом окна, содержит эффект удвоения: «*«Окна – бесконечности оплот. Палата в них двоится и клубится»»* [5, с. 223].

Художественное пространство произведения ограничено стенами палаты психбольницы, сны Горбунова вызывают подозрения со стороны врачей после соответствующих доносов Горчакова. Вся поэма реализует мотив безумия, и, согласно словарю Эмиля Бенвениста, обезуметь – это выйти из себя. Болезненное состояние Горбунова характеризуется, прежде всего, снами и стремлением к ним: «лисички», «море», его рассуждениями о них же. «*«Ты спятил, Горбунов!»»* [5, с. 196], – говорит Горчаков в I части «Горбунов и Горчаков», – вербализация безумия, то есть парадокса, абсурда. Человек, уже находящийся в клинике для душевнобольных, «спятил» (по словам Горчакова, тоже пребывающего там же). Горбунов в состоянии отчаяния (III часть «Горбунов в ночи») говорит о раздвоенности как о решении проблемы одиночества. Раздвоенность, как и безумие, болезненное состояние, состояние человека, пытающего помочь самому себе, выход в другую реальность: «*«И делится мой разум, как микроб, в молчаньи безгранично размножаясь!»»* и «*«...препятствует молчанью, каковое я тем уничтожаю, что творю в себе*

второе поле силовое»» (там же) [5, с. 204-205]. В финальной части поэмы Горчаков тоже признает за собой безумие: *««Я сам с собой в разладе»»* [5, с. 249].

Пространство, в котором находятся Горбунов и Горчаков, безумно, парадоксально. Горчаков говорит: *««тут все наоборот»»*. Этот повторяющийся ход поэтической мысли Бродского отражает максимальное погружение в мрак и безнадежность (*««Огромный дом. Слепые этажи. Два лика, побледневшие от вони»»* V часть «Песня в третьем лице» [5, с. 212]), в абсурд и хаос, последовательное обживание и интеллектуальное освоение этих экзистенциальных антимиров, которое поразительным, иррациональным образом выводит к свету. Особого разговора заслуживает категория пасхальности в поэме.

Мотив двойничества в поэме «Горбунов и Горчаков» не ограничивается описанием пространства, отражения, раздвоенности голосов (III часть «Горбунов в ночи»), повторением «молитв» Горбунова в III части и Горчакова VIII части, их повторяющимися восклицаниями: *««А не позвать ли Горчакова? Эй, Горчаков!..»»* [5, с. 204] и *««Эй, Горбунов!.. На кой мне Горбунов?!»»* [5, с. 224]. Возникает ряд сопутствующих мотивов: мотив тишины, молчания и антиномичный ему мотив голоса, слова, эха; мотив земного и духовного, то есть материального и метафизического; мотив холода и тепла, состояние озноба, причем, постоянно сменяющих позиции – то на Горбунова, то на Горчакова; мотивы верха и низа (пол и потолок, звезды и больничная аллея).

Подводя итог рассмотрению мотива двойничества в поэме Иосифа Бродского «Горбунов и Горчаков», следует сказать, что присутствие такового в художественном мире произведения является определяющим. На смысловом уровне он создает антиномию, которая является сюжетообразующей. Эта метафизическая основа имеет магистральный характер, проявляющийся не только в устойчивой повторяемости, но и в тесной взаимосвязи с другими ключевыми мотивами поэтической системы Бродского: одиночества/любви, мечты/безумия, свободы/абсурда, смерти/света.

Библиографический список

1. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Поэзия Иосифа Бродского // Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. Т. 2: 1968–1990. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 641–667.
2. Кузнецов С.Ю. Распадающаяся амальгама (О поэтике Бродского) // Вопросы литературы. 1997. № 3. С. 25–29.
3. Свиридов С.А. Мотив сна в романах И.С. Тургенева // Лирические и эпические сюжеты и мотивы в русской литературе: сб. науч. тр. / Институт филологии СО РАН. Отв. ред. Е.Ю. Куликова. Новосибирск, 2012. Сер. «Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы». Вып. 10. 299. С. 38–47.
4. Налегач Н.В. Мотив сна в лирике И. Анненского // Лирические и эпические сюжеты и мотивы в русской литературе: сб. науч. тр. / Институт филологии СО РАН. Отв. ред. Е.Ю. Куликова. Новосибирск, 2012. Сер. «Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы». Вып. 10. С. 101–110.
5. Бродский И.А. Поэма «Горбунов и Горчаков» // Остановка в пустыне: стихотворения. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Книжная лаборатория», 2016. 272 с.
6. Маслов Д.И. Семантико-стилистическая характеристика литературных антропонимов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://school-science.ru/5/10/34804>

ХРИСТИАНСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ В РОК-ПОЭЗИИ ВИКТОРА ЦОЯ

CHRISTIAN IMAGERY IN VICTOR TSOY'S ROCK-LYRICS

И.Н. Радюшкин

I.N. Radyushkin

Научный руководитель А.Ю. Горбенко
Scientific adviser A.Y. Gorbenko

Цой, рок поэзия, христианство, интерпретация, 1980-е.

В статье рассматриваются элементы христианской образности в рок-поэзии Виктора Цоя. Автором были изучены тексты песен В. Цоя, а также свидетельства о поэте и историко-культурный контекст позднесоветской эпохи. Показывается, что в текстах песен Цоя христианская образность присутствует как непосредственно, так и в переосмысленном, секуляризованном виде.

Tsoy, rock-lyrics, christianity, interpretation, 1980s.

The article discusses the elements of christian imagery in the rock-poetry of Viktor Tsoi. The author studied the lyrics of Viktor Tsoi and testimonies of the poet and the historical and cultural context of the late soviet era. It is shown that in the lyrics of Viktor Tsoi christian imagery is present both directly and rethought secularized form.

Хорошо известно, что в советской культуре и, в частности, в рок-поэзии была в разное время в различной степени табуирована тема христианства. Тексты, в которых содержались религиозные мотивы, подвергались цензурным запретам и могли дойти до читателя только путем сам- или тамиздата. Однако в период «долгих 1970-х» партийный контроль становится несколько лояльнее к художественным произведениям.

Рок-культура в это время переживает взлет, выйдя из подвалов и гаражей на стадионы и легальные площадки. Но эта музыка была политически нейтральной, и тогда же в рок-течении зарождается протестное движение, которое использует элементы христианской культуры не только в эстетических целях, но и как оружие против официальной атеистической идеологии.

С началом перестройки рок-музыка получила уже всесоюзную славу: группы «Алиса», «Кино», «Аквариум», «Звуки Му», «Гражданская оборона» и многие другие представители советского музыкально-поэтического андеграунда стали известны массовому слушателю [2, с. 4]. В музыкальном плане различия между ними очевидны, однако тексты песен этих непохожих рокеров зачастую имели сходную тематику.

В конце периода «долгих 70-х» в русском роке возникают религиозные мотивы. Лирический герой рок-поэзии зачастую поднимает мучающие его экзистенциальные вопросы и ищет на них ответы, так или иначе связанные с религиозным дискурсом. Представители «русского рока» часто использовали библейские

мотивы в имплицитной форме. Появление христианских идей в текстах отечественных рокеров становится общей тенденцией. Так, фабула песни группы «Наутилус Помпилиус» «Прогулки по воде» (на стихи И.В. Кормильцева) отсылает к евангельскому эпизоду знакомства апостолов с Иисусом Христом.

В поэзии Виктора Цоя важной закономерностью становится частотность образов звезды, неба, дождя, солнца, войны. При этом в зрелой и поздней лирике, как правило, отсутствуют описания бытовых ситуаций. Цой оперирует аллегориями и символами. В качестве примера можно привести стихи из песни «Война»: «Земля. Небо. / Между Землей и Небом – Война! / И где бы ты ни был, / Что бы ты не делал – / Между Землей и Небом – Война!». Как отмечает, Н.К. Нежданова, «[м]отив войны между “землей и небом” – опорный космогонический мотив, проходящий через все творчество В. Цоя» [4, с. 144].

В поэзии Цоя чаще присутствует внутренний, нежели внешний, противник протагониста. Именно это сближает его творчество с магистральной христианской темой борьбы с грехом и злом в человеческой душе. Так, лирический герой песни «Группа крови» борется за право быть человеком, избавленным от необходимости смотреть на людей «через прицел автомата»: «И есть чем платить, но я не хочу / Победы любой ценой. / Я никому не хочу ставить ногу на грудь».

Внутренняя борьба подразумевает движение к духовным, экзистенциальным, а не бытовым ценностям. Ориентирами в этом движении в поэтическом мире Цоя служат звезда, солнце, небо: «А мне приснилось – миром правит любовь, / А мне приснилось – миром правит мечта. / И над этим прекрасно горит звезда, / Я проснулся и понял – беда» («Красно-желтые дни»).

Из этих ценностей в позднем творчестве Цоя возникает важный для христианской культуры мотив дороги: «Но странный стук зовет: «В дорогу!» / Может, сердца, а может, стук в дверь. / И, когда я обернусь на пороге, / Я скажу одно лишь слово: «Верь!»» («Стук»). По словам св. Кирилла Иерусалимского, «[в] ерою водятся мореплаватели, когда, вверив судьбу свою малому дереву, непостоянное стремление волн предпочитают твердейшей стихии, земле, предадут самих себя неизвестным надеждам и имеют при себе только веру, которая для них надежнее всякого якоря» [цит. по: 1, с. 101].

В христианском дискурсе важной является тема нравственного выбора, продиктованная необходимостью стяжать вечную жизнь. Как хорошо известно, христианин находится в перманентной борьбе со своей греховной природой. Осознание собственной слабости и призыв к небу, связанный с мотивом преодоления собственной слабости, есть и у Цоя: «Солнце мое – взгляни на меня, / Моя ладонь превратилась в кулак, / И если есть порох – дай огня. / Вот так...» («Кукушка»).

Христианский подвиг предполагает аскезу, необходимость довольствоваться ограниченными ресурсами. В качестве секуляризированной вариации этого мотива можно рассматривать одну из песен группы «Кино», в которой речь идет об аскетическом самоощущении лирического героя: «Но если есть в кармане пачка сигарет, / Значит все не так уж плохо на сегодняшний день» («Пачка сигарет»).

В ряде текстов Цоя христианский мотивно-образный словарь задействуется гораздо более активно и прямо, нежели в рассмотренных нами выше. Пожалуй, наиболее выразительным примером в этом смысле является «Песня без слов»: «Если есть стадо, есть пастух, / Если есть тело, должен быть дух, / Если есть шаг, должен быть след, / Если есть тьма, должен быть свет».

В песне «Спокойная ночь» появляются образы ночи и сна, используемые для отрицательной оценки – в противовес им служат активные люди, которым «нечего ждать»: «Те, кому нечего ждать, садятся в седло, / Их не догнать, уже не догнать». Всем остальным лирический герой желает «спокойного сна, спокойную ночь». В этой песне сон служит символом обывательского состояния. Обыватель, в понимании лирического героя, означает ограниченного человека с мещанскими взглядами. Образ ночи также имеет негативные коннотации. Но есть в песне и те, кто «спасен»: «Стук копыт мешает уснуть, тревожит их сон. / Те, кому нечего ждать, отправляются в путь / Те, кто спасен, те, кто спасен».

Разумеется, тексты песен Виктора Цоя не следует воспринимать как манифестации его личной позиции, поскольку все высказывания в них принадлежат лирическому герою или рассказчику.

По воспоминаниям друзей, Цой не был воцерковленным человеком, однако принципы его жизни были близки к христианской этике. Сам поэт в интервью, данном в 1990 г., признавался: «Для меня важнее сохранить какое-то самоуважение и некоторую внутреннюю свободу, которая у меня сейчас есть, но сохранить ее очень трудно, приходится все время бороться со всякими соблазнами. И я с ними борюсь...» [3, с. 446-447].

Всё сказанное позволяет сделать вывод о том, что хотя Цой не принадлежал к религии в традиционном смысле, поэтика его песенных текстов предполагала совершенствование собственного внутреннего мира. Вероятно, осознавая, что советская система (в том смысле, который придает этому понятию А.В. Юрчак, см.: [5, с. 36-37]) подходит к логическому концу, Цой представлял её окончание в разных видах, но зачастую именно с использованием элементов, близких к христианской образности: от формулы «между небом и землей война» до обращенной в будущее надежды на то, что «наступит день, и отступит ночь».

Библиографический список

1. Архимандрит Никифор (Бажанов). Иллюстрированная Библейская энциклопедия. М.: Локид-Пресс, 2004. 640 с.
2. Доманский Ю.В. Русская рок-поэзия: текст и контекст. М.: Intrada, 2010. 232 с.
3. Житинский А.Н. Цой forever. Документальная повесть. СПб.: Амфора, 2013. 504 с.
4. Нежданова Н.К. «Крест» и «Звезда» Виктора Цоя // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2001. № 5. С. 142–151.
5. Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Пер. с англ. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 664 с.

ВИКТОРИАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЖАНРА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА У. КОЛЛИНЗА «ЛУННЫЙ КАМЕНЬ»)

VICTORIAN DETECTIVE:
TO THE DEFINITION OF THE GENRE
(ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL
«MOONSTONE» BY W. COLLINS)

О.С. Терешонок

O.S. Tereshonok

*Научный руководитель Т.А. Полуэктова
Scientific adviser T.A. Poluektova*

Жанр, детектив, Викторианская эпоха, «Лунный камень», Уилки Коллинз, роман.

В статье рассматриваются жанровые особенности викторианского детектива. Роман Уилки Коллинза «Лунный камень» автором данной статьи рассматривается как образец викторианского детектива, поэтому наиболее важные черты романа трактуются как типические для викторианского детектива. Роман «Лунный камень» анализируется с точки зрения выразительности детективных средств, особенностей передачи отношений между героями детективной истории и выведения на первый план нового типа героя – сыщика. В процессе анализа произведения выявляются, как традиционные черты жанра, так и новаторские: не шаблонные персонажи, медицинское вмешательство в расследовании, психологизм каждого отдельного персонажа, и др.

Detective, Victorian era, «The moonstone», Wilkie Collins, the novel.

The article discusses the features of the Victorian detective novel, analyzes its main features. The novel «Moonstone» by Wilkie Collins is considered by the author of this article as an example of a Victorian detective, so the most important features of the novel are interpreted as typical of a Victorian detective. The novel «Moonstone» is analyzed from the point of view of the expressiveness of detective tools, the features of the transfer of relations between the characters of the detective story and bringing to the fore a new type of hero – detective. In the process of analyzing the work, both traditional features of the genre and innovative ones are revealed: non-formulaic characters, medical intervention in the investigation, the psychologism of each individual character, etc.

Детективный роман английского писателя Уилки Коллинза (1824–1889) «Лунный камень» (The Moonstone, 1866; рус. пер. 1955) – это памятник викторианского детективного жанра, уникальный в своем роде роман, во многом впитавший традиции викторианской эпохи и предвосхитивший развитие современного детектива.

Детектив считается молодым жанром, его основоположником является Эдгар Алан По (1809–1849), чей рассказ «Убийство на улице Морг» появился

в 1841 году. Все ранние детективные романы основывались на сообщениях о реальных преступлениях, при этом обычно преступник был одним из главных героев романа, и читатель часто сочувствовал ему.

Викторианский детектив, типичным представителем которого был и У. Коллинз, представляет читателю героя-сыщика, а внимание читателя переключается на расследование тайны, на действия храброго и умного детектива, который может силой своих способностей распутать крайне запутанную историю. [1, с. 443].

Детективный роман викторианской эпохи – это типичный классический детектив, мир которого создается с помощью таких ключевых приемов, как: 1) обыденность обстановки; 2) стереотипность поведения персонажей; 3) существование априорных правил построения сюжета, не всегда соответствующих реальной жизни; 4) необходимость для читателя иметь равные исходные данные с сыщиком, получая возможность выстраивать собственные версии и подходить к распутыванию тайн; 5) сыщик – профессиональный или нет – обязательное условие викторианского детектива, а также его последующих формаций; 6) речь не может идти о тайных обществах, иначе обыденность исчезнет; 7) главный преступник обязательно хотя бы мельком появляется в начале детектива, но он не очевиден, поэтому действие начинает уводить от его образа, запутывая ситуацию еще больше; 8) помощник или друг детектива, ведущий с ним расследование или помогающий ему, по складу ума не превосходит усредненный образ читателя [4, с. 216].

Следует также отметить основополагающие принципы викторианского детектива, выделяющие его из общего восприятия классического детектива: 1) использование принципов философского рационализма; 2) опора на принципы пуританства и позднего методизма; 3) ориентация на более широкие слои читающей публики, в том числе, на женскую аудиторию [6, с. 45–47].

У. Коллинз стал первым в истории викторианского детектива автором, который свел воедино все черты викторианского детектива, а также осознал его возможности в интенсивной передаче настроения и эмоций, в нагнетании сюжетного напряжения. [5, с. 244–258]

Общая установка «Лунного камня» заключается в том, чтобы поставить под сомнение достоверность любой из версий рассказчика событий. Правда неуловима, хотя, если бы каждый рассказал то, что он или она знал, решение этой тайны могло бы быть найдено близко к дому.

Тайна лунного камня, пропавшего из буддийского храма, а потом обнаруженного в английском банке, и на протяжении всего романа передававшегося из рук в руки чтобы, наконец, вернуться в покинутый храм на прежнее место, раскрывается через рассказы и судьбы персонажей романа.

Профессиональный сыщик Кафф оказывается в определенный момент таким же несостоятельным, как и другие герои романа. В нем мы видим прототип эксцентричного, хитрого детектива, находящегося в конфликте с неуклюжими местными полицейскими властями.

Сознательно скрывая ключевые фрагменты информации, Коллинз вводит правила «честной игры», согласно которым детектив должен знать не больше,

чем читатель. [3, с. 317]. Представление преступления перед собранными подозреваемыми, раскрытие наименее вероятного подозреваемого как злодея (хотя и с неожиданным поворотом), слияние нескольких точек зрения, чтобы найти правду, реконструкция преступления и окончательный триумф закона и порядка были впервые сформулированы именно в «Лунном камне».

Нелегитимность, ошибочная личность, безумие, наследство, наркотики, супружеская измена, преступления страсти – все эти реалии викторианской жизни представлены У. Коллинзом в «Лунном камне», создавая архетипический сенсационный роман, порождающий поколения подражателей.[2, с. 21–36] Его величайшим гением была его способность раскрывать экзотику среди обыденности.

Центральный конфликт «Лунного камня» включает в себя исчезновение алмаза и последующие попытки разгадать эту тайну. Правда ситуации очень важна. Несколько раз сюжет истории принимает повороты, и кажущаяся правда оказывается ложной. Например, суперинтендант Сигрейв впервые подозревает Пенелопу, горничную и подругу детства Рэйчел Вериндер, дочь Габриэля Беттереджа; позже сержант Кафф подозревает Рэйчел, единственную дочь леди Вериндер (и Розанну, вторую служанку в доме леди Вериндер), а затем Рэйчел верит (она увидела своими глазами), что Франклин, кузен Рэйчел и претендент на её руку, забирает алмаз.

Раскрытие правды является целью, к которой стремится вся история, и эта конечная цель является постоянным напоминанием читателям (и персонажам) об опасности поспешных выводов.

На самом деле У. Коллинз разворачивает историю так, что личность вора-антагониста не раскрывается до самого конца, а читатели постепенно получают только частички правды. Кроме того, из-за своих ограниченных перспектив персонажи могут видеть только одно – свое собственное представление о ситуации. «Реальность превращается в правду, а честность – это верный способ доставки информации» [9, с. 90].

Все эти перипетии показывают стремление У. Коллинза не только запутать читателя, но и показать современный автору уклад жизни, а также создать нечто новое в литературе.

В романе «Лунный камень» У. Коллинз намеренно создавал хаос, который затем уравнивал с чувством структуры и разума. Он реализовал множество элементов, чтобы побудить читателя продолжить детектив в его стремлении разгадать загадку и победить хаос, который можно разделить на две части: заметный хаос и тихий хаос. Заметный хаос включает в себя такие элементы, как убийство и воровство, очевидные аспекты детективной фантастики, которые заставляют читателя дрожать от напряжения. Коллинз с успехом использовал эти различные элементы для поддержания общих тем, которые вплетены в роман.

Мы проанализировали роман «Лунный камень» с точки зрения особенностей жанра и пришли к выводу, что к последним пятнадцати годам правления Виктории детективная литература утвердилась как самостоятельный жанр, имеющий большой круг читателей.

У. Коллинз стал основоположником медицинского вмешательства в распутывание загадки. Его детективы не просто интеллектуальная игра, а его персонажи не шаблоны и рупоры авторской идеи. Его романы пронизаны психологизмом и индивидуальным подходом к каждому персонажу.

Все перечисленное дает основания полагать, что роман У. Коллинза «Лунный камень» стоит у истоков английского детектива Викторианской эпохи.

Библиографический список

1. Аллен У. Традиция и мечта. М.: Прогресс, 2008. 423 с.
2. Анцыферова О.Ю. Детективный жанр и романтическая художественная система // Национальная специфика произведений зарубежной литературы XIX-XX веков. Иваново, 2004. С. 21–36.
3. Ван Дайн С.С. Двадцать правил для писания детективных романов // Как сделать детектив. М.: НПО «Радуга», 2007. 317 с.
4. Вольский Н.Н. Загадочная логика. Детектив как модель диалектического мышления. Новосибирск, 2016. 216 с.
5. Вулис А.В. Поэтика детектива // Новый мир. 2000. № 1. С. 244–258.
6. Кестхейи Т. Антология детектива. Следствие по делу о детективе. Будапешт: Корвина, 2015. 261 с.
7. Коллинз У. Лунный камень. М.: Эксмо, 2014.
8. Английский детектив: Сноу Ч.П., Грин Г., Френсис Д.: пер. с англ. В. Коткина. М.: Правда, 1983. С. 3–16.
9. Тугушева М.П. Под знаком четырех. М.: Книга, 2012. 288 с.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ПОДРОСТКА В ПОВЕСТИ Р. БРЭДБЕРИ «ВИНО ИЗ ОДУВАНЧИКОВ»

THE ARTISTIC IMAGE OF A TEENAGER IN THE NOVEL BY R. BRADBURY «DANDELION WINE»

А.А. Черкасова

A.A. Cherkasova

Научный руководитель Т.А. Полуэктова
Scientific adviser T.A. Poluektova

Р. Брэдбери, подросток, образ, автобиографичность, психологические особенности.

Статья посвящена рассмотрению художественного образа подростка в повести Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков». Цель данной статьи – показать способы создания автором образа подростка, особенности его мировидения и мировосприятия. Для достижения цели поставлены следующие задачи: определить способы создания и своеобразие художественного образа подростка в повести Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков», тем самым выявив как традиционные, включая психологические, так и отличительные черты образа.

R. Bradbury, teenager, image, autobiography, psychological features.

The article is devoted to the consideration of the artistic image of a teenager in the novel by R. Bradbury, “Wine from Dandelions”. The purpose of this article is to show how the author creates the image of a teenager, especially his worldview and worldview. To achieve the goal, the following tasks were set: to determine the ways of creating and the originality of the artistic image of a teenager in the novel by R. Bradbury “Wine from dandelions”, thereby revealing both traditional, including psychological, and distinctive features of the image.

По мнению психологов, подростковый возраст – период «бури и натиска, где порой и самому подростку непонятно, что с ним происходит» [6].

Чувство взрослости – это психологический симптом начала подросткового возраста: «Новообразование сознания, через которое подросток сравнивает себя с другими, строит свои отношения с другими людьми, перестраивает свою деятельность» [5, с. 277]. Для подросткового возраста характерны частые смены настроения, неуравновешенность, повышенная эмоциональность. Меняются интересы, круг общения, дети ставят высокие цели и мечтают их достичь. Как российские, так и зарубежные писатели создавали неповторимый образ героя-подростка в своих сочинениях: Ф.М. Достоевский «Подросток» (1875), Дж. Сэлинджер «Над пропастью во ржи» (The Catcher in the Rye, 1951), Х. Ли «Убить пересмешника» (To Kill a Mockingbird, 1960), М. Петросян «Дом, в котором...» (1991-2009) и многие другие. Не исключением стала повесть американского писателя Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков» (Dandelion wine, 1957), вписывающаяся в общий контекст вышесказанных произведений. Главный герой повести – 12-летний Дуглас Сполдинг – живой, общительный, любознательный мальчик, который хочет открыть и познать законы взрослого мира. Для возраста

Дугласа применима следующая характеристика: «Подросток уже не хочет принадлежать к детской культуре, но еще не может войти в сообщество взрослых» [8].

Дуглас живёт в полной семье, где царят самые тёплые, дружественные отношения. Он сравнивает семью с «машиной счастья»: «...движутся, цепляются друг за друга, останавливаются и вновь уверенно и ровно вертятся все винтики, колесики домашнего очага» [1].

В течение одного лета 1928 года в миропонимании Дугласа происходят существенные изменения: то, что раньше казалось незыблемым, подвергается переоценке.

Так, он приходит к выводу о том, что существует разница между поколениями: «Взрослые и дети – два разных народа, вот почему они всегда воюют между собой... Разные народы – «и друг друга они не поймут» [1].

У Дугласа был лучший друг Джон Хаф – «единственное божество», с которым было интересно отправляться в путешествия. Но в один из дней Джон вынужден уехать с родителями в другой город и сможет приезжать лишь два раза в год. Для Дугласа это становится настоящим испытанием: «Дугласу хотелось кинуться туда, в город, – может, он всей тяжестью, всей громадой, всеми домами замкнет Джона в кольцо и не даст ему вырваться и удрать» [1].

Дуглас – персонаж, который проходит через любую сложную трансформацию [7], постепенно обретая мудрость в течение сезона. Он варит вино вместе с дедушкой, посещает лес, играет со своим братом и друзьями, участвует в приключениях, связанных с колдуньей Таро, с машиной времени, с машиной счастья, с зеленой машиной, пропускает через себя историю о Душегубе и др. Всё это формирует Дугласа, развивая и обогащая мудростью в течение одного лета.

Дуглас отличается поэтичным мышлением. Для него всё сказочно с первого дня лета: «Дирижируя своим оркестром, Дуглас повелительно протянул руку к востоку. И взошло солнце. Дуглас скрестил руки на груди и улыбнулся, как настоящий волшебник» [1]. Именно во время каникул Дуглас открывает мир, себя и осознаёт важную вещь: «Я ЖИВОЙ» [1].

Дуглас наблюдает за окружающей его жизнью, и те выводы, к которым он приходит, порой очень взрослые, философски значимые. Так, например, нельзя полагаться на вещи и нельзя полагаться на людей: «нельзя полагаться на людей, потому что: ... они уезжают... чужие люди умирают... знакомые тоже умирают... друзья умирают... люди убивают других людей, как в книгах... твои родные тоже могут умереть...» [1].

Радости и страдания приводят к его возмужанию. Смерть становится самым большим потрясением для Дугласа: «Я, Дуглас Сполдинг, когда-нибудь должен умереть» [1]. Это осознание конечности своего бытия свидетельствует о его взрослении, о смене детского мироощущения взрослым.

Важным фантастическим и символическим элементом является само вино из одуванчиков: «Во-первых, это символ лета, во-вторых, – лета как поры каникул и детских радостей, в-третьих – чего-то такого, что всегда должно быть светлым, незамутненным, в-четвертых, это символ сохранения памяти о прошлом,

в-пятых, – символ самой жизни» [3, с.45]. С одной стороны, это настоящее вино, а с другой – символ взросления и приобретения жизненной мудрости.

Эту повесть можно называть автобиографичной. Об этом свидетельствуют самые разнообразные факты.

Во-первых, переключка имен: Дуглас – второе имя писателя, данное ему в честь знаменитого актера немого кино Дугласа Фербенкса (1883-1939).

Во-вторых, лето 1928 года напоминает о событиях 1910 года, об этом говорят некоторые исследователи. Так, Деймон Найт, американский писатель-фантаст, редактор и критик, пишет: «Временной период так же расплывчат, как и место действия. Хотя Брэдбери и называет 1928 год, но его рассказ не вызывает ощущения подлинного припоминания, и поэтому кажется более вероятным, что это скорее 1910 год» [4].

В-третьих, важно место действия – Гринтаун, штат Иллинойс – является вымышленным, но во многом совпадает по описанию с Уокигано – городом, в котором родился писатель. Сам автор по этому поводу пишет в предисловии к «Вину из одуванчиков»: «Так ли реален, глубок и темен овраг в ночи? Так было, так есть. Я привёз туда своих дочерей несколькими годами ранее, опасаясь, что овраг может стать мельче с годами. Я с облегчением и радостью могу уверить вас, что овраг стал ещё более глубоким. Темным и таинственным, чем когда-либо. Вот что мы имеем. Уокиган был Гринтауном и был Византией» /“Is the ravine real and deep and dark at night? It was, it is. I took my daughters there a few years back, fearful that the ravine might have gone shallow with time. I am relieved and happy to report that the ravine is deeper, darker, and more mysterious than ever... So there you have it. Waukegan was Green Town was Byzantium...”/ [2].

В-четвертых, интересен вопрос о событиях и персонажах, описанных в книге. Так, Душегуб существовал в реальной жизни. Вот что говорит писатель: «Да был, и звали его именно так. И он бродил по моему родному городу по ночам, когда мне было шесть лет, и пугал всех, и его так никогда и не арестовали» / “Was there a Lonely One? There was, and that was his name. And he moved around at night in my home town when I was six years old and he frightened everyone and was never captured» [2].

Пытаясь проникнуть во внутренний мир ребенка-подростка, Р. Брэдбери актуализирует проблемы экзистенциального, нравственного и философского характера. Обладая мастерством тонкого психолога, он тщательно выписывает специфические черты юношеского, подчас наивного, сказочного мировосприятия и отношения к обыденным вещам.

Подросток, по мнению Р. Брэдбери, способен замечать детали, тонко чувствовать и видеть мир иначе, нежели взрослые; его душа одинаково предрасположена к восприятию прекрасного и ужасного, всё это и многое другое воплощено в неповторимом и, пожалуй, вечном образе Дугласа Сполдинга.

Эта повесть – своего рода исследование, в процессе которого автор приходит к выводу, что смысл жизни и человеческое счастье в самой жизни, в близости и любви наших родных.

Библиографический список

1. Брэдбери Р. Вино из одуванчиков. М.: Эксмо, 2016. 384 с.
2. Брэдбери Р. Вино из одуванчиков: По эту сторону Византии. Вступительное слово // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/60926/readpart-vino-iz-oduvanchikov-rej-bredberi/~4> (дата обращения: 05.05.2020).
3. Денисова Т.Н., Сиваченко Г.М. Про фантастику // Зарубежная литература XX столетия: учебник для 11 класса. Киев: Генеза, 2000. 768 с.
4. Игошев К.М. Автобиографичность и тематика повести Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.academia.edu/6333539/АВТОБИОГРАФИЧНОСТЬ_И_ТЕМАТИКА_ПОВЕСТИ_Р._БРЭДБЕРИ_ВИНО_ИЗ_ОДУВАНЧИКОВ_ (дата обращения: 05.05.2020).
5. Избранные психологические труды [Текст] / Д.Б. Эльконин; под ред. В.В. Давыдова, В.П. Зинченко; [авт. вступ. ст. и коммент. В.В. Давыдов]; АПН СССР. М.: Педагогика, 1989. С. 277.
6. Позина М.Б. Психология и педагогика: учебное пособие. М.: Университет Натальи Нестеровой, 2001. С. 103.
7. Романчук Л. Образ главного героя в романе Брэдбери «Вино из одуванчиков». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://raybradbury.ru/articles/romanchuk_wine/ (дата обращения: 30.03.2020).
8. Хлыстова А.В., Сорокина А.И. Лето на языке: образ детства в романе Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9. С. 195–197.

ОБРАЗОВАНИЕ ФЕМИНИТИВОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТНЫХ ДАННЫХ)

FORMATION OF FEMINITIVES IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE (ACCORDING TO QUESTIONNAIRE DATA)

С.В. Анциферова

S.V. Antsiferova

Научный руководитель А.Г. Тимченко
Scientific adviser A.G. Timchenko

Феминитивы, словообразование.

Статья посвящена исследованию наиболее часто используемых словообразовательных моделей, применяемых при образовании феминитивов, а также выявлению отношения носителей русского языка к феминитивам.

Feminitives, wordformation.

This article is about learning the most usable word formation models used in order to form feminitives, and about Russian native speakers' attitude towards feminitives.

Феминитивы – это имена существительные женского рода, образованные от однокоренных существительных мужского рода, парные им [1].

Носители русского языка относятся к этим словам по-разному: кто-то поддерживает их употребление и сам широко использует их в своей речи, кто-то высказывается резко негативно. Однако в настоящее время в сети Интернет можно встретить множество вариаций феминитивов с одним и тем же значением, но образованных разными способами. Следовательно, существует необходимость упорядочения и нормирования данного лексического пласта.

Чтобы определить отношение людей к феминитивам, а также выявить основные словообразовательные модели, используемые носителями русского языка для образования феминитивов, мы провели анкетирование среди студентов КГПУ им. В.П. Астафьева, СибГУ им. М.Ф. Решетнева и СФУ, а также учащихся и учителей МАОУ «Гимназия №1» г. Канска. Всего было опрошено 167 человек: 127 женщин и 40 мужчин.

Респондентам были предложены три задания:

1) образовать феминитивы к предложенному ряду существительных мужского рода;

2) указать, какие из ряда устоявшихся в языке феминитивов они употребляют в речи, и выразить своё мнение относительно того, какие слова из списка являются литературной нормой, а какие – разговорной;

3) выразить своё отношение к приведённому ряду феминитивов-неологизмов, наиболее часто употребляемых в социальных сетях.

Выполняя первое задание анкеты, респонденты придумали 314 различных форм феминитивов. Большинство этих форм образовано с помощью суффиксов.

Так, наиболее популярно образование феминитивов с помощью суффиксов –к(а) и –ш(а) (в равной степени). Для образования феминитивов от существительных с основой на –г и –ф чаще всего используется суффикс –ин(я) («филологиня», «фотографиня», «врагиня» и др.). Данный вывод подтверждают и другие исследования [Гузаерова, 2017; Кривошеина, 2019; Пиперски, 2019].

Феминитивы от слов с основой на –тель образуются с помощью суффикса –ниц(а) («учительница», «воительница»). Эта словообразовательная модель становится продуктивной еще в старорусский период [Беркутова, 2019].

Для слов, основа которых оканчивается на шипящие и «ц», популярны феминитивы, образованные с помощью суффикса –их(а) («врачиха», «борчиха», «сторожиха»). Лишь немногие при образовании феминитивов использовали бессуффиксный способ словообразования («блога», «фотографа», «юриста», «магистра», «физа», «мага», «рэпа», «врага»).

Примечательно, что образование феминитивов от многих слов (например, «магистр», «сторож», «воин», «борец», «жнец», «товарищ», «маг», «нотариус») вызвало трудности. Так, самыми популярными феминитивами от слов «борец» и «физик» стали «борцуха» и «физичка» – известные жаргонизмы мужского и женского рода. Некоторые респонденты образовывали уже существующие феминитивы с другим корнем (например, «писательница» от «автор»), и даже целые словесные конструкции, не всегда сохраняющие значение исходного слова («работница фотостудии» от «фотограф»). Довольно часто при заполнении анкеты респонденты не могли образовать феминитив. Все эти примеры вновь демонстрируют, насколько неоднозначна данная область русского языка в настоящее время.

Результаты выполнения второго и третьего заданий показали следующее.

Между восприятием феминитивов как литературной нормы и возрастом женщин наблюдается прямая связь, в то время как с восприятием феминитивов у мужчин ситуация иная: чем старше мужчина, тем с меньшей вероятностью он рассматривает феминитивы как литературно маркированные лексемы. Согласно результатам анкетирования, большая часть респондентов считает литературными слова «актриса» (91%), «певица» (89%), «богиня» (84%), «крестьянка» (81%), «поэтесса» (80%) и «учительница» (79%). Слова «товарка» (91%), «секретарша» (81%), «пилотесса» (71%), «истица» (69%), «директриса» (61%) и «официантка» (58%) большинство воспринимает как разговорные.

Отношение респондентов обоих полов к феминитивам с возрастом движется в сторону понижения процентного значения, однако в целом у женщин отношение более положительное, чем у мужчин. Процентное соотношение респондентов, выразивших положительное отношение к феминитивам-неологизмам, следующее: «программистка» (86%), «специалистка» (81%), «профессионалка» (60%), «психологиня» (50%), «филологиня» (44%), «инженерка» (36%), «солдатка» (36%), «офицерка» (35%), «экспертка» (32%), «депутатка» (31%), «адвокатесса» (26%), «фотографиня» (23%), «режиссёрка» (20%), «капитанка» (19%), «врачinja» (16%), «блогерка» (13%), «дизайнерка» (13%), «врагиня» (12%), «персонажка» (12%), «политикесса» (12%), «критикесса» (12%), «врачeя» (12%), «профессорка» (11%), «редакторка» (10%), «авторка» (9%), «докторка» (9%), «людиня» (4%).

Представители старшего поколения, согласно результатам анкетирования, практически не употребляют феминитивы, однако молодые люди (13–24 лет) стараются использовать их в своей речи (употребление в 2–4 раза превышает игнорирование). Данный факт позволяет предположить, что в будущем большинство носителей русского языка будет употреблять феминитивы, которые могут стать литературной нормой.

Таким образом, несмотря на отсутствие строгих норм образования феминитивов, носители языка интуитивно используют те или иные имеющиеся словообразовательные модели по отношению к различным словам, однако во многих случаях выбор модели вызывает затруднения. В дальнейшем употребление феминитивов может стать повсеместным, что приведёт к закреплению наиболее часто употребляемых форм и используемых словообразовательных моделей в качестве литературной нормы.

Библиографический список

1. Баданина И.В. Функционирование феминитивов в языке интернета // Русский язык в интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей I Международной научно-практической конференции. 2017. № 1. С. 89–94.
2. Беркутова В.В. Феминитивы в русском языке: лингвистический аспект // Филологический аспект. 2019. № 1 (45). С. 7–26.
3. Кривошеина В.А. Феминитивы в современных языковых практиках // Актуальные проблемы новой и новейшей истории зарубежных стран. 2019. № 2. С. 146–153.
4. Пиперски А.Ч. Коварные суффиксы: как современные феминитивы меняют русский язык [Электронный ресурс] // N+1. 2019. URL: <https://nplus1.ru/material/2019/11/28/russian-femininitives> (дата обращения: 08.04.2020).
5. Гузаерова Р.Р., Косова В.А. Специфика феминитивов в современном русском медиапространстве // Филология и культура. 2017. № 4 (50). С. 11–15.

УЧАСТНИКИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

PARTICIPANTS OF FAMILY RELATIONS IN CREOLIZED TEXTS OF SOCIAL NETWORKS

Ш. Асрори

Sh. Asrori

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific adviser **E.V. Osetrova**

Креолизованный текст, социальные сети, когнитивная лингвистика, языковая картина мира, семья, участники.

Объект внимания автора – «семейный сценарий», реализуемый в социальной сети «ВКонтакте» (vkontakte.ru), фактура которого оказывается креолизованной, использующей языковые средства, видеоматериал, фотографии, комиксы и т.п. Целью анализа является выявление «участников» общения в границах современной семьи и основных ценностных концептов, которые связывают этих участников в особом, лично ориентированном пространстве. В качестве таковых пользователи социальных сетей определяют *маму, ребенка (детей), папу, бабушку, домашних питомцев*. Концептами, связывающими участников семейных отношений на понятийно-языковом уровне, являются *любовь, счастье, забота и спокойствие*.

Creolized text, social networks, cognitive linguistics, linguistic picture of the world, family, participants.

The author's object of attention is the "family scenario", implemented on social network (vkontakte.ru), the texture of which turns out to be creolized, using language, video, photographs, comics, etc. The purpose of the analysis is to identify the "participants" of communication within the boundaries of the modern family and the basic value concepts that connect these participants in a special, personality-oriented space. As such, users of social networks determine *mom, child (children), dad, grandmother, pets*. The concepts linking participants in family relationships at the conceptual-linguistic level are *love, happiness, care and tranquility*.

Актуальность данного исследования определена социальной значимостью субъектов: матери и ребенка. Семья, как важнейший социальный институт, является главной ценностью современного общества. Ее современный образ формируется и транслируется различными субъектами, разным адресным аудиториям и с различными целями. Соответственно, специфичными в каждом случае будет содержание этого образа, его стилистика и оформление.

В данной связи одним из интересных явлений оказывается «семейный сценарий», реализуемый в социальной сети «ВКонтакте» (vkontakte.ru).

В век информационных технологий социальные сети («ВКонтакте», «Одноклассники», Instagram и др.) являются одной из платформ аудио- и видеообщения. Поэтому фактура выбранного для анализа сценария оказывается смешанной – креолизованной: для его описания используют не только языковые средства, но и видеоматериал, фотографии, картинки и т.п.

Теоретической базой исследования становятся когнитивная лингвистика (в частности: [Алефиренко 2006: 174]) и теория языковой картины мира (в частности: [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005], для которых понятия сценария (фрейма) как языкового аналога «живого события» или «положения дел» оказываются центральными [Осетрова 2012: 40]. Не менее важный элемент соответствующих научных построений – термин «концепт», обозначающий совокупность всех смыслов, вобранных словом, включая образы и ассоциации (в частности: [Вежбицкая 2011]).

Цель анализа – определение «участников» общения в границах современной семьи и основных ценностных концептов, которые связывают этих участников в особом, лично ориентированном пространстве.

Участниками семейных отношений массовое сознание пользователей социальных сетей определяет следующих субъектов: 1) *мама* (*мать, мамочка, мамочки, мы*), 2) *ребенок* (*дочь, дочка, сын, дети, детки, брат, сестра*), 3) *папа* (*отец, отцы, мужчина*), 4) *бабушка* (*бабуля*), 5) *домашние питомцы* (*котенок, собака, собачка* и т.д.).

Мама определена как самая главная семейная роль; например: *Совершенно правдивые комиксы о том, что мама – самая сложная профессия на свете!* (текстовое сопровождение к серии комиксов о сборе детей на прогулку). С этой ролью связана не только идея профессионализма, но и идея высокой ценности: ... *Теперь, я – МАМА!!!* Сравните с первой частью хэштегов: *#super_tata#, #супермама#, #супермамочка#, #лучшаямама#*.

Бабушка наравне с *мамой* трактуется языковым сознанием как один из источников финансовой помощи (*помогает*), как профессионал (*готовит, ухаживает, водит на прогулки*) и как «эксперт», принимающий активное участие в воспитании ребёнка; см. пример: *Алло, бабуль? Твоя дочь опять орет на меня. Приезжай, разберись, а?* (текстовое сопровождение фотографии обиженного ребёнка с телефоном, стоящего около окна).

Отец (*папа*) и с позиций социальных, и с позиций обыденной картины мира является важным участником семейных отношений, олицетворение надежности и благополучия. Однако в современной семье отец может отсутствовать, семья может быть неполной. Это столкновение идеального представления о полной семье и реального положения дел находит отражение в «семейном сценарии» соцсетей, где отец квалифицирован как высшая ценность; ср. примеры: *Нет места безопаснее на свете, чем папины объятия* (текстовое сопровождение фотографии смеющихся родителей и двух детей, идущих за руки по кромке прибой); *Фотопроект «папины будни», который показывает трепетную отцовскую любовь и заботу к своим детям* (текстовое сопровождение к серии фотографий отцов, играющих или ухаживающих за своими детьми).

Ребенок (*дети*) – центр семейных отношений в семейной модели соцсетей, несмотря на то, что чаще всего это роль объектного типа: (Отец): *Наконец-то уснул! Чмокну-ка я его на ночь!* (Мать): *Разбудишь – голову оторву!* (реплики комикса, демонстрирующего отца и мать, склонившихся над кроватью спящего

младенца). Ценностью в этом отношении, кроме того, признается наличие *братьев и сестер* – «детской группы» в семейном пространстве: *Как хорошо, когда есть брат или сестра!!!* (текстовое сопровождение фотографии мальчика, несущего на руках уставшую сестру). *Домашние питомцы* примыкают к «детской группе», выполняя функции друзей либо живых игрушек.

Проведенный анализ заставляет сделать выводы о том, что основными концептами, связывающими участников семейных отношений на понятийно-языковом уровне, являются *любовь, счастье и забота*.

Стилистика соответствующих текстов двойственна. С одной стороны, это сниженный стиль, используемый при описании семейного быта, когда в ход идут разговорная, просторечная и сленговая лексика и выражения (*бабуль; приезжай – разберись; Лицо оторву!* и т.п.). С другой стороны, это высокий стиль, оформляющий возвышенное, более того, идеалистическое отношение а) к семье как высшей ценности и б) к ее членам как к «положительным героям»; см. типичный пример: *А ты лежишь и улыбаешься, и счастливей тебя в этот момент никого нет! Теперь я – МАМА!!!* (текстовое сопровождение фотографии роженицы с младенцем)).

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 416 с.
2. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
3. Осетрова Е.В. Манифестация факта в русском высказывании, или Событие выражения: монография. Красноярск: СФУ, 2012. 275 с.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепт. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА В БЛОГАХ СЕТИ INSTAGRAM (НА МАТЕРИАЛЕ LIFESTYLE-БЛОГОВ)

LANGUAGE FEATURES OF TEXT IN INSTAGRAM BLOGS (BASED ON LIFESTYLE BLOGS)

Е.С. Березова

E.S. Berezova

Научный руководитель А.Г. Тимченко
Scientific adviser A.G. Timchenko

Медиатекст, Instagram, блог, личный бренд, языковые средства.

Статья посвящена рассмотрению функционирования языковых средств текста в социальной сети Instagram. Материалом для исследования послужили наиболее яркие в изучаемом аспекте публикации lifestyle-блогеров. Проведён анализ авторских текстов, которые содержат набор приёмов-инструментов достижения коммуникативных целей автора блога.

Media text, Instagram, blog, personal brand, linguistic tools.

The article is devoted to the functioning of language means of text in the social network Instagram. The material for the study was the most striking publications of lifestyle bloggers in the studied aspect. The analysis of author's texts, which are a set of techniques-tools for achieving the communicative goals of the author of the blog, was carried out.

Популярность социальной сети Instagram растёт, как и интерес исследователей к ней. Данная работа сфокусирована на исследовании текстовых публикаций в популярных lifestyle-блогах (англ. «lifestyle» – «образ жизни», блогеры такого направления освещают в своих текстах личные мысли, чувства, события, новости, часто не отдавая приоритет какой-либо экспертной составляющей), а также использующихся в них языковых приёмов.

Пост (текстовая публикация) в блоге состоит из нескольких составляющих компонентов: *заголовков* (традиционный компонент медиатекста), *текст* (основная функция коммуникации, представляющая содержимое блог-записи), *теги* (называемые *хэштегами* и являющиеся гиперссылками), *комментарии* (как особенность блог-коммуникации, позволяют подписчикам высказываться и обсуждать заданную автором тему).

Основная задача блогера – создание такой ситуации общения, в которой можно было бы не только предоставить читателям информацию и свою версию её интерпретации, но и в определенном смысле спровоцировать диалог, обсуждение [2, с. 371]. Кроме того, каждый блогер формирует и укрепляет «личный бренд» – узнаваемое, всем известное имя человека, ассоциирующееся с определенным

стилем, образом, профессиональной направленностью. Это достижимо благодаря использованию «привлекательной формы» записей, которая в большинстве своём рождается с помощью языковых приёмов.

Одной из характерных особенностей всех текстов в Instagram является *разговорная тональность*. Для большинства авторов все подписчики – друзья, с которыми можно поговорить о сокровенном, поэтому они используют средства, максимально сокращающие дистанцию между ними и подписчиками [3, с. 81]. Такой эффект создаётся благодаря использованию *обращений и местоимений 1-го и 2-го лица*: «**ребят**, а расскажите, что **вылюбите** в сторис у блогеров?» (<https://www.instagram.com/p/B7yZ-f0Vik/> (дата обращения: 10.04.2020)). Используются также предложения с незаполненной позицией подлежащего, чаще всего это отсутствие 1-го лица при повествовании от своего имени (приёмы *структурной неполноты*): «Приняла решение не участвовать в блогерских премиях...» (<https://www.instagram.com/p/B8Wu8Lxq-4R/> (дата обращения: 10.04.2020)).

Разговорную тональность текстам в Instagram придают особенности синтаксиса: приветствия и прямые обращения; вопросительные конструкции (провоцирующие диалог); восклицательные и побудительные предложения (для передачи восторга, восхищения, побуждения к действию); простые короткие предложения.

Для разговорной речи характерна особая доверительность, которая создается благодаря использованию слов с суффиксами субъективной оценки. Наличие *диминов* и *аугментативов* – яркий признак разговорной речи. «Диминутив – слово с аффиксом, придающим значение уменьшительности» [1, 1998]: «пост-актуалочка», «протереть все **полочки** и **уголки**...» (<https://www.instagram.com/p/B90r-yhB1W5/> (дата обращения: 10.04.2020)). «Аугментатив – это слово с аффиксом, придающим увеличительное значение» [Там же]: «**Талантливейшая** из **талантливейших** фотографов...» (<https://www.instagram.com/p/B-XKnGdliP1/> (дата обращения: 10.04.2020)).

Жаргон и просторечия (как присущие разговорной речи внесистемные средства языка) также встречаются в постах блогеров: «Затянуло, **короче**...», «На Бали все **классно**...» (<https://www.instagram.com/p/B-IDSJPDwaY/> (дата обращения: 10.04.2020)).

Для точной передачи собственной мысли авторы текстов могут использовать *окказионализмы*. «Окказионализм – знаковая языковая единица, возникшая по сиюминутному поводу и употреблённая, как правило, лишь однократно» [Варбот, Журавлев, 1998]. Например, окказионализм, основанный на имени аккаунта блогера – «evdklar»: «**Евдкларский** ролл!» (<https://www.instagram.com/p/B-cEML-hp9h/> (дата обращения: 10.04.2020)).

Следует отметить также большое количество *эпитетов* и *слов с позитивной окраской*: «Устроить генеральную уборку – всегда хорошая идея...» (<https://www.instagram.com/p/B90r-yhB1W5/> (дата обращения: 10.04.2020)). Для создания положительной оценки могут быть использованы и *сравнения*: «Я обещаю вам все-все рассказывать. Как лучшим друзьям...» (<https://www.instagram.com/p/B6Xw4y5II39/> (дата обращения: 10.04.2020)).

Довольно часто можно наблюдать в Instagram следующее: два первых предложения, как обыкновенное начало повествования, являются заголовком. Такой привлекающий приём используют многие блогеры: «ЧЕРЕЗ 4 ЧАСА у меня отключат интернет...»(<https://www.instagram.com/p/B-IDSJPDwaY/> (дата обращения: 10.04.2020)), «В последнее время у меня прекрасно сбываются желания...» (<https://www.instagram.com/p/B-w3ZGmFPbH/> (дата обращения: 10.04.2020)). Но и явные заголовки пользуются популярностью: «Мои тайные желания и скелеты в шкафу» (<https://www.instagram.com/p/B3aBCiaI73u/> (дата обращения: 10.04.2020)).

А завершение поста почти всегда блогеры сопровождают побуждением к действию или провоцирующими обсуждение вопросами. К примеру: «А как вы? Карантин повлиял на вас? Какие осознания?» (<https://www.instagram.com/p/B-UZEayoS5O/> (дата обращения: 10.04.2020)), «Ждите, но вечером!» (<https://www.instagram.com/p/B9WEWhwoCrS/> (дата обращения: 10.04.2020)).

Многие блогеры используют фразы, написанные прописными буквами, которые привлекают внимание читателей и являются альтернативой побудительным предложениям или их усилителями: «ЭТО СУПЕР КРАСИВО...» (<https://www.instagram.com/p/B6f2b6NAk2O/> (дата обращения: 10.04.2020)), «НЕ ПАНИКУЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!» (<https://www.instagram.com/p/B93npmzpVur/> (дата обращения: 10.04.2020)).

Заметим, что многие авторы не стремятся доводить тексты до языкового совершенства, они допускают орфографические и пунктуационные ошибки, умышленно или случайно оставляют опечатки: к примеру, неверное обособление «...во время того...» (<https://www.instagram.com/p/B-cEML-hp9h/> (дата обращения: 10.04.2020)). Это может провоцировать как агрессию со стороны аудитории к проявлению безграмотности, так и положительный отклик на честность, неидеальность образа блогера.

Итак, языковые особенности текста в Instagram обусловлены желанием вывести аудиторию на диалог, спровоцировать её интерес. И именно с помощью эпитетов, преувеличений, вопросительных и восклицательных предложений, устойчивых фраз или окказионализмов в тексте формируется привлекательная форма блог-записи.

Библиографический список

1. Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Ф. Справочник по этимологии и исторической лексикологии (краткий) [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/historical-lexicology/index.htm#196> (дата обращения: 10.04.2020).
2. Кислицына Н.Н., Чернявская О.Г. Композиционные, стилистические и лексические особенности интернет-коммуникации // Тамбов: Грамота. 2019. Т. 12. № 6. С. 368–373.
3. Федотовских Т.Г. Специфика рекламного сообщения в социальной сети Instagram // Екатеринбург: Известия Уральского федерального университета. 2016. С. 80–83.

НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

NAIVE WORLD PICTURE AND ITS REFLECTION IN RUSSIAN AND CHINESE FOLKLORE

Ван Ин

Van In

Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific adviser I.V. Revenko

Картина мира, наивная картина мира, фольклор, образы сил природы.

В статье рассматривается фольклорный жанр сказки как форма отражения наивной картины мира. Определяется роль мифологических персонажей (образов сил природы) в репрезентации представлений о мире. Представлено сопоставление образов Солнца и Луны в русском и китайском фольклоре.

Picture of the world, naive picture of the world, folklore, images of the forces of nature.

The article considers the folk genre of fairy tales as a form of reflection of a naive picture of the world. The role of mythological characters (images of the forces of nature) in the representation of ideas about the world is determined. The article presents a comparison of images of the Sun and moon in Russian and Chinese folklore.

Одним из активно разрабатываемых направлений современной лингвистики является изучение картины мира. «В современной лингвистике под картиной мира понимается целостный образ мира, являющийся результатом всей духовной жизни человека, в формировании которой принимают участие все стороны его психической деятельности. Это особый вид мироощущения, образное, чувственное представление о явлениях природы и общественной жизни. Именно в ней закреплена самая древняя форма общественного сознания» [1, с. 120]. В научной литературе часто объектом сопоставления становятся научная и наивная картины мира.

Научная картина мира (далее НКМ) – «это образ системных и структурных понятий, понимания и принципов науки на всех исторических этапах. НКМ существует как сложная система, включающая в себя общенаучную картину мира и картины мира других наук» [2, с. 494].

Ю.Д. Апресян связывает наивную картину мира со значением слова и указывает, что она отражает материальный и духовный опыт народа – носителя данного языка [3]. Одной из форм фиксации наивной картины мира является фольклор, где через систему мифологических персонажей отражены представления наших предков об окружающем мире. Мифологические персонажи в фольклорных текстах представляют собой донаучную стадию познания окружающего мира человеком.

Одним из фольклорных жанров, «населенных» мифологическими персонажами, является сказка. Значительный вклад в изучение сказок внёс русский

ученый В.Я. Пропп, который отмечал, что «...сказку понимают решительно все. Она беспрепятственно переходит все языковые границы от одного народа к другому и сохраняется в живом виде тысячелетиями. Это происходит потому, что сказка содержит какие-то вечные, неувыдаемые ценности» [4, с. 106].

В китайской фольклористике исследователь Чжао Цзиншэн определяет сказку как последнюю форму мифа и начальный вид романа [5]. Ученый Чжун Цзинвэнь считает, что сказка является историей, в которую первобытные народы верят, а современники считают ее формой развлечения [6].

Сказка – универсальный жанр, т.к. он есть в фольклоре русского и китайского народов. В вопросе отражения наивной картины мира в сказках особо следует отметить образы сил природы. Среди природных сил и объектов чаще всего в сказках встречаются образы Солнца, Месяца, Ветра, где они могут выступать и как активные действующие лица наравне с героями-людьми. В волшебной русской сказке Солнце нередко персонифицируется, например, как скачущий всадник: *сам красный, одет в красном и на красном коне* (сказка «Василиса Прекрасная»).

В китайской сказке «Почему Солнце восходит, когда поет петух» также представлен антропоморфный образ Солнца, однако подобие человеку в этой сказке проявляется не в способности перевоплощения и к жизни в мире людей, а в эмоциональности. Солнце боится и прячется за высокую гору, испытывает недоверие к человеку. Для описания человеческих эмоций в сказке используются следующие выражения: *Солнце тихо сидело за горой; у солнца дрогнуло сердце; ему очень захотелось узнать; солнце не выдержало.*

В китайских и русских сказках образы сил природы часто носят антропоморфный характер. Наиболее частотными для фольклора обеих стран являются образы Солнца и Луны (Месяца). Гендерная характеристика Солнца в сказках России и Китая совпадает, а вот ночное светило у наших народов имеет разную соотносённость: у русских в сказках представлен персонаж, ассоциирующийся с мужским началом (Месяц), тогда как в китайском фольклоре доминирует Луна как воплощение женского начала.

Библиографический список

1. Чепелова Т.П. История возникновения понятия «языковая картина мира», его развитие // Молодой ученый. 2009. № 5 (5). С. 119-122. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/5/382/> (дата обращения: 14.04.2020).
2. Билянский К.В. Научная картина мира: сущность, функции и исторические формы // Молодой ученый. 2018. № 50 (236). С. 494–495. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/236/54805/> (дата обращения: 10.04.2020).
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки русской культуры. Восточная литература, 1995. 368 с.
4. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1992. 458 с.
5. Чжао Цзиншэн. Теория сказки. М.: Изд-во имени Каймин, 1929. 116 с.
6. Чжун Цзинвэнь. Введение в фольклористику. М.: Шанхайское изд-во литературы и искусства, 2005. 482 с.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ ИЗМЕНЫ В СОВРЕМЕННЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОП-ПЕСНЯХ

SITUATION IN THE LANGUAGE OF TRASON IN MODERN RUSSIAN-SPEAKING POPULAR SONGS

Ю.А. Вечерина

J.A. Vecherina

Научный руководитель **Е.В. Осетрова**
Scientific adviser **E.V. Osetrova**

Измена, лексико-семантическая группа слов, языковая ситуация.

В статье рассмотрены межличностные взаимодействия, прекращение партнерских отношений по причине измены одного из партнеров, отраженные в языке. Особенности языковой ситуации измены, обусловленной разными причинами и имеющей разные последствия.

Treason, lexical-semantic group of words, language situation.

The article discusses interpersonal interactions, the termination of partnerships due to betrayal of one of the partners, reflected in the language. Features of the language situation of infidelity, due to various reasons and having different consequences.

Определение языковой ситуации было сформулировано Л.Б. Никольским, который писал: «Взаимоотношение функционально стратифицированных языковых образований изменяется во времени под воздействием общества и языковой политики и, стало быть, представляет собой некий процесс. Этот процесс распадается на ряд состояний. Каждое такое состояние и есть то, что может быть названо языковой ситуацией». Впоследствии в это определение было внесено уточнение и использовано понятие «формы существования языка» (литературный язык, территориальные и социальные диалекты, профессиональные «языки» и т. п.). В одноязычном обществе языковая ситуация определяется как система функционально распределенных форм существования языка, соотношенных с континуумом языковой коммуникации, а в многоязычном – как аналогичная система, где вместо форм существования единственного языка функциональному распределению подвергаются разные языки, которые могут иметь функциональные «ранги» средства межнационального, регионального, местного общения, быть языками элиты или широких народных масс [Никольский, 1974].

У В.А. Виноградова есть словарная статья, в которой он предложил подробную классификацию языковых ситуаций, в основу которой легли следующие признаки: число языков, число говорящих, число коммуникативных сфер, число функционально доминирующих идиомов и др. [Виноградов, 1990].

Необходимо, на мой взгляд, для начала обозначить, что лексико-семантические группы слов собой вообще представляют. Анна Вежбицкая в своем труде задается таким вопросом как: «Можно ли истолковать «эмоции», или точнее говоря, эмоциональные концепты?» Интуитивно очевидно, что такие слова, как

«печальный», «несчастный», «огорченный», «обеспокоенный» и «расстроенный», тесно связаны друг с другом и что их значения довольно сильно перекрываются. Также интуитивно ясно, что слова «печаль», «гнев» и «страх» больше похожи друг на друга, чем любое из них на «счастье», поскольку первые – «плохие» чувства, а последнее – «хорошее» [Вежбицкая, 1996, с. 326-327].

Некое представление о ЛСГ, семантическом поле, лексеме (центре семантического поля) после представленного выше материала появилось, однако необходимость в четко сформулированном определении осталась.

Семантическое поле – это совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-нибудь семантическом слое и связанных специфическими семантическими отношениями [Варина, 2002, с. 106].

Лексико-семантическая группа – самая обширная по объему своих членов организация слов, которая объединена базовым семантическим компонентом [Филин, 1982, с. 230].

Чувства, спровоцированные событием измены, хоть и находятся на одной стороне спектра чувственного восприятия, но все же обобщить и назвать все эмоции одним словом с общим, но в то же время достаточно ярким значением невозможно. Участники языковой ситуации (как правило, в этом случае языковая ситуация представляет собой крайне пассивное участие адресата, например, письмо), поскольку не находятся в романтических отношениях, либо выступают с обвинениями в сторону друг друга «...она натрахалась вдоволь со своим футболистом, теперь ей хочется стабильности, хочется кушать...» [Макс Корж, «Мотылек»], либо проявляют сожаление о начале связи как таковой: «...но подружка проболталась, что с тобой тайком встречалась, по щеке бежит слеза, я скажу тебе в глаза: Уходи, дверь закрой! У меня теперь другой! Мне не нужен больше твой номер в книжке записной, натерпелась, наждалась, я любовью обожглась, но теперь я наконец-то, будто снова родилась...» [Евгения Отрадная, «Уходи, дверь закрой»]. Также, выделяя особенности именно этой группы лирических песен, нельзя не отметить то, что участники языковой ситуации не раз отмечают уровень травматизма (как эмоционально – психологического, в редких случаях физического): «...без тебя меня не стало...» [Евгения Отрадная, «Уходи, дверь закрой»]; «...сердце, о ком ты плачешь и кричишь? Ведь он тебя не приручил, совсем не приручил!...» [Виктория Дайнеко, «Сотри ее из тегов»]; «...моя преданная любовь, от слова «предательство», какие у тебя были обстоятельства на это?...» [Мертвые Дельфины, «Провода»]; «...ты говорила, что не веришь когда изменишь, что тебя, что тебя я убью...» [Сектор Газа, «Темно-алая кровь»];

В данном семантическом поле (лексимой является слово «измена») нами были выделены следующие лексико-семантические группы, ориентируясь в первую очередь на особенности языковой ситуации, а потом уже на эмоциональный окрас прекращения романтических отношений: 1. ЛСГ, связанная с агрессивным восприятием случившегося. 2. ЛСГ, связанная с попытками оправиться от болезненного опыта отношений – большинство языковых ситуаций. 3. ЛСГ, связанная с восприятием измены как одного из жизненных событий, которое уже прошло.

Библиографический список

1. Варина В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языкового знака. М.: Наука, 2002. 308 с.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996.
3. Виноградов В.А. Языковая ситуация. [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/616b.html> (дата обращения: 27.01.2020).
4. Никольский Л.Б. О предмете социолингвистики // Вопросы языкознания. 1974. № 1. 62 с.
5. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. 1982. № 8. С. 227–239.

АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЧЕСТЬ» НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

ANALYSIS OF THE LEXICAL AND SEMANTIC FIELD “HONOR” ON THE EXAMPLE OF LEXICOGRAPHIC SOURCES

А.Н. Винокурова

A.N. Vinokurova

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific adviser V.N. Zamyslova

Лексико-семантическое поле, лингвоконцепт, ядро поля, околоядерная зона, периферийная зона, понятие «честь», семантическая динамика.

В статье представлен анализ лексико-семантического поля «честь» по данным русских словарей. На материале русских словарей были выявлены следующие когнитивные признаки концепта: «честь как совокупность моральных качеств», «субъект-носитель качества чести», «уважительное отношение к носителю качества чести», «нормативная составляющая чести», «физиологическая составляющая чести», «аксиологическая составляющая чести», «временный характер чести», «ритуализированная составляющая чести». В результате анализа лексикографических источников был зафиксирован набор ключевых когнитивных признаков данного концепта.

Lexical and semantic field, linguistic concept, core of the field, near-nuclear zone, peripheral zone, the concept of «honor», semantic dynamics.

The article presents an analysis of the lexical and semantic field «honor» according to Russian dictionaries. The following cognitive features of the concept were identified based on the material of Russian dictionaries: «honor as a set of moral qualities», «subject-bearer of the quality of honor», «respect for the bearer of the quality of honor», «normative component of honor», «physiological component of honor», «axiological component of honor», «temporary character of honor», «ritualized component of honor». As a result of the analysis of lexicographic sources, a set of key cognitive features of this concept was recorded.

В данной статье представлены результаты исследования лексико-семантического поля «честь», сформированные на основе современных толковых, этимологических, синонимических и антонимических словарей русского языка.

Результаты анализа определили, что в ядерный центр входят такие слова, как «долг» и «уважение». Околоядерная зона – «обязанность»; периферийную зону составляют слова: «выполнение», «взгляд», «норма», «поведение», «признание», «объяснение», «согласие», «одобрение».

В ходе анализа динамики лексемы «честь» выявилось, что значения в большинстве случаев содержат положительную оценку. А в словаре В.И. Даля [3] «честь» имеет отрицательную коннотацию.

В «Полном церковно-славянском словаре» [8] значение лексемы «честь» в церковных текстах используется как «цена», «помоществование и всякая услуга», «особое попечение», «богатство», что не находит своего отражения в словарях светского характера.

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о семантической динамике слова «честь». Уважение и почёт перестаёт быть основным, происходит уменьшение значимости внешней оценки со стороны общества. Почтительное отношение к человеку является следствием наличия у человека высоких нравственных качеств. В современных словарях редко встречается расшифровка таких качеств. Таким образом, формируется представление о чести как родовом понятии для всех высоких моральных свойств человека.

Исследование словарей синонимов показало, что слово «честь» не имеет большого синонимического ряда. Данные словаря синонимов под редакцией А.П. Евгеньевой [4] определили синоним к слову «честь» – «репутация». Словарь под редакцией Н. Абрамова [1] установил синоним слова «честь» как «почтение» (глубокое уважение). Таким образом, ключевой когнитивный признак концепта честь (уважительное отношение) в данном синониме интенсифицируется.

В «Словаре синонимов русского языка» [7] под редакцией А.Ю. Мудровой синонимичный ряд расширяется: репутация, почёт, невинность, что соотносится с тремя из четырех основных значений изучаемого слова по современным толковым словарям. Такие же синонимы приведены в «Словаре синонимов русского языка» [2] под редакцией З.Е. Александровой.

Также были изучены три словаря антонимов русского языка под редакцией Л.А. Введенской; Н.П. Колесникова; М.Р. Львова. Антонимы к слову «честь» были обнаружены только в словаре М.Р. Львова [6] – слова бесчестье и позор. Бесчестье является однокоренным устаревшим словом, оно имеет значение «порушение чести, оскорбление». Слово «позор» толкуется как «бесчестье, постыдное, унижительное положение». Данные слова представляют степень неуважения, которое испытывает общество к какому-то субъекту.

Проанализировав «Русский ассоциативный словарь» [5] Ю.Н. Караулова, определилась частотная реакция – «долг», а также ряд других номинаций (кодекс, договор) указывают на нормативный характер «чести».

Таким образом, данный анализ определил, как значение «честь» проявляется в представлении человека или организации в сочетании высоких моральных качеств или жизненных принципов, которые учитывает современное общество.

Библиографический список

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. 431 с.
2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1986. 600 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 576 с.
4. Евгеньева А.П. Словарь синонимов русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2004. 649 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М.: ООО «Издательство Астрель», 2002. 992 с.
6. Львов. М.Р. Толковый словарь антонимов русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2012. 512 с.
7. Мудрова А.Ю. Словарь синонимов русского языка. М.: Центрполиграф, 2009. 507 с.
8. Полный церковно-славянский словарь (С внесением в него важнейших древн.-рус. слов и выражений): Около 30000 слов / сост. священник Г. Дьяченко // Репр. воспроизв. изд. 1900 г. М.: Моск. патриархат: Посад, 1993. 1120 с.

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ В ОБЩЕНИИ «УЧИТЕЛЬ – УЧЕНИК»

FAILURES IN COMMUNICATION “TEACHER – STUDENT”

В.В. Гузова

V.V. Guzova

Научный руководитель Е.В. Осетрова
Scientific adviser E.V. Osetrova

Коммуникативная неудача, участники, учитель, деструкция, дескрипция, коммуникация, образовательный процесс.

В статье представлена типология коммуникативных неудач в школьной коммуникации. Приведены разные основания этих неудач, а также наглядные примеры, демонстрирующие сбой во взаимодействии «учитель – ученик». Сделан вывод о необходимости преодоления коммуникативных неудач в процессе обучения и преобразования их эффективного общения.

Communicative failure, participants, teacher, destruction, description, communication, educational process.

The article shows approaches to the content, typology and use of the term «communicative failures» in the educational process. Illustrative examples are given that demonstrate the implementation of communicative failures in teacher-student communication. These communicative failures should be transformed in the learning process into good luck and achievements of students.

Понятие «коммуникация» предполагает двунаправленное общение субъектов и их взаимовлияние в процессе этого общения. Одним из его типов является система «учитель – ученик» как особый тип социального и речевого взаимодействия. При этом, если педагог в процессе устного опроса не получает ожидаемого ответа от учащегося, такая ситуация расценивается им как коммуникативная неудача.

Коммуникативная неудача, по Б.Ю. Городецкому, определена как сбой в общении, при котором высказывание не выполняет своего предназначения, а содержащиеся в нем инструкции не реализуются (в связи с их непониманием, игнорированием, ложным истолкованием и т.п.) [Городецкий, 1989]; ср. данный подход с [Кальней, Шишов 2002].

В рамках данного исследования – на разных основаниях – выделены несколько типов коммуникативных неудач. Рассмотрим полученные результаты последовательно.

С позиций **структурных** определены неудачи, связанные

– с характеристиками коммуникативной ситуации; см. примеры:

А чё, можете еще раз повторить? (нарушение правил вежливости и стилистический сбой); *Екатерина Александровна, а зачем вы училкой стали? А муж*

у Вас есть? (неуместность обращения данного говорящего к данному слушающему, в данных обстоятельствах и – стилистический сбой);

– со структурой текста и его элементов; см. примеры:

Я к доске вот подойду, вы мне «пять» поставите? (ошибка в употреблении лексемы *подойду* (ср. *выйду*) и неполнота условной конструкции); – *Так... К доске пойдет Сидорова! – А че я сразу? Ой, смотрите, на улице как солнце засветило! А как вы считаете, вот чисто морально я могу сдать ОГЭ?* (резкая смена темы и размывание семантики лексемы *морально*).

Помимо вышеперечисленных неудач, которые отнесены здесь к структурным (формальным), следует выделять неудачи **содержательного** типа, определенные сбоем в понимании информации. В этой связи определяют неудачи на уровне входа, неудачи на уровне модели, а также несовместимость дескрипций [Формановская, 2002].

К неудачам «на уровне входа» отнесены случаи, когда слушающий не может корректно интерпретировать высказывание говорящего. Это связано с неверным установлением референции, неправильным пониманием отдельного слова и т.п.; см. примеры: – *Итак, мы будем с вами читать роман, события которого разворачивались в течение трех лет! – Ой, а мы что, его три года читать будем?; – Дети, завтра мы с вами пойдем в театр! События второго действия этого спектакля совершаются через три месяца!* [после событий первого действия] – *А наши билеты еще будут годными?* Как видно, в обоих случаях ученик не может установить связь между основой предложения и обстоятельством времени и далее ошибочно применяет эту текстовую координату к ситуации речи. Этот же тип неудачи иллюстрирует и следующий диалог, в котором ученик упускает связь «предмет – место» (*учебник – дома*), заменяя ее на связь «человек – место» (*папа – дома*); см. пример: – *Петя, где твой учебник? – Не знаю. – Он дома? – А дома все хорошо! Мама работает, а папа дома, да.*

К неудачам «на уровне модели» относятся случаи, когда интерпретация услышанного высказывания не встраивается в представления слушающего (ученика) о мире так, как это планировал инициатор-говорящий (учитель); например: – *Завтра в нашем зооуголке будет на одно животное больше! – Хомячиха родит хомяка? – Нет, завтра к нам в уголок привезут еще черепаху!* Для ученика ситуация пополнения обитателей зооуголка актуализирована как «роды одного из обитателей», а не как «пополнение новым обитателем».

К третьему типу в рассматриваемом ряду относится «несовместимость дескрипций». Дескрипция это логическая (языковая) конструкция, которая определяет единичный предмет при помощи общих понятий и характеристик. «Несовместимость дескрипций» возникает из-за рассогласования определения говорящего с определением того же предмета в сознании слушающего; см. пример: [Учитель раздает дневники детям, обращаясь к одному из них] – *Коля, твой папа посидит, когда увидит твои оценки! – Папа не посидит! – Разве твои оценки его не волнуют? – Конечно, волнуют, просто папа уже лысый!*

Следует заключить, что причины коммуникативных неудач в большой степени связаны с недостаточной коммуникативной компетенцией педагога, поскольку именно он является организатором и инициатором педагогического общения. В этом заключается одно из специфических различий коммуникативных неудач общего (не обучающего) диалога и педагогического (обучающего) диалога в школе. Проведенный анализ речевого материала свидетельствует о том, что для преодоления коммуникативных неудач педагог должен проявлять готовность и компетенции профессионального коммуникатора.

Библиографический список

1. Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Наука, 1989. Вып. 24. С. 5–31.
2. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002.
3. Кальней В.А., Шишов С.Е. Технология мониторинга качества обучения в системе «учитель – ученик». М., 2000.

СЛОЖНОСТИ ПОНИМАНИЯ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА

DIFFICULTIES IN UNDERSTANDING THE MEANS OF CREATING A COMIC EFFECT

Л.А. Догадаева

L.A. Dogadaeva

Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific advisor I.V. Revenko

Межкультурная коммуникация, культура, создание комического эффекта, юмор, языковые средства.

В данной статье рассматриваются средства создания комического эффекта на примере русских анекдотов, а также сложности их понимания.

Intercultural communication, culture, creating a comic effect, humor, language means.

This article considers the means of creating a comic effect, using Russian jokes as an example, as well as the difficulty of understanding them.

В традиционной трактовке категорию «комического» употребляют по отношению к искусству, например, в эстетике, а также по отношению к философии, определяя культурно и эстетически оформленное, социально значимое смешное, что является логическим коррелятом трагическому [1], хотя смысл данной категории должен рассматриваться гораздо шире.

Проанализировав определения комического в разных энциклопедиях и справочниках, можно выделить интегральный признак – тесная связь со смешным и наличие показательного сигнала – смеха. Но это не дает оснований говорить о том, что смех абсолютно всегда становится признаком «комического». В филологии исследование «комического» всегда двигалось в направлении рассмотрения лингвистических аспектов, его разных видов и жанров, а также языковой игры – различных стилистических приемов, с помощью которых выражается смысл «комического». Поэтому в исследуемой проблематике центральными становятся вопросы выделения его видов и жанров.

«Основными видами комического можно считать юмор, иронию, сарказм и сатиру. Они выступают против человеческих пороков и слабостей, но их отличие друг от друга состоит в особом, своеобразном характере смеха» [2]. При некотором сходстве, на первый взгляд, данные жанры отличаются друг от друга своим содержанием. На наш взгляд, существует универсальный жанр комического – анекдот, способный в той или иной форме и мере вбирать в себя все остальные.

«Анекдот – это короткий связный текст (причем соответствующий критерию как грамматической и синтаксической, так и смысловой связанности), произносимый говорящим намеренно, со специальной целью рассмешить слушающего,

понятный слушающему» [3]. Впрочем, понимание анекдота требует иногда от слушающего некоторого усилия.

Чаще всего анекдоту свойственно неожиданное смысловое разрешение в самом конце, которое и рождает смех. Это может быть игра слов, разные значения слов, современные ассоциации, требующие дополнительных знаний: социальных, литературных, исторических, географических и т.д. Анекдоты охватывают практически все сферы человеческой деятельности, они могут быть о семейной жизни, работе, учебе, политике и многих других аспектах жизни человека.

Существуют различные приемы создания комического в тексте, которые могут выражаться как при помощи фонетических, лексических, фразеологических, так и грамматических средств [4].

Г.Ш. Кязимов утверждал, что возможно узкое и широкое понимание термина «средства комического». Все, что способствует созданию комического эффекта, в широком смысле может считаться средствами комического. В широком смысле они включают разнообразные предметы и их детали [3]. Однако, говоря о средствах комического, мы имеем в виду, прежде всего, его языковые средства.

Таким образом, многозначность, омонимия, каламбур, иносказание, комический контраст и т.п. будут являться языковыми средствами комического. Однако совершенно неправомерно ставить с ними в один ряд насмешку, иносказание, гиперболизацию, а также ее виды, комическую деталь, комическую ситуацию, контраст, каламбур и т.д. Некоторые из них – иносказание, контраст, каламбур, аллегория и др. – рассматриваются как особые средства.

Нами был проведен опрос русских студентов, а также иностранцев, изучающих русский, с целью выяснить особенности восприятия комизма и проанализировать разницу в понимании тех или иных средств создания комического эффекта у данных двух групп. Для этого было отобрано десять тематически многообразных анекдотов, в которых использованы разные средства выразительности и языковые единицы, которые, по нашему мнению, близки и понятны молодым людям нашего времени. Опрос проводился в дистанционном онлайн-формате, что позволило расширить его географию. В опросе приняли участие 60 респондентов: основная масса – русские и китайские студенты первого – третьего курсов КГПУ им. В.П. Астафьева; студенты других университетов страны, среди которых молодые люди более десяти разных национальностей. Уровень их владения языком различен и определяется, прежде всего, временем пребывания в русской языковой среде.

Результат опроса показал, что иностранцам сложнее понимать юмор в силу его специфичности, обусловленной лингвистическими и этноспецифическими факторами. Было получено много ответов, содержание которых говорило о том, что респонденты не понимали большую часть комического текста. Была установлена связь между уровнем владения русским языком и полнотой понимания анекдота: чем длительнее изучение языка, тем чаще удавалось правильно определить предмет высмеивания, а также слова, в которых скрывалась причина парадоксальности. Около тридцати процентов опрошенных иностранцев даже смогли правильно определить иронию, многозначность и омонимичные слова.

Русские респонденты практически безошибочно указывали на омонимы, каламбуры, иронию и полисемию. Однако зачастую пытались просто объяснить, почему у них это вызвало смех, используя прежде всего высмеиваемый предмет, игнорируя языковые средства. Интересный факт: самым распространенным ответом на вопрос «с помощью чего, по вашему мнению, автор пытался создать комический эффект?» был – «игра слов». Самыми сложными для определения оказались гипербола, метафора и словообразовательные средства.

Несмотря на универсальность смеха, восприятие комического представителями разных этносов и культур существенно отличается, поскольку для понимания анекдота необходимы фоновые знания социокультурного характера. Что же касается определения средств создания комического эффекта, то здесь определенные трудности испытывают не только иностранцы, но и носители русского языка.

Библиографический список

1. Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974. 223 с.
2. Козлитина О.К. Комизм в тексте // Текст 2000: Теория и практика. Междисциплинарные подходы: Мат-лы Всерос. науч. конф. Ч. 1. УдГУ Ижевск, 2001. С. 97–98.
3. Кязимов Г.Ш. Теория комического. Проблемы языковых средств и приемов. Баку: Асполиграф, 2004. 266 с.
4. Бондаренко Н.Г. Языковые средства создания комического эффекта в анекдоте // Филология и лингвистика в современном мире: материалы I Междунар. науч. конф. М.: Буки-Веди, 2017. С. 56–59.

АНГЛИЦИЗМЫ В ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИИ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЯ «ТJ»

ANGLICISMS IN ELECTRONIC MEDIA ON THE EXAMPLE OF THE PUBLICATION OF THE INTERNET EDITION “TJ”

П.И. Зубкова

P.I. Zubkova

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific adviser V.N. Zamyslova

Англицизм, заимствованные слова, русский язык, электронные СМИ, Интернет.

Статья посвящена описанию англицизмов в русском языке на примере публикации российского интернет-издания «ТJ» («TJournal») «Скайнет и пропаганда: глава лаборатории машинного интеллекта «Яндекса» развеивает страхи про ИИ и нейросети». Объяснены особенности употребления и причины использования заимствованных слов через аспект технической направленности интернет-статьи.

Anglicism, loan words, Russian language, electronic media, Internet.

The article studies the description of Anglicisms in Russian language on the example of the publication of Russian Internet edition “TJ” (“TJournal”) “Skynet and propaganda: Yandex Head of the Laboratory of Machine Intelligence dispels fears about AI and neural network”. Usage peculiarities and reasons for using of the loan words are explained through the aspect of the article’s technical orientation.

Англицизм как феномен в современном русском языке не является чем-то абсолютно новым и неисследованным. Однако само понятие, его рамки и пути возникновения до сих пор вызывают вопросы у учёных-лингвистов. В широком смысле, исходя из самого слова, термин «англицизм» обозначает заимствование из английского языка.

При узком подходе к проблеме «заимствованное» слово должно отвечать освоенности: графическая и фонетическая ассимиляция, морфологическое освоение, словообразовательная интеграция и семантическое освоение [1]. Говоря о широком подходе к проблеме заимствования, можно дать определение, что англицизм – это слово или словосочетание, перенесённое в современный русский язык из английского или попавшее через него, прошедшее трансформацию или оставшееся в своём изначальном облике.

Тексты, публикуемые СМИ, воспроизводят речевую практику большого количества социальных пластов, конструируют содержание интенсивного словаря общества и распространяют заимствования, что способствует успешному процессу фонетической, семантической и грамматической адаптации новых слов в принимающем языке [2].

Наиболее часто вхождение англицизмов в современный русский язык наблюдается в экономической (*промоутер* – *promoter*), политической (вице-спикер – *vice-speaker*) и особенно спортивной (*спортсмен* – *sportsman*) сферах общественной жизни, а также в технической (*твиттер* – *twitter*), поскольку ориентиры русскоязычных разработчиков интернет-сайтов нацелены на работы западных коллег и их языковые особенности.

В рамках научно-исследовательской работы нами была взята публикация электронного СМИ Интернет-издания «ТJ» («TJournal») «Скайнет и пропаганда: глава лаборатории машинного интеллекта «Яндекса» развеивает страхи про ИИ и нейросети». Данное журналистское исследование описывает техническую сферу жизни и включает в себя обширное количество англицизмов.

Название статьи отличается наличием нескольких англицизмов, относящихся к технической сфере: *скайнет*, «Яндекс», *интеллект/ИИ*, *нейросеть*. Некоторые из приведённых лексем уже «на слуху» у большого количества русскоязычного населения, и толкование данных слов понятно. Однако другие будут известны в основном представителям молодого поколения, более активно пользующегося Интернетом и разбирающегося в Интернет-лексике, а также разработчикам и людям технической направленности.

В тексте представлен большой спектр английских заимствований, из-за чего встаёт вопрос о необходимости их использования для широкой аудитории. Возможные причины следующие: 1) абсолютная необходимость в употреблении из-за отсутствия русских наименований; 2) внедрение и актуализация подобных лексем в современный русский язык; 3) использование в качестве синонимов; 4) стирание языковых барьеров между поколениями, создание языкового «моста» между представителями разных поколений; 5) привлечение внимания российской молодёжи к текстам данного Интернет-источника.

В рамках данной статьи встречаются англицизмы, калькированные русскими аффиксами: *реальность* (*reality*) («насколько они соответствуют *реальности*»), *манипуляция* (*manipulation*) («дойдёт и до *манипуляций*»), *дейтинг* (*dating*) («*дейтинговые* ресурсы не должны принимать машинное обучение»), *консалтинг* (*consulting*) («в 2018 году *консалтинговая* компания»), *эмпатия* (*empathy*) («не превосходят человека в *эмпатии*»). Описанные слова связывает единая форма вхождения в современный русский язык, которая выражается в использовании русских субститутов.

Авторами публикации употреблены слова *SEO* («но вот в задачах *SEO*») и *FaceApp* («используются в приложениях вроде *FaceApp*»), записанные английскими литерами, но данные понятия транскрибированы в «Словаре англицизмов в русском языке» лингвиста Дьякова А.И. (SEO и Фейсапп) и пользуются популярностью в речи в основном в данном виде. Использованные лексеммы считаются англицизмами, поскольку относятся к трансплантированным заимствованиям [3].

Среди обширного списка прямых английских заимствований (*Хэллоуин* («31 октября празднуют *Хэллоуин*»), *концерт* («такие разработки показывали *концерны*»), *компьютерный* («вспомогательные системы вроде *компьютерного*

зрения») и другие) употреблены косвенные англицизмы, основы которых взяты из греческого или латинского языков: *виртуальный* («создаёт его *виртуальный* дубликат»), *робот* («*роботы* смогут внушить определённую точку зрения»). Данные лексемы относятся к ряду англицизмов, поскольку предметы и идеи были созданы англоговорящими людьми намного позднее, чем были обозначены перечисленные основы.

Также создатели информационной статьи в ходе написания работы использовали слова типа *франшиза* («ключевая тема *франшизы*»), *контент* («начнут создавать *контент* для влияния»), *бот* («между задачей для *бота*»), *чат-бот* («создала *чат-бота*, который напоминал Романа»), *тренд* («в список главных *трендов* на рынке управления персоналом») с очевидной направленностью на молодое поколение и тех, кто разбирается в затронутой теме и лексике.

Таким образом, использование большого количества английских заимствований, применённых в рамках публикации «*Скайнет и пропаганда: глава лаборатории машинного интеллекта «Яндекса» развеивает страхи про ИИ и нейросети*», несёт в себе объективную необходимость. Во-первых, это связано с объёмом работы, во-вторых, техническая направленность описанной тематики и объяснённых моментов обуславливает употребительную лексику.

Библиографический список

1. Дьяков А.И. Статика и динамика англицизмов в системе русского языка: многоаспектное лингвистическое моделирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2015. 43 с.
2. Апетян С.Г. Англицизмы на страницах печатных и электронных СМИ [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/anglitsizmy-na-stranitsah-pechatnyh-i-elektronnyh-smi>, свободный (дата обращения: 19.03.20).
3. Дьяков А.И. Англицизмы русского языка: за и против // *Globalscience. Development and novelty Collection of scientific papers on materials VII International Scientific Conference*. 2018. С. 49–56.

РОЛЬ ЭПИТЕТОВ В ЖИТИЕ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В ИЗЛОЖЕНИИ ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО И БОРИСА ЗАЙЦЕВА

THE ROLE OF EPITHETS IN THE LIFE SERGIUS OF RADONEZH IN DESCRIPTION BY EPIPHANIUS THE WISE AND BORIS ZAITSEV

А.П. Икромова

A.P. Ikromova

Научный руководитель Е.Г. Шестернина
Scientific adviser E.G. Shesternina

Житие, эпитет, святой, язык, стиль.

Цель данной работы: проследить, какую функцию выполняют эпитеты в житийном жанре на примере жития Сергия Радонежского. **Методы данного исследования** – анализ и сопоставление. **Результатом** является вывод о роли эпитетов.

Life, epithet, Saint, language, style.

The purpose of this work is to find out what function epithets have in the hagiographic genre on the example of the life of Sergius of Radonezh. The methods of this research are analysis and comparison. The result is a conclusion about the role of epithets.

Житие – это жанр церковной литературы, описывающий жизнь святого. Этот жанр пришел на Русь вместе с принятием христианства. Он отражает не только жизнеописание святых, но и историю развития христианства, борьбы с язычеством. Жития показывают историю Руси со стороны ее духовного становления, что является крайне интересным в историческом смысле.

С принятием христианства этот жанр становится ведущим в развитии письменности, следовательно, несет в себе кладезь художественных средств. Мы остановим наше внимание на эпитетах и рассмотрим, какую роль они играют в художественных текстах на примере жития Сергия Радонежского, изложенного Епифанием Премудрым и Борисом Зайцевым.

К.С. Горбачевич в предисловии к «Словарю эпитетов русского языка» приводит интересное наблюдение А.П. Евгеньевой о том, что понятие «эпитет» эволюционирует вместе с поэтическим стилем. Она выделяет античный, классический, романтический и реалистический эпитет, пишет, что подходы к использованию художественных приемов менялись в зависимости от эпохи [1, с. 5].

Это замечание очень важно для данной работы, так как в этом и состоит проблема данного исследования – в сравнении роли эпитетов разных эпох. В.В. Виноградов в своей работе «О языке художественной литературы» подчеркивает ту же мысль, что и А.П. Евгеньева. Он пишет, что «разным эпохам, разным слоям общества присущи свои типические формы речевой экспрессии, характерные способы

экспрессивного речевого выражения» [2, с. 63]. Он не говорит об эпитетах, или даже о тропах, но для нас важна сама суть того, что форма зависит от эпохи.

То есть, с одной стороны, эпоха влияет на использование эпитетов, но есть и другая сторона: художественные средства, в нашем случае эпитеты, объединяют произведения разных жанров и эпох аналогиями, соответствиями. Об этом пишет все в той же работе В.В. Виноградов: художественное произведение «выступает в соотношении с другими произведениями того же жанра и разных смежных жанров. От него тянутся нити аналогий, соответствий, контрастов, родственных связей по всем направлениям, даже вглубь литературного прошлого» [2, с. 68].

Можно сделать вывод, что предмет нашего исследования выполняет очень важную роль для художественных текстов – эпитет выявляет наиболее характерную и яркую черту предмета, которая своим метафоричным смыслом наделяет предмет дополнительными значениями, а также аналогиями и может отсылать к другим текстам.

По используемым эпитетам можно определить и охарактеризовать время написания, страну или народ, жанр произведения, цель произведения.

В житие, которое написал Епифаний Премудрый, эпитеты относятся в основном к родителям святого, к Богу, самому Сергию и к автору. В изложении же Бориса Зайцева характерные эпитеты можно увидеть по отношению к родителям и к самому святому.

Поэтому приведем эпитеты из обоих вариантов, которые относятся к родителям и к святому и сравним их. *«Родителей благородных», «блаженнейшие супруги», «добродетельного отца», «благоверных родителей»* – такими эпитетами Епифаний Премудрый наделяет родителей Сергия Радонежского.

Перед нами образ идеальных родителей, практически таких же святых, как и сам Сергий. Автор обосновывает такое высокое положение родителей:

«Бог не попустил, чтобы младенец, которому предстояло воссиять, родился от неправедных родителей» [3, с. 6].

Однако родители предстают не просто «не неправедными», а чуть ли не святыми. У Бориса Зайцева подобраны другие эпитеты для их описания: *«люди тихие, спокойные; людьми почтенными и справедливыми, религиозными»*. Такой подход кажется более реалистичным. Родители святого уже не кажутся неземными людьми, они такие же реальные, как и мы.

Святого Епифаний Премудрый описывает словами для нас непривычными, неупотребляемыми и устаревшими. Но как раз благодаря этому создается образ недостижимого сверхчеловека: *«мужа святого, старца духовного, старец совершенный, пречудного человека, благодатный отрок, добродетельный отрок, отроком красивым и благонравным; славному, блаженному, верному юноше»*.

Борис Зайцев же стремится к другой цели. Его задача представить не недоступного святого, каким простым людям никогда не стать, а простого человека, который своим послушанием смог завоевать такое глубокое уважение людей. И, следовательно, каждый может последовать его примеру: *«он упорен, терпелив, и он «боголюбив; тихим отшельником, скромным игуменом»*.

И Епифаний Премудрый указывает на такую цель в своем изложении, как пример для других людей: *«чтобы и другие монахи, не видевшие старца, прочли этот рассказ, последовали добродетели старца»*.

Но его высокий стиль изложения уже устарел для нас. И хоть мы и восхищаемся святостью Епифания Премудрого, но ближе нам святой Бориса Зайцева.

Таким образом, язык, стиль, художественные средства (в нашем случае особый акцент на эпитетах) могут влиять на восприятие, глубину осознания и даже на духовный рост человека.

Библиографический список

1. Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб.: Норинт, 2002.
2. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.
3. Житие Феодосия Печерского / Подготовка текста и перевод В.В. Кускова // Древнерусские предания (XI–XV вв.). М., 1982.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ПОВЕСТИ ОБ УЛИЯНИИ ОСОРЬИНОЙ» В СОПОСТАВЛЕНИИ С ТРАДИЦИОННЫМ АГИОГРАФИЧЕСКИМ КАНОНОМ

THE LEXICAL FEATURES OF THE «TALE OF ULYANIYA OSORYINA» IN COMPARISON WITH THE TRADITIONAL HAGIOGRAPHIC CANON

А.М. Лисман

A.M. Lisman

Научный руководитель А.В. Кипчатова
Scientific adviser A.V. Kipchatova

Повесть об Улиянии Осорьиной, агиография, канон, язык XVII века, лексика, старославянизмы, трансформация.

В статье предьявляется анализ лексических особенностей «Повести об Улиянии Осорьиной» в сопоставлении с агиографическим каноном, выявляются причины лексических изменений в языке XVII века.

Tale of Ulyaniya Osoryina, hagiography, canon, language of the 17th century, vocabulary, Old Slavism, transformation.

The article presents an analysis of the lexical features of the «Tale of Ulyaniya Osoryina» in comparison with the hagiographic canon, reveals the causes of lexical changes in the language of the XVII century.

XVII век справедливо признаётся началом нового периода в русской литературе. За это время в ней появились новые актуальные жанры (например, публицистическая литература и сатира), а также трансформировались жанры, которые считались традиционными (например, житие и историческая повесть). В центр повествования выходят люди с непохожими характерами и проблемами, которые живут неотрывно от окружающей их исторической эпохи. Помимо этого трансформируется и язык повествования. Все эти изменения приводят к формированию *русского национального литературного языка*.

Переход к национальному периоду развития в общенародном языке ознаменовывается рядом его изменений в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике. Все эти изменения значительно повлияли на становление современного русского языка. И для того, чтобы понять эти процессы, необходимо тщательно и подробно изучить важнейший период его развития, который принято называть преднациональным, – период XVII века.

В данной работе мы рассмотрим *лексические изменения* в языке XVII века на примере «Повести об Улиянии Осорьиной». Для подобного изучения преобразования русского языка нами был выбран традиционный в древнерусской литературе жанр жития. Такой выбор обусловлен тем, что, несмотря на большое количество исследований по истории русского литературного языка, современное языкознание не уделяет достаточного внимания его трансформации в таком строго каноничном жанре, как житие.

Рассмотрим лексику «Повести об Улиянии Осорьиной» с нескольких аспектов.

1. *Старославянизмы*. Традиционно для житийного канона было свойственно смешение лексического состава древнерусского и старославянского языков, лексики последнего было значительно больше: широкое употребление сложных слов, состоящих из двух-трёх корней, архаичные формы наречий, существительных, союзов и пр. Данная архаичность сохраняется и в «Повести»:

а. Наблюдаются сложные основы с обычными для старославянизмов элементами *бог, благой, добрый, злой, единый* и пр. (всего в тексте 25 слов): *боголюбивый, богоугодный, богоприятный, благоверный, добродетель* и др.;

б. Употребление *зело* вместо *очень*: «Во едино же время зима бе студена *зело*, яко земли разседатися от мраза» [Скрипиль, 1948, с. 280];

в. Употребление *сице* вместо *таким образом*: «Бысть глас <...>, глаголющъ *сице*: «Иди и рцы<...>»» [Скрипиль, 1948, с. 302];

г. Употребление *абие* вместо *тотчас*: «Она же *абие* от сна возбнув и увидеве мужа <...>» [Скрипиль, 1948, с. 278] и пр.

2. *Бытовая лексика*. Рассматривая бытовую лексику Повести, мы встречаемся с её широким разнообразием, среди которого большую часть составляют слова более раннего происхождения. Например, человек, мать, голова, дом, лошадь, хлеб и пр. Наряду с этим в «Повести об Улиянии Осорьиной» упоминается множество бытовых терминов, которые в житиях более раннего периода не использовались (село, домовное строение, рукоделие, пяличное дело, пряди-ва, сапоги, постель, баня, печь, дрова, зерно, бревно и пр.): «И бе видети в день миро, аки *квас свекольный*, в нощи же сгустевашеся, аки *маслобагряновидно*» [Скрипиль, 1948, с. 283].

Помимо этого, удивляет разнообразием и упоминание родственных связей: дочь, сын, баба, мать, тетка, муж, свекор, свекровь и др.

Бытовая лексика была несвойственна агиографическому жанру, поэтому в традиционных житиях она представлена в малом количестве, что и отличает «Повесть об Улиянии Осорьиной» от агиографии XI-XV веков.

Общественно политическая лексика. Среди данной категории основную массу составляют слова, вошедшие в оборот постепенно в течение нескольких столетий (князь, царь, сан, ключник, царская служба, темница, суд и пр.): «Во дни благовернаго *царя* и великаго *князя* Иоанна Васильевича всея Руси <...>» [Скрипиль, 1948, с. 276].

Отдавая дань традиции, Дружина Осорьин – автор «Повести» – решил не насыщать её общественно политической лексикой, несмотря на то, что Улияния

поставлена в колоритную бытовую обстановку и действия её тесно связаны с определёнными историческими событиями и крупнейшими вопросами её эпохи. Так, например, в «Повести» отразился свойственный данной эпохе период брожения в среде холопов и вопрос о рабах: рабство уже явно обнаружило свою тенденцию к исчезновению.

Военная лексика. Также немногочисленна в повести и военная лексика. Упоминается слово «оружие», известное в памятниках письменности ещё с XI века, и слово «палица», известное ещё с фольклорных традиций: «Бысть храмина полна бесов со всяким *оружием*, хотяху убити ю. Она же помолися богу со слезами, и явися ей святой Никола, имея *палицу*» [Скрипиль, 1948, с. 281].

Заимствованная лексика. В XVII веке русским языком было сделано немало заимствований. Его лексика пополнилась эллинизмами, латинизмами, германизмами, галлицизмами, заимствованиями из польского, тюркского и других языков. Но, несмотря на это, в «Повести об Улиянии Осорьиной» упоминаются уже привычные русской письменности слова, такие как «князь», «царь», «сорокоусты», «фимиам».

Таким образом, проанализировав лексический состав «Повести об Улиянии Осорьиной», мы обнаружили, что, несмотря на сохранение, смешение и преобладание исконно-русских и старославянских слов, «Повесть» в значительной мере обогащена бытовой и просторечной лексикой. Менее – общественно политической и военной. Это объясняется тем, что автор текста – Дружина Осорьин – рисует в своем произведении не «блаженную», а портрет русской светской женщины конца XVI века – хорошей жены, матери и хозяйки. «Жизнь Улиянии не в монастыре, а в миру, в обстановке деловых хозяйственных хлопот, ставила перед биографом особые задачи: она не укладывалась в устойчивую схему, привычные формулы и фразеологию жития» [Скрипиль, 1948, с. 264]. Поэтому в «Повести», несмотря на сохранение архаичности, преобладает чуждая агиографическим нормам лексика, свойственная больше для светской повести.

Библиографический список

1. Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI-XVII веков: Проблемы морфологической адаптации. М.: Наука, 2001. 409 с.
2. Скрипиль М.О. Повесть об Улиянии Осорьиной // Труды Отдела Древнерусской Литературы. Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1948. С. 256-323.
3. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии: Древнерусский период: учебное пособие. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 248 с.

САКРАЛЬНЫЕ ЛЕКЕМЫ В РУССКИХ РОМАНСАХ

SACRED LEXEMES IN RUSSIAN ROMANCES

Е.Л. Ложкина

E.T. Lozhkina

Научный руководитель В.И. Пихутина

Scientific adviser V.I. Pikhutina

Сакральная лексика, трансцендентность, русский романс, христианство, религия, сакрализация.

Сакральное, представляя собой целый пласт национального культурного миропонимания, нашло отражение в русских романсах Серебряного века.

Sacred vocabulary, transcendence, Russian romance, Christianity, religion, sacralization.

The Sacred, representing a whole layer of national cultural worldview, is reflected in Russian romances of the Silver age.

Современная лингвистика изучает проблему взаимосвязи языка и духовной культуры его носителя – народа. Язык сохраняет и закрепляет информацию о реалиях духовной жизни этноса, поэтому в духовной действительности языка существует понятие сакральное.

Сакральное – это нечто осмысленное человеком и возведённое им до уровня культа, это и трансцендентная область, и атрибуты, присущие святым, запредельным личностям (Богу, Богородице, ангелам – в христианстве, высшим природным силам – в язычестве). К семантическому полю сакрального присоединено священное (предметы религиозного культа, коды, символика), обрядовое и религиозное. Присваивание словами (люди, явления, предметы) «священных», мистических содержаний называется процессом сакрализации.

Таким образом, сакральный – это мистический, священный, ритуальный, сверхъестественный, магический, обрядовый компонент в семантике слова. Значение сакрального может быть представлено в виде текстов, застывших языковых формул. Языковой единицей с сакральной семантикой может быть слово, устойчивое сочетание слов, предложение, которое содержит в себе ценностное и смысловое содержание духосферы [Шкуран, 2019].

Ключевое место при анализе сакральных лексических единиц будет занимать прагматический компонент, содержащий информацию об отношении субъекта, использующего конкретное слово, к обозначаемому данным словом объекту или адресату сообщения. Прагматическое значение выражает оценку, помимо переживания (эмотивный микрокомпонент) и осмысления, выраженного в определённом функциональном стиле (стилистический). В сущности, это дополнительный (коннотат) смысл слова, который наслаивается на основное значение и выражает разный эмоционально-экспрессивный характер – позитивный или негативный.

Так как сакральные семы символичны, то их значение прежде всего основано на метафоризации, а затем и на ассоциировании (при анализе выявляются отношение человека к окружающему миру, его представление; пути становления, развития и реализации в культурном контексте).

Русский романс – это «красивое страдание» [Рабинович, 1987]. Он обнажает тайну страдания любви (в самых разных проявлениях: одиночество, разлука, счастливое воссоединение, тоска по любимой), мистического переживания, «философского» томления, но не как наготу отдельной личности, а как музыкально-лирическую общекультурную объективность. Однако в момент восприятия объективность снова трансформируется в субъективность, принимая черты глубокой личной драмы. Разумеется, переживание личности наиболее полно выражается при помощи именно сакральных лексем. Ведь их суть – мистика, трансцендентность. И действительно, русские романсы насыщены сакральными лексемами.

«Элегия» Константина Фофонова получает свой мистический характер именно благодаря сакральным лексемам. Из двадцати одной строчки только две содержат данные лексем. Однако они задают тон всему романсу. Терзания лирического героя, связанные с уходящей юностью, сначала репрезентируются при помощи параллелизма: «Цветов обветрившихся хор Следил в агонии за тучей». Далее следуют описание попытки не думать о наступающем холоде и, соответственно, смерти. Затем лирический герой прямо говорит: «Казалось, юность умирала». И переходит к сакральной лексеме: «И умирающей зарёй меня тепло *благословляло*». «Благословение» – это слово с сакральной семантикой, которое в христианском богословии понимается как «обращение Божьей милости, благодати на человека либо Самим Богом, либо людьми, действующими по воле Бога» [Ринкер, 1994]. Однако у поэта происходит метафоризация данного слова, потому что дарительницей благословения у него становится не Бог, а юность, образ которой также метафоричен в романсе. Юность наделяется божественной способностью – благословлять, что позволяет расширить представление о том, насколько значимы в философском плане для человека жизнь и её периоды. Далее общий смысл романса и образ юности ещё более насыщается при помощи сакрального устойчивого выражения: «Последних ласк... я от неё просил, рыдая, Как первобытный человек У врат *потерянного рая*». Счастье периода юности сравнивается с блаженством Адама в Эдеме. Параллель достаточно оправдана: свежесть, беззаботность, бесконечное разнообразие и красота пейзажей, упоённое общение с Богом в земном раю и неистощимая энергия, безоблачность дней и страсть к жизни юношества. Таким образом, используемое Константином Фофановым сакральное ассоциирование позволяет обнажиться апогею страдания по уходящей юности. И поэт предстаёт перед нами как человек скорее светский, чем религиозный.

Романс Мирры Лохвицкой «Умей страдать» также осложнён сакральными лексемами, что наделяет его противоречием с христианской точки зрения. Во второй строфе романса встречаем первую сакральную лексему: «И твой *кумир* тебя осудит скоро на гнёт тоски... – Умей любить!» Кумир – это «идол, иной бог,

кроме Единственного, что противоестественно» [Ринекер, 1994]. Христианская религия, точнее, Бог осуждает возведение кого-либо или что-либо до уровня божественности. Однако лирическая героиня взывает в следующей строфе: «Неси свой *крест* с величием богини, – Умей страдать!» Вторая сакральная лексема должна исключить первую, так как сакральное выражение «нести свой крест» подразумевает посвящение Богу, отвержение всяких кумиров. Очевидно, что поэтесса не преследует мысль соблюсти религиозный смысл в романсе. «Кумир» и «крест» использованы, по всей видимости, для создания эффекта или же передачи особенности испытываемой маэты длиною в жизнь.

Итак, авторы русских романсов, широко используя сакральные лексемы, не просто обогащают смысл, а расширяют семантическое поле, что придаёт романсам особый национальный христианский колорит.

Библиографический список

1. Шкуран О.В. Языковые единицы с сакральной семантикой: лингвокультурологический и лексикографический аспекты // Вестник РУДН. 2019. № 2. С. 336–352.
2. Рабинович В.Л. Русский романс. М.: Современник, 1987. 502 с.
3. Ринекер Ф. Библейская энциклопедия Брокгауза. Кременчуг: GraphischerGrossbetriebPoesneck, 1994. 1103 с.

ЧЕРНЫЙ И БЕЛЫЙ ЦВЕТА В ТВОРЧЕСТВЕ М.М. ПРИШВИНА НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА «В КРАЮ НЕПУГАННЫХ ПТИЦ»

BLACK AND WHITE COLORS IN M.M.PRISHVIN'S PROSE ON THE EXAMPLE OF A COLLECTION «IN THE EDGE OF UNBEATED BIRDS»

Е.А. Лысюк

E.A. Lysyuk

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific adviser V.N. Zamyslova

Колоративная лексика, белый цвет, черный цвет, М.М. Пришвин.

Статья посвящена изучению колоративной лексики, цветовых образов (черного и белого), их значению, особенностям употребления и символики в творчестве М.М. Пришвина.

Color vocabulary, white, black, M.M. Prishvin.

The article is devoted to the study of colloquial vocabulary, color images (black and white), their meaning, features of use and symbolism in the works of M.M. Prishvin.

Современная традиция использования колоративной лексики с той или иной целью обусловлена исследованиями, согласно которым определенной «палитрой» или колористической гаммой можно пробудить в человеке чувства и эмоции, вызвать ассоциативный ряд, спровоцировать определенную модель поведения, создать антураж, атмосферу.

Стоит сразу отметить роль, в которой цветообозначения выступают в нашей речи – это некие ассоциативные маркеры «...цвет может существовать в нашем сознании сам по себе, и в то же время в окружающем нас мире цвет не существует вне цвета конкретных объектов... Он (цвет) привязан к конкретному типу или классу объектов и не существует как отдельный денотат» [1, с. 8-10].

В.В. Колесов в своей книге «История русского языка в рассказах» [2, с. 31] пишет, что в далекой древности человек не различал цветов вовсе. Белый цвет представлял обобщенно ряд цветов светлых тонов, а также большую цветовую интенсивность или ее отсутствие. То есть, опираясь на колоративную лексику, с некоторой уверенностью можно говорить о представлении человеком окружающей его действительности. Связь между данным приемом речи и мировоззрением человека неразрывна, а элементы этой связи взаимозависимы и оказывают большое влияние друг на друга.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: появление колоративной лексики обусловлено историческим развитием языка. На сегодняшний день цветообозначения выступают в роли ассоциативных маркеров, не существующих

в качестве отдельного денотата. Данная группа слов не теряет своей актуальности в употреблении в связи с тем, что огромная часть ассоциаций, символов и образов построена на цвете.

Типичные функции цветообозначений описаны С.И. Меньчевой [3, с. 175]: 1. Предметно-изобразительная функция. 2. Эстетизация предметов и явлений и создание определенного эмоционального настроения. 3. Морально-оценочная функция цвета. 4. Психологическая функция. 5. Функция указания на пространственно-временные характеристики предмета. 6. Символическая функция.

Превалирующие цвета в Очерках Выговского края (В краю непуганых птиц) белый и черный, что отчасти закономерно, поскольку эти цвета – единственные, что могут образовать антонимическую пару, а значит, могут создать более яркие образы на контрасте.

Количество цветообозначений (в том или ином виде, например: белый, седой, белеть и др.) оттенков белого цвета – 17.

Цветообозначений черного цвета и его оттенков – 14.

Белый цвет вызывает положительные ассоциации. Здесь и свобода для возможностей, совершенство, вера и чистота. Нередко рука об руку с белым цветом идет религиозная тематика.

Вся масса людей носит серый тон: преобладает какой-то мелкий корявый тип с светлыми глазами, очевидно, потомки чуди белоглазой; но между ними попадаются такие молодцы, что вот одеть – и был бы настоящий Садко, богатый гость.

Там повыросла только белая березка кудрявая,

Там не дожидает меня милая венчальная державушка:

Видно, уж отпало желанье великое...

Совсем другое в часовне: там у старинных икон, обвешанных белыми полотенцами, у старинных книг, аккуратно сложенных на столике, угадывается заботливая, любящая душа.

Один из двух седых старцев берет кадило и перед каждым кадит, все разводят при этом слаженные на груди руки.

Черный – самый темный свет, по сути своей – это отрицание света. Как правило, несет в себе отрицательный ассоциативный ряд – это граница, за которой прекращается жизнь, воплощенная идея уничтожения, смерти, тоски. Также следует отметить, что черный оказывает сильное влияние на любой цвет, который находится в той же группе, усиливая черты этого цвета.

Черные стволы сосен становятся вокруг нас, чуть перешептываются вершинами, по-своему рады гостям.

В лесу темнеет, хоть и коротка северная летняя ночь, а все же надо заснуть.

Один юркнет в машину и вернется с черным пятном на лбу и платком вытирает масляное пятно на одежде, другой мешает капитану.

И привел он их в свой дом, к своим ребятам: человек восемь семейство, ребята черные, худые, некрасивые.

В каждом из приведенных выше примеров слово «черный» реализует разные функции колоративной лексики. Так, например, в первом и третьем предложении речь идет о предметно-изобразительной функции, во втором – пространственно-временной. Последнее предложение – иллюстрация к «цветному» эпитету: «черный» – близкий по значению к фразеологизму «держать в черном теле»

Часто используется в форме глагола: «чернеть», «темнеть». Неразрывно связан с картиной таинственности, иногда одиночества, захудалости.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: колоративная лексика существует в нашем языке достаточно долго, постоянно развиваясь наряду с носителями и их потребностями, белый и черные цвета лежат в основе цветописи, поскольку являются базовыми: белый – свет, черный – отсутствие цвета вообще. Выполняя различные функции в языке, колоративная лексика является универсальным средством для внешнего описания, морально-нравственной оценки и для символики тех или иных предметов.

Библиографический список

1. Журавлев А.П. Звук и смысл. 2-е изд. М.: Просвещение, 1991.
2. Колесов В.В. История русского языка в рассказах. СПб.: Авалон. Азбука-классика, 2005.
3. Меньчева С.И. Цветообозначение в произведениях Е. Замятина: семантика, грамматика, функции. Тамбов, 2004.

СЕМАНТИКА МЕСТОИМЕНИЙ КАК СРЕДСТВО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ВИДЕОИГРАХ (НА ПРИМЕРЕ DETROIT: BECOME HUMAN)

PRONOUN SEMANTICS AS A MEANS OF REPRESENTING VALUE ORIENTATIONS IN VIDEO GAMES (FOR EXAMPLE, DETROIT: BECOME HUMAN)

Е.А. Лысюк

E.A. Lysyuk

Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific adviser I.V. Revenko

Нарратив, Detroit: become human, личные местоимения, семантика обращения.

В статье представлен семантический и контекстуальный анализ русскоязычного перевода игры *Detroit: become human*. Основной акцент сделан на сравнении семантики местоимений, используемых в версиях игры на французском, английском и русском языках, поскольку они выступают как средства выражения ценностного отношения к проблеме восприятия человеком искусственного интеллекта.

Narrative, Detroit: become human, personal pronouns, semantics of address.

The article presents a semantic and contextual analysis of the Russian translation of the game *Detroit: become human*. The main focus is on comparing the semantics of pronouns used in the French, English and Russian versions of the game, since they act as a means of expressing a value attitude to the problem of human perception of artificial intelligence.

Detroit: become human – приключенческая игра от французской студии Quantic Dream, в некоторой степени ставшая революционной не только благодаря технологии захвата движений для создания анимации, но и представлению отношения к одному из дискуссионных философских вопросов современности.

Согласно сюжету, в недалеком будущем появляются андроиды. Во внутриигровом мире андроиды являются помощниками по дому, работниками в магазинах, служащими в полиции. Со временем машины, ежесекундно обучающиеся с помощью всех платформ и ресурсов, начинают испытывать чувства (их называют девиантами, т.е. отклоняющимися). Общество делится на тех, кто считает это сбоем в программе, и тех, кто принимает это за новую искусственно созданную человеком форму жизни.

В оригинале – на французском, а также на английском языках – отношение к машине регулируется неодушевленным указательным местоимением.

Используя то или иное местоимение, вкладывая его в речь одного или другого персонажа (приятного игроку или, наоборот, того, кто существовал в исключительно негативном контексте – например, употребление наркотиков, злоупотребление алкоголем, насилие), формируется модель «хорошо-плохо». Таким образом, напрямую связывая образ персонажа (хороший, положительный) и его речь (употребление местоимений), разработчики создают связь: хороший говорит так, следовательно, так правильно.

В оригинале – на французском языке – местоимения выражают еще один семантический аспект – отношение к называемому предмету. Так, например, во французской версии игры создается огромная разница между человеком – живой личностью и андроидом – бездушной машиной за счет использования следующих значений: *C'est* (это), *Il/elle* (он/она). Потому в момент, когда человек или андроид обращается к машине, разработчики игры акцентируют внимание на обращении: *Nous avons besoin de cette vie* («Нам нужно **это** живым» – говорит человек об андроиде, вышедшем из строя) или *J'ai vu où ça allait*. («Я знаю, куда **это** пошло» – андроид, в котором человеком было вложено отношение к себе подобным, как к вещи).

В английской адаптации игры личные местоимения «номинаруют объекты действительности, в том числе одушевлённые, с точки зрения их отношения к продуценту высказывания. Так, местоимение *I* обозначает самого автора высказывания, *we* – группу лиц, в которую входит автор высказывания, *you* употребляется по отношению к адресату речи, а местоимения *he, she, it* и *they* используются либо для наименования лиц, не являющихся непосредственными участниками данной коммуникативной ситуации, либо для указания на животных и неодушевлённые предметы» [1, с. 171]. В английском языке *It* – предмет интерьера, механизм, животное, т.е. не человек, не живое и не родное для говорящего. Так, например, любимая кошка или собака для нас уже стала «она» или «он», поскольку является членом семьи, а животное на улице – это «оно» или «это» (оба местоимения в английском языке – *It*), тогда как для называния себе подобного носители английского языка используют такие местоимения как *He/She* (Он/Она). Вкладывая в речь персонажей местоимения, отражающие отношение к вопросу о самосознательности искусственного интеллекта, разработчики формулируют разные точки зрения. По аналогии с оригиналом, человек и созданная им машина используют одно слово для обращения: *It (We need it alive; I know which way it went)*, а другая группа героев, наделенная способностью к состраданию и милосердию, использует личное местоимение (*He was so last and confused; He took a risk for us*).

В русском языке между личными и указательными местоимениями существуют отличия. Личные местоимения 1 и 2 лица непосредственно указывают на участников речевого акта (говорящего и собеседника, соответственно), т.е. непосредственно связаны с представлением об одушевленности, тогда как местоимение 3 лица обладает более широкой семантикой, поскольку может указывать как на одушевленный, так и на неодушевленный субъект. Семантика

указательного местоимения еще шире: «референтами местоимения *это* ... могут быть предметы, объекты, лица, признаки и действия, события и состояния» [2]. В русском языке подобную дифференциацию на уровне языка провести сложнее – дело в том, что эквивалентное «это» не может быть употреблено в данном контексте, и русская локализация игры упускает такую репрезентацию образов вообще, используя только «Он/Она»:

Он нам нужен живым. – Человек об андроиде.

Он был так смущен и потерян. – Человек, симпатизирующий андроидам, об андроиде.

Я видел, куда она пошла. – Андроид об андроиде.

Он рискнул ради нас. – Девиант об андроиде.

Семантика обращения в русской версии игры остается одинаковой, но при обращении к оригиналу сразу заметна симпатия разработчиков к ряду персонажей, следовательно, по замыслу студии, эти герои вызывают симпатию и у игрока, тем самым ассоциируя одну из позиций в неоднозначном вопросе, то есть формируя его систему ценностей.

Поскольку отношение людей к андроидам является основной темой повествования и проходит через всю игру, подобные детали очень важны, ведь именно в местоимениях, употребляемых по отношению к андроиду, содержится отношение к ситуации в целом, однако в русском языке этот важный и тонкий элемент не работает так, как в иноязычных вариантах игры. Именно по тому, как «что-то» превращается в чьих-то глазах в «кого-то», оно трансформируется в речи из «It» в «He/she».

Библиографический список

1. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис: учебное пособие для студ. педагогических институтов и университетов по спец. № 2103 «Иностранные языки / Н.А. Кобрина [и др.]. СПб.: СОЮЗ, 1999. 496 с.
2. Похолкова А.Г. Когнитивная семантика указательного местоимения «это»: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003. 189 с.
3. David Cage on Detroit – Quantic Dream's New PS4 Exclusive (Official). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=dhjYANfk3VQ> (дата обращения 04.04.2020)
4. Бышонков И. Detroit: become human – цена свободы. Рецензия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://3dnews.ru/970160> (дата обращения: 04.04.2020).
5. Карамышев Д. Трудности перевода Detroit:become human [Электронный ресурс] URL: https://stopgame.ru/show/100365/trudnosti_perevoda_detroit_become_human (дата обращения: 04.04.2020).

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА РОССИИ И КОРЕИ

HISTORICAL AND GENRE FEATURES OF SONG FOLKLORE OF RUSSIA AND KOREA

Т.В. Макарова

T.V. Makarova

Научный руководитель Н.А. Бурмакина
Scientific adviser N.A. Burmakina

Песенный фольклор, жанр, корейский фольклор, русский фольклор, история, лингвокультурологический анализ.

Данная статья посвящена сопоставлению исторических и жанровых особенностей песенного фольклора России и Кореи. Выводы работы могут быть использованы в качестве вступительного и культурно-поясняющего материала лингвокультурологического анализа, проводимого на примере русских и корейских текстов фольклорных песен.

Song folklore, genres, Korean folklore, Russian folklore, history, linguistic and cultural analysis.
This article is devoted to the comparison of historical and genre features of song folklore in Russia and Korea. The conclusions of the work can be used as an introductory and cultural explanatory material for the linguistic and cultural analysis, conducted on the example of Russian and Korean texts of folk songs.

Язык и культура – это две неотъемлемые составляющие каждого народа и каждой страны, которые не могут существовать и функционировать друг без друга. Однако существует понятие, в котором уже содержатся эти термины. Речь идет о фольклоре – традиционном художественном творчестве народа [1, с. 14]. Он преподносит нам язык и культуру в аспекте их исторического формирования и развития. Именно поэтому в начале его изучения важно рассмотреть классификационную систему жанров. Однако в этом процессе информация чаще всего представлена только со стороны русского фольклора без сопоставления, например, с азиатским или европейским фольклором. В этом плане рассмотрение систем жанров песенного фольклора России и Кореи будет актуальным. Во-первых, данный материал будет интересен с точки зрения исторического развития фольклорных песен и жанрового своеобразия двух стран. Во-вторых, материал может найти отражение при изучении корейского или русского языков. В-третьих, информация может пригодиться при сопоставительном анализе фольклорных песен разных стран.

Системы жанров песенного фольклора России и Кореи разнятся по многим критериям и оценкам, но при этом они не лишены общих точек соприкосновения. Так, например, исходный материал развития песенного фольклора у них похож. Исторические и археологические корейские хроники дают основание

предполагать, что изначально песни сопровождали коллективные ритуальные действия, связанные с жертвоприношениями, или народные празднества по случаю начала и окончания полевых работ [2, с. 81]. В Древней Руси до принятия христианства также существовало жертвоприношение и поклонение языческим богам, а также разного рода обряды и ритуалы, во время которых исполнялись определенные песни. Однако есть отличие: в Корее музыка, танец и драма фактически составляли единое целое. Данное явление можно увидеть в наши дни в корейском жанре *пхансори* (музыкально-поэтическое представление, в ходе которого говорят и поют – *сори* – на определенной площадке – *пхан*) [2, с. 355]. В России тоже можно усмотреть явление сочетания песни и танца, однако жанровое деление имеет характер более строгого, нежели в Корее. Каноничное разделение песенных жанров можно увидеть и в невозможности перехода песни из жанра в жанр. Однако мы можем наблюдать дуальный характер в некоторых песнях. Например, по тестовой ситуации лирическая песня могла быть приурочена к свадебной песне и тем самым относиться и к лирическому жанру, и использоваться в свадебном обряде, и наоборот: «многие обрядовые песни отрывались от обряда и исполнялись в быту как произведения необрядовые, лирические, не приуроченные ни к каким определенным моментам жизни» [3, с. 9]. Также может возникать жанровые разновидности по тематическому признаку. Например, «рабочая песня, развивавшаяся сначала в русле жанра традиционной проголосной песни, в конце XIX века наполнилась таким новым идейным содержанием, что превратилась в маршеобразную революционную песнь» [4, с. 20].

В отличие от русской народной песни, в Корее жанровый переход песен был возможен. Например, народная популярная песня «Ариранъ» в зависимости от местности могла исполняться как лирическая или посевная. Однако если в русской культуре песня претерпевала какие-либо изменения (текст, песенный мотив и т. п.), что было связано с ее историческим развитием, то в Корее причиной жанрового перехода и придания ей различных смысловых оттенков было географическое положение и разные диалекты. Так, *минсокак* («вульгарная народная музыка») имел поджанр *минъё* (народные песни: лирические песни, календарные песни – *тальгори*, трудовые и обрядовые песни – *тхарён*), который в зависимости от местности подразделялся на четыре группы: *Кёнъги-минъё* (центральный р-н), *Содо-минъё* (западный р-н), *Намдо-минъё* (южный р-н), *Тонъпу-минъё* (восточный р-н) [2, с. 353–354]. Песни в данных группах отличаются по строению мелодии и манере ее исполнения, по темпу, ритму, сложности исполнения, а также языковым особенностям (лексика, фонетика, синтаксис и т. д.). Например, та же песня «Ариранъ», исполнявшаяся в центральном районе, считалась лирической и рассказывала о расставании возлюбленных: *Перевал переходит мой милый / На небо взгляни – сколько светится звезд / Также много мечтаний в нашем сердце* [2, с. 111].

В южном районе песня «Чонсон Ариранъ» (вариант песни «Ариранъ») имеет уже другие смысловые оттенки и по настроению больше похоже на русский женский похоронный плач: *Кан-вон-до, гора Кымганса – это 12 000 вершин / ...*

/В храме Великого Медведя / Она молится за сына, которого никогда не сможет иметь в этой жизни (Перевод с английского Макарова Т. В.) Далее идет рассказ о возлюбленном, который стал буддистом.

В соотношении религии и народного искусства интересно, что во времена принятия христианства на Руси «между ними существовало много противоречий, проявлявшихся нередко в форме открытого антагонизма. Одной из причин... была его связь с языческими верованиями и обрядами, продолжавшими жить среди массы населения еще долгое время после принятия христианства» [5, с. 36].

Что касается Кореи, то в буддизме основу религиозной музыки составляли *помпхэ* («индийские звуки»). Интересно, что оно часто сопровождалось обрядовыми танцами по случаю погребения человека. Поэтому можно сделать вывод о том, что в Корее религиозное и народное развивалось параллельно друг другу, и такое развитие носило бесконфликтный характер.

Таким образом, перечислив некоторые особенности жанровых классификаций корейского и русского песенного фольклора, можно сделать вывод, что наряду с расхождениями этих двух систем по разным критериям оценки можно найти и некоторые сходства. Также данный информационный аспект исследования необходимо указывать при проведении лингвокультурологического анализа песен двух стран, т.к. это может внести четкость при выявлении культурных особенностей через текст песен.

Библиографический список

1. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. М.: Высш. шк., 2004. 735 с.
2. У Ген-Ир. История музыки Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). СПб.: Планета музыки; Изд-во Лань, 2011. 544 с.
3. Маврина И.А. О поэтической природе народной лирической песни. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1966. 172 с.
4. Лазарев А.И. Трудные темы изучения фольклора. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2004. 306 с.
5. Келдыш Ю.В. История русской музыки: Древняя Русь XI–XII вв. М.: М-во культуры СССР; ВНИИ искусствознания, 1983. 381 с.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРИЕМЫ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОСТАХ РЕКЛАМНОГО ХАРАКТЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМНЫХ ПОСТОВ В СОЦСЕТЯХ)

LANGUAGE EXPRESSIVENESS TECHNIQUES IN ADVERTISING POSTS (BASED ON THE MATERIAL OF ADVERTISING POSTS IN SOCIAL NETWORKS)

В.А. Пакулова

V.A. Pakulova

Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific adviser I.V. Revenko

Язык рекламы, реклама, социальные сети, выразительные средства, семантико-стилистический анализ.

Статья посвящена изучению особенностей использования выразительных средств языка в рекламе. Устанавливается специфика применения языковых средств в рекламных постах в социальных сетях.

Language of advertising, advertising, social networks, expressive means of language, semantic-stylistic analysis.

The article is devoted to the usage of expressive means of language in advertisements. The peculiarity of modern usage of expressive means of language in advertising posts on social networks is stated.

Социальные сети стали неотъемлемой частью нашей жизни, миллионы людей используют их каждый день. Возможности социальных сетей превратили их в инструмент маркетинговых исследований и воздействий на целевую аудиторию.

В науке сформулировано определение понятия рекламы [1; 2], разработаны различные её классификации [3; 4; 5]. Целями и функциональными особенностями языка рекламы является то, что рекламный текст в первую очередь убеждает и информирует. Маркетинг в социальных сетях получил широкое распространение, и за ним закрепилась аббревиатура SMM (Social Media Marketing). Существует несколько способов работы с целевой аудиторией в социальных сетях: таргетированная реклама, сообщества бренда, рекламные приложения, личные сообщения и чаты [6].

Авторы рекламных текстов используют огромное количество языковых средств, чтобы достичь поставленной цели. Их можно распределить по следующим группам: лексические, графические, стилистические, фонетические, синтаксические, морфологические и словообразовательные [7].

Нами были проанализированы посты рекламного характера в социальных сетях Инстаграм и Вконтакте. Всего случаев использования выразительных средств зафиксировано 422. Наиболее распространёнными средствами выразительности, применяемыми в современной рекламе, являются тропы (186 случаев, 44%). Среди тропов наиболее популярен эпитет: 117 случаев (63%), наиболее частотны эпитеты *идеальный, натуральный, любимый, лучший, специальный*; эпитеты, как правило, дают положительную оценку товару или услуге, но обнаружено 18 негативных.

На втором месте – гипербола (18 случаев, 10%, примеры: *Электрики – абсолютно всё! Новогодние подарки в каждый дом!*); больше всего гипербол в рекламе компаний, оказывающих помощь в организации праздников (5 случаев, пример: *Две абсолютно бомбические идеи для деток, чего раньше никто не делал!*).

Среди образных выражений часто встречаются такие, в которых актуализируют переносные значения слов (*мамы, ловите от меня наводку*), есть образные сравнения, включающие сравнительную степень прилагательных и наречий (*сияйте ярче звезд*).

Метонимий зафиксировано 11 (7%). Среди метонимий преобладают метонимии, выражающие связь между местом и людьми (*Студия шпэгата 33 предлагает...*), особенно часто среди них встречаются метонимии, выражающие связь между компанией и её сотрудниками (*Компания @lobacheva_project превзошли все наши ожидания*). Также есть метонимии, выражающие связь между компанией и её изделием (*А @bissel_russia справляется с любым загрязнением*). Менее распространены олицетворения (9 случаев, 5%, пример: *новые покупки поднимают настроение*).

На втором месте по частотности – конструкции, которые Ю. С. Бернадская называет фигурами речи [8], их 148 (35 %). Среди фигур речи чаще всего встречается объективация – 61 случай, 41 % (*Где отметить день рождение друга? Конечно, у нас в Антикинотеатре «Эхо»; Что важно для тебя? У нас найдется уход на любой вкус*). Чаще всего объективация встречается в рекламе приборов для дома (*Пользуетесь небулайзером? И как я раньше жила без него*). Дубитация встречается реже – (*Все вчера видели наши сторис? Вы поверили, что наш праздник был в цирке?*). Довольно часто используется парцелляция – 29 случаев, 20% (*... В тепле! В любое время года! Кайф!; Он учит ребенка. Танцует, поет. Это удивительно*).

Обращений зафиксировано 10 (17 %), чаще всего встречаются в постах косметологических услуг (*Девочки, берите и даже не думайте*), сочетаются с эпитетами *милые* и *дорогие*. Частотной является такая фигура речи, как повтор (9 случаев, 6 % : *Женщина должна всегда оставаться женщиной*).

Зафиксировано 7 случаев употребления такой фигуры речи, как апозиопезис (*Чтобы не было проблем, как у меня...*), 9 анафоров (*Хотите совмещать и работу и семью? Хотите крупных клиентов, но не знаете, где их взять*), 4 антитезы (*Я знаю много тональников, которые желтят и дают рыжий пигмент. А Cabare Premiere ложится идеально и имеет натуральный сатиновый*

финиш). Отмечено 8 риторических вопроса (*Что я чувствую сейчас?; Зачем ждать, когда можно наслаждаться моментом?; Ну что, соблазнила вас?*).

На третьем месте – использование лексических средств выразительности: 88 случаев (21%), из них 6 случаев игры с полисемией слова (*Но сложно не верить, когда держишь все эти моменты в руках*).

Обнаружено 5 случаев контекстной антонимии (6%, примеры: *От самых простых до настоящих друзей; Дворянка или крестьянка?*), также присутствуют случаи употребления того или иного стилистического пласта лексики: 9 случаев (50%) намеренного использования разговорной лексики (*напряг, прикинь, пичкать, комбез*), 5 случаев (16%) намеренного использования просторечной лексики и жаргонизмов (*обалденный, мазюкать, бомбический*), 3 случая (3%) использования подчеркнуто книжной лексики в одном контексте (*делегировать, тренд, тенденция*). Также наблюдается частое использование заимствованной лексики (*ирригатор, небулайзер, сторис, мастхэв*).

Зафиксировано 14 случаев графической игры (16%), в частности, графическая контаминация, связанная с совмещением кириллической и латинской графики, графическая игра с заглавными буквами (в рекламе чая *«прокаЧАЙ воображение»*). Случаев использования словообразовательных средств выразительности зафиксировано 20 (23%), среди них преобладает использование экспрессивных суффиксов: уменьшительно-ласкательных (*облачко, мордочка*); пренебрежительных (*мамаши, бабулька*).

Проведенная нами классификация позволяет сделать вывод о том, что рекламные посты в соцсетях насыщены средствами выразительности разных языковых уровней. В значительном количестве проанализированных рекламных текстов предпочтение отдается эпитету.

Библиографический список

1. Щепилова Г.Г. Реклама в СМИ: история, технологии, классификация. М.: Изд-во Московского университета, 2010. 464 с.
2. Сэндидж Ч., Фрайбургер В., Ротцолл К. Реклама: теория и практика. М.: Прогресс, 1989. 630 с.
3. Николаева М.А. Интернет-реклама в продвижении товаров и услуг: учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2017. 166 с.
4. Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. Экспресс-курс. 2-е изд. / Пер. с англ. под ред. С.Г. Божук. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
5. Костина А.В., Макаревич Э.Ф., Карпухин О.И. Основы рекламы. М.: КноРус, 2008. 400 с.
6. Золотова В.В. Социальные сети: тенденции развития и перспективы для продвижения продуктов // Маркетинг услуг. 2012. № 3 (31). С. 224–231.
7. Жданова Е.Ю. Рекламный текст как объект лингвистического исследования // Вектор науки. 2015. № 2. С. 82–84.
8. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе. М.: Юнити, 2008. 288 с.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА ВНЕШНЕ-ОЦЕНОЧНЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В «ЗАТЕСЯХ» В.П. АСТАФЬЕВА

THEMATIC GROUP OF EXTERNAL-EVALUATED NAMES ADJECTIVES IN THE "TARGETS" V.P. ASTAFIEVA

Д.М. Половинская

D.M. Polovinskaya

Научный руководитель **И.В. Ревенко**
Scientific adviser **I.V. Revenko**

Имя прилагательное, оценка внешности, В.П. Астафьев.

В статье рассмотрена лексико-семантическая группа имен прилагательных, используемых для оценочной характеристики внешности персонажа.

Adjective name, assessment of appearance, V.P. Astafiev.

The article considers the lexical and semantic group of adjectives used to evaluate the character's appearance.

Имена прилагательные в русском языке представляют собой грамматический класс слов, способный передавать широкий спектр атрибутивных характеристик предмета. Признаковая семантика прилагательных создает условия для их использования в качестве средств оценочного выражения. «Прилагательное как часть речи непосредственно обозначает присущий объекту признак, наиболее ярко выражают оценочное значение и занимают особое место среди других частей речи» [1].

В оценочном пространстве имен прилагательных, где самым тесным образом взаимодействуют и переплетаются категории оценки и качества, происходит своеобразная трансформация прагматических и семантических характеристик имени. На основании общности семантики и функций происходит объединение прилагательных в тематические группы.

В учебнике «Русская диалектология» под ред. Л.Л. Касаткина дается такое определение тематическим группам: «это группы слов, обозначающие понятия, близкие или непосредственно связанные благодаря связям именуемых объектов в реальной действительности или в человеческом сознании» [2].

Изучением тематических (лексико-семантических) групп занимались многие учёные: И.А. Калинин, Н.И. Шапилова, В.В. Колесов, Л.Л. Касаткин, В.П. Тимофеев и др.

Группа «Внешне-оценочных» имен прилагательных самая продуктивная. В ее состав входят имена прилагательные, передающие оценочную характеристику

внешности человека. Оценивание представляет собой процесс, который всегда сопровождает человека. Именно через оценивание человек делает выводы о своих / чужих действиях, суждениях, определяет свое местоположение в окружающем его мире. Все духовно-нравственные, моральные, этические системы формируются посредством оценивания объектов реальной действительности, действий. Такое свойство процесса оценивания связано с познавательным характером оценки. По словам Н. Д. Арутюновой, «природа оценки отвечает природе человека» [3].

Оценочная характеристика при помощи прилагательных в текстах В.П. Астафьева дается как в целом внешности человека, так и отдельным деталям его портрета. При «укрупненной» оценке внешности создается общее впечатление о персонаже, при детализации автор акцентирует внимание на значимых для раскрытия образа отдельных деталях. Имена прилагательные в тексте «Затесей» способны раскрывать описываемое лицо как с положительной стороны:

– *Здоровые* – крупные, активные, сильные; *Широкоротые, бровастые, здоровые парни, в сапогах, в брезентовых спецовках, стоят с плахами в руках, улыбаются.* («Запоздалое спасибо», Тетрадь 3);

– *Пригожей* – соответствующей, подходящей, привлекательной; *А и была она в ту пору самой пригожей, несмотря на тяжелую мужскую работу и одежду мужицкую...* (За что?», Тетрадь 3), так же и с отрицательной стороны:

– *Искуренные* – пожелтевшие, потерявшие прочность, крепкость; *По ту сторону реки, впаяв деревяшку в прибрежный ил, стоял знакомый мне заречный инвалид и широко улыбался, открыв искуренные редкие зубы, улыбался моей озадаченности, моему недоумению.* («Дуда», Тетрадь 6);

– *Невзрачный* – не привлекающий к себе внимание, тихий, скрывающийся; *Впереди на чалой лошади кабардинке ехал рыженький невзрачный человек с погонами.* («Источник», Тетрадь 2).

Описание внешности персонажа в художественном тексте не только является средством создания его портретной характеристики, но и формирует оценочное отношение к нему.

Библиографический список

1. Авазбакиева Ф.Р. Лингвоаксиологический аспект семантики прилагательных, характеризующих человека по уровню воспитанности (на материале татарского, русского и английского языков): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тобольск, 2012. 24 с.
2. Русская диалектология: учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / гл. ред. Л.Л. Касаткин. М.: ИЦ Академия, 2005. 288 с.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 339 с.

ТИПОЛОГИЯ СРАВНЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ПЕСЕННЫХ ТЕКСТАХ

TYPOLOGY OF COMPARISONS IN MODERN SONG TEXTS

А.С. Русина

A.S. Rusina

Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific adviser I.V. Revenco

Сравнение, средство, сравнительная конструкция, песенные тексты, образ.

В статье рассмотрены типы образных сравнений, представленные в текстах современных отечественных исполнителей. Выделены сравнения различных типов: сравнительные обороты, сравнения в форме сказуемого, сравнения с помощью предлога и другие. В современных песенных текстах представлены как эксплицитные, так и имплицитные сравнения.

Comparison, means, comparative construction, song lyrics, image.

The article considers the types of figurative comparisons presented in the texts of modern domestic performers. There are various types of comparisons: comparative turns, predicate comparisons, preposition comparisons, and others. Modern song lyrics present both explicit and implicit comparisons.

Стремление к осмыслению мира через конкретные образы является одной из закономерностей художественного мышления. Образ является объектом исследования философов, культурологов, литературоведов, лингвистов.

Приём сравнения играет огромную роль в жизни и деятельности человека: «сравнение применяется как метод познания действительности, ведущий к установлению характерных признаков предмета; вместе с тем сравнение широко употребляется и в качестве приёма художественной речи, служащего одним из средств зарисовки образа» [1].

Под сравнением мы понимаем «слово или выражение, содержащее уподобление одного предмета другому, одной ситуации – другой» [2].

Отражая внеязыковую действительность, сравнения выступают в качестве средства образной конкретизации. Мотивом для образования сравнения у носителей языка «служат прежде всего окружающие человека вещи, животные, люди» [3].

В современной литературе существует проблема дифференциации сравнения и метафоры, обусловленная размытостью формулировок термина «сравнение» во многих источниках, где сравнение настолько тесно связывается с метафорой, что рассматривается то как ее разновидность, то как основа метафоры, то как ее производная. В нашем исследовании мы будем придерживаться следующего определения: «сравнение – это фигура речи, выражающая уподобление одного объекта другому, структура которой представлена тремя компонентами (сравниваемое, сравнивающее, основание сравнения)» [4].

Сравнения можно классифицировать с разных точек зрения. Существует несколько типологий сравнений. Например, Д.Э. Розенталь выделяет два типа сравнений: простые (сопоставляются два явления по какому-либо общему для них признаку) и развернутые (сравниваются многие схожие черты). К простым сравнениям относятся: сравнение в форме тв. п.; сравнение в форме сравнительной степени прилагательного или наречия; сравнение в форме оборота с союзами; сравнения лексические (при помощи слов *подобный, похожий* и т.д.) [5].

В «Литературной энциклопедии» В.М. Фриче описаны следующие виды сравнений: **прямое**, выраженное с помощью союзов *как, словно* или *будто, точно, как бы* и др. (их называют еще сравнительными оборотами); **косвенное**, выражаемое существительным в форме творительного падежа (употребляется без предлога) [6].

Структура сравнений, используемых поэтами-песенниками, очень разнообразна. Назовем основные сравнительные конструкции, встречающиеся в песенных текстах:

1. Сравнения в форме и.п. предиката – одна из самых востребованных сравнительных форм: ***Кусок металла – мое распятье. /Ночные звёзды – мои медали.*** (Я. Николенко, Е. Бортник). Представлены в варианте без указательного местоимения и с ним: ***Любая строка – это шрам на лице, след осколка*** (А. Васильев).

2. Сравнения с помощью прилагательного *похож/ похожий* и предлога *на*: ***Пока ты глядишь, как плывут облака/ Ты бываешь похожим на Бога*** (М. Ильин).

3. Сравнения с помощью предлогов *вроде* и *подобен* (придают сравнению торжественное звучание): ***Подобен Богу и бессилён откровенно, /Слуга судьбы, но властелин для всех*** (Г. Окуничкова).

4. Сравнительная степень имени прилагательного в сочетании с родительным падежом объекта сравнения: ***Где-то в дальней дали/ Летит планета лучше земли*** (Я. Николенко).

5. Сравнения в форме творительного падежа: ***Камнем тянет изнуряющая ноша*** (Я. Николенко, Е. Бортник), ***Сном белым к тебе приду*** (А. Ацаламов). Как все имплицитные разновидности, они неявны, встроены в структуру текста и поэтому выглядят естественным, внутренним элементом.

6. Генитивные сравнения – это конструкции, в которых субъект сравнения выражен формой родительного падежа, а объект – именем существительным, которое этой формой управляет: ***И рассеет серых туч войска*** (В. Цой).

7. Сравнение в форме приложения: ***Вниз летят ладони-листья, махавшие нам свысока...*** (В. Цой).

В текстах рок-песен часто встречаются цепочки сравнений, основанные на синтаксическом параллелизме: ***Кусок металла – мое распятье. /Ночные звёзды – мои медали*** (Я. Николенко, Е. Бортник) или на комбинации разных способов выражения сравнения: ***Её упрёки – вестники прохлады, /Как скошенная в августе трава*** (Я. Николенко, Е. Бортник). В результате формируется насыщенный, яркий образ, способный оказать сильное влияние на восприятие слушателя.

Сравнительные конструкции в песенных текстах характеризуются большой вариативностью как в структурном, так и в содержательном плане. Поэты стремятся ввести в текст сравнения самых разнообразных структурных типов, эксплицитные и имплицитные. Используются развёрнутые сравнительные конструкции, выстраиваются цепочки сравнений, в результате чего в небольшом по объему тексте создается яркий образ.

Библиографический список

1. Ушакова Ю.Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 371 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. 938 с.
3. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 309 с.
4. Камышова А.Е. Сравнение и его функции в структуре прозаического текста (на материале прозы В. Брюсова): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 155 с.
5. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М.: Высшая школа, 1987. 402 с.
6. Литературная энциклопедия: в 11 т. Под ред. В.М. Фриче и А.В. Луначарского. М.: Гослитиздат, 1939. 834 с.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ Е.Г. ВОДОЛАЗКИНА ИЗ СБОРНИКА «ДОМ И ОСТРОВ, ИЛИ ИНСТРУМЕНТ ЯЗЫКА»

PROBLEMS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION ON THE EXAMPLE OF A STORYBOOK BY E.G. VODOLAZKIN «HOUSE AND ISLAND, OR LANGUAGE TOOL»

Д.В. Савина

D.V. Savina

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific adviser V.N. Zamyslova

Коммуникация, межкультурная коммуникация, глобализация, эффективность, коммуникант.

В статье рассматриваются проблемы межкультурной коммуникации, причины возникновения непониманий. Зарисовки Евгения Германовича Водолазкина иллюстрируют проблемы, возникающие при взаимодействии коммуникантов из разных культур.

Communication, intercultural communication, globalization, efficiency, communicant.

The article discusses the problems of intercultural communication, the causes of misunderstandings. Sketches of Yevgeny Germanovich Vodolazkin illustrate the problems encountered in the interaction of communicants from different cultures.

В условиях современного мира процесс глобализации является одним из самых динамичных и захватывает все территории. Это способствует росту числа межкультурных контактов, а, следовательно, росту проблем, которые могут возникнуть в процессе такой коммуникации. Таким образом, тема межкультурной коммуникации достигает пика актуальности именно в XXI веке.

Существует несколько определений понятия «межкультурная коммуникация». Рассмотрим одно из них. Межкультурная коммуникация – это обмен информацией, осуществляемый носителями разных культур, причем то, что коммуниканты являются носителями разных культур, значительнейшим образом влияет на их коммуникацию и в некоторой степени определяет ее ход [Гузикова, Феофанова, 2015]. Степень эффективности коммуникации можно определить двумя путями: семантическим (коммуникация успешна, если адресанту удалось передать информацию в полном объеме); прагматическим (коммуникация успешна, если информация адекватно принята адресатом).

Межкультурная коммуникация часто бывает неэффективной с семантической и прагматической стороны. Это происходит по ряду причин. Варна выделил шесть основных препятствий, мешающих эффективной межкультурной коммуникации.

1. Допущение сходств. Участники межкультурной коммуникации, которые являются представителями разных культур, считают, что они достаточно схожи для того чтобы коммуникация состоялась, однако не всегда это соответствует действительности.

2. Языковые различия. В процессе общения на неродном языке коммуникант может думать, что слово, фраза или предложение имеют одно и только одно значение – то, которое они намерены передать. Такое заблуждение заставляет игнорировать все остальные возможные источники сигналов и сообщений, включая невербальную экспрессию, интонацию голоса, позу, жесты и действия.

3. Ошибочные невербальные интерпретации. Сложность восприятия невербального языка неродной культуры неоспорима. Неправильная интерпретация невербального поведения может легко привести к конфликтам или конфронтации, которые нарушают коммуникативный процесс.

4. Предубеждения и стереотипы. Опора на стереотипы мешает объективному восприятию собеседника.

5. Стремление оценивать. Культурные ценности влияют на понимание других людей и окружающего нас мира. Различные ценности могут вызывать негативные оценки, способствующие недопониманию.

6. Повышенная тревога или напряжение. Межкультурная коммуникация в большинстве случаев связана с ощущением тревожности и стресса [Мацумото, 2002].

Евгений Германович Водолазкин – филолог, автор работ по древнерусской литературе и писатель. «Дом и остров, или Инструмент языка» – сборник коротких остроумных зарисовок из жизни учёных. Для темы проблем межкультурной коммуникации он примечателен несколькими рассказами, в которых Водолазкин описывает ситуации, произошедшие с ним или с его знакомыми учёными за границей.

Яркой иллюстрацией непонимания представителей разных культур является рассказ «Двойные стандарты». Действие происходит в Италии, стране, в которой жители неохотно разговаривают на других языках. Евгений Германович пришёл в общественный туалет, на плакате увидел цену 400 лир и заплатил. На выходе его остановили, попросив заплатить ещё 400 лир, и указали на плакат с маленькой цифрой 800. Он не стал разбираться и достал кошелек, но пожал плечами. Этот жест возмутил собеседницу, и она позвала сотрудницу, которая владеет английским языком. Сотрудница пояснила, что 400 лир стоит посещение по малой нужде, 800 лир – по большой. Она сделала вывод, что он ходил по большой нужде, потому что прошёл в кабинку, а не остановился у писсуара. В итоге сотрудница итальянского туалета и Евгений Германович так и не поняли друг друга и на этом разошлись.

Проанализируем причину возникшей проблемы межкультурной коммуникации. Автор попал в бытовую ситуацию, но разные культурные представления привели к конфликту и непониманию. Водолазкин сам делает такой вывод: «Мне было грустно, что мы расстались таким образом. Я думаю, многие беды происходят от непонимания» [Водолазкин, 2019].

В другой зарисовке Евгений Германович приводит пример успешной межкультурной коммуникации, в которой оба собеседника преодолели культурные различия. Его сосед-американец каждое утро приветствовал его по-русски фразой «Добрый ужин!» Водолазкин всегда отвечал ему в ответ: «Добрый ужин!». Данная ситуация иллюстрирует преодоление культурных несовпадений и, как итог, состоявшуюся коммуникацию как с семантической, так и с прагматической точки зрения. Евгений Германович понял смысл сообщения и при этом дал на него адекватную реакцию.

Таким образом, сложности межкультурной коммуникации невозможно преодолеть в полном объёме. Это не всегда удаётся даже учёному-филологу. Любая бытовая ситуация может привести к непониманию и понижению уровня эффективности всего процесса коммуникации. Для того чтобы предупредить такие ситуации, перед коммуникацией с представителем другой культуры следует изучить её особенности.

Библиографический список

1. Водолазкин Е.Г. Дом и остров, или Инструмент язык. М.: АСТ, 2019. 384 с.
2. Гузикова М.О., Феофанов П.Ю. Основы теории межкультурной коммуникации: учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. ун-т, 2015. 124 с.
3. Мацумото Д. Психология и культура. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002.

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА СИНТАКСИСА В ПРОЗЕ Н.В. ГОГОЛЯ НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ «НОС»

EXPRESSIVE MEANS OF SYNTAX IN N.V.GOGOL'S PROSE ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL "THE NOSE"

А.В. Седова

A.V. Sedova

Научный руководитель В.Н. Замыслова
Scientific adviser V.N. Zamyslova

Выразительность, выразительные средства синтаксиса, повесть Н.В. Гоголя.

Статья посвящена рассмотрению повести Н.В. Гоголя «Нос» на синтаксическом языковом уровне. Дано определение выразительности. Выявлены выразительные средства синтаксиса данной повести. Представлены их количественная и качественная характеристики.

Expressiveness, expressive means of syntax, N.V. Gogol's novels.

The article is devoted to the Gogol's novel "The nose" at the syntactic language level. The definition of expressiveness is given. The expressive means of syntax in this novel are identified. Their quantitative and qualitative characteristics are presented.

Выразительность – это коммуникативное качество речи, ориентированное на прагматическое и эстетическое качество речевых произведений. Выразительность усиливает воздействие на адресата, привлекает и удерживает внимание, удовлетворяет эстетические потребности говорящего и слушающего.

В данной статье подробно рассмотрен синтаксический языковой уровень повести Н.В. Гоголя «Нос».

Стилистические (синтаксические) средства выразительности – это речевые обороты, которые использует автор для того, чтобы достигнуть максимальной выразительности, а значит, лучше донести до читателя или слушателя необходимую информацию или смысл, а также придать тексту эмоциональную и художественную окраску. К стилистическим фигурам относятся такие средства выразительности, как антитеза, параллелизм, анафора, градация, инверсия, эпифора и другие [1].

Художественный мир Н.В. Гоголя, как и всякого большого писателя, сложен и неисчерпаем [2]. В повести «Нос» из сборника «Петербургские повести» удалось выявить значительное количество разнообразных синтаксических средств выразительности.

Повтор – наиболее частотное средство выразительности, встречающееся в повести. Он занимает значительное место в репликах героев или их внутренних

монологических высказываниях. Данный прием помогает автору стилизовать речь его героев под ситуацию, характер, речевые особенности, социальное положение. Например, в диалоге квартального и Ивана Яковлевича на Исаакиевском мосту, в репликах квартального мы можем наблюдать использование повтора: «*Нет, нет, братец, не благородию; скажи-ка, что ты там делал, стоя на мосту?*» и «*Врешь, врешь! Этим не отделаешься. Изволь-ка отвечать*». В первую очередь, данный прием используется для усиления восприятия читающего, для акцента на определенном слове или конкретной фразе, за которыми могут скрываться определенные эмоции, предметы, действия, то, на чем и хочет акцентировать внимание автор. В данном примере этим и пользуется герой, чтобы увеличить свое влияние на собеседника, в итоге добываясь своего.

В речи самого повествователя также нередко используется повтор. Например, чтобы показать недоумение и растерянность героя: «*Иван Яковлевич и руки опустил; стал протирать глаза и щупать: нос, точно нос!*» Или в ином моменте, чтобы создать каламбур, игру слов, показывая все ироническое отношение автора к ситуации: «*Он думал, думал – и не знал, что подумать*».

Нередко в повести использование инверсии и умолчания. Инверсия в основном проявляется в нарушении порядка следования подлежащего и сказуемого в предложении: «*сказал он*», «*случилось... происшествие*»; и подлежащего и определения, причем определение обычно является местоименным: «*сынок его*», «*лица его*», «*рукавов его*», «*письмо ваше*», «*чепуха совершенная*».

В литературном языке различаются сферы, обладающие разными нормами порядка слов. Более или менее строгими правилами расположения характеризуется письменная прозаическая речь. Произведения Н.В. Гоголя являются, прежде всего, образцами письменной прозаической речи, где основной функцией порядка слов является осуществление определенной коммуникативной задачи, или актуального членения предложения [3].

Умолчание чаще всего используется в комментариях самого повествователя в основном для того, чтобы описать состояние героев: «*Иван Яковлевич побледнел...*»; либо при выражении своих собственных рассуждений, которые требуют от читателя домысливания и улавливания того, что хотел сказать автор: «*Ученые коллежские асессоры...*», «*Просто я не знаю, что это...*», «*А, однако же, при всем том, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, может, даже...*».

Риторические восклицания использованы либо в речи майора Ковалева, либо повествователя, но все они касаются не каких-либо посторонних предметов, а конкретно сложившейся ситуации, которая является центральной в повести: «*Черт знает что, какая дрянь!.. Хотя бы уже что-нибудь было вместо носа, а то ничего!..*», «*Черт его знает, как это сделать!*».

Кроме того, в повести использован эллипсис, который убыстряет речь повествования, чтобы она соответствовала разворачивающимся в тексте событиям или состоянию героев. Например, путанные высказывания Ковалева, сумбур в его мыслях выражены через пропуск слов в предложении: «*Это не тот что какой-нибудь мизинный палец на ноге, которую я в сапог...*».

Эпифора и анафора также присутствуют в повести. Интересно то, что эпифора связана только с главным предметом повествования, вокруг которого все и закручивается, – с носом. Например, *«Испугавшись, Ковалев велел подать воды и протер полотенцем глаза: точно, **нет носа!** ... Коллежский асессор Ковалев вскочил с кровати, встряхнулся: **нет носа!**», «... а сам в ту же минуту к зеркалу: **есть нос!** ... Проходя через приемную, он взглянул в зеркало: **есть нос!**»*. Анафора же более разнообразна, но касается только описания «однотипных» людей, которые либо схожи в чем-то, либо выполняют одни и те же действия: *«Вон и знакомый ему надворный советник идет... . Вон и Ярыгин, столоначальник в сенате... . Вон и другой майор...», «Один спекулятор почтенной наружности... Один заслуженный полковник нарочно для этого вышел раньше из дому...»*.

Помимо всего вышеперечисленного, в тексте встречается обратная градация: *«Но неприлично, неловко, нехорошо!»*; перифраз: *«...трудно брить без придержки за нюхательную часть тела...»*; полисиндетон: *«...мылил ему за это **и** на щеке, **и** под носом, **и** за ухом, **и** под бородою...»*; и эпанафора: *«Григорьевна, штаб-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая, тоже очень хорошие знакомые, и вы посудите сами, как же мне **теперь...** Мне **теперь** к ним нельзя явиться»*.

Таким образом, повесть насыщена различными синтаксическими средствами выразительности. Наиболее распространенные из них – это повтор, инверсия и умолчание, что обусловлено характером повести.

Библиографический список

1. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика. М., 1987. 381 с.
2. Машинский С.И. Художественный мир Гоголя: пособие для учителей. 2-е изд. М.: Просвещение, 1979. 432 с.
3. Набокова Н.А. Лексико-синтаксические средства обеспечения эмотивности модернистского текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19: утв. 01.07.2010. Ставрополь, 2010. 201 с.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОМИЗМА В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

LEXICAL MEANS OF EXPRESSING COMEDY IN PROSE BY A.P. CHEKHOV

А.И. Семачкина

A.I. Semachkina

Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific adviser I.V. Revenko

Комическое, лексические средства, комическая ситуация, ирония, метафора.

Рассматривается вопрос о лексических средствах выражения комического в рассказах А.П. Чехова. Автором предпринята попытка выделить лексические средства, наиболее частотные в качестве средств создания комического эффекта. Делается вывод о том, что лексические средства являются наиболее употребляемыми в рассказах А.П. Чехова.

Comic, lexical means, comic situation, irony, metaphor.

The question of lexical means of expressing the comic in the stories of A. P. Chekhov is considered. The author attempts to identify lexical means that are most frequent as means of creating a comic effect. It is concluded that lexical means are the most used in the stories of A.P. Chekhov.

Поэтика комического в произведениях А.П. Чехова чрезвычайно разнообразна. «Чеховский смех был предельно демократичен. Этот демократизм – в его всепроникающем характере ...; в его всеохватности (писатель подмечает комические стороны жизни практически всех социальных групп России); в легкости его восприятия» [Сафонова 2013, с. 471].

«Чехов не был лишь комическим писателем – его произведения раскрывают мир глубоких и разнообразных переживаний, мир вечной гармонии, мир углубленного поиска смысла жизни, вбирающий в себя все богатство красок и чувств реальной действительности. И среди этих красок одна из самых заметных – комическая» [Кройчик 1986, с. 54].

В рассказах А.П. Чехова комический эффект создается при помощи языковых средств разных уровней, однако наиболее частотными являются средства лексического уровня.

Например, в рассказе «Лошадиная фамилия» А.П. Чехов дает описательную характеристику Якову Васильевичу в диалоге между двумя главными героями – Булдеевым и его приказчиком: *Бывало, отвернется к окошку, пошепчет, поплюет, и как рукой! Сила ему такая дадена...*

– *Где же он теперь?*

– *А после того, как его из акцизных уволили, в Саратове у тещи живет. Теперь только зубами и кормится... До водки очень охотник, живет не с женой, а с немкой, ругатель, но, можно сказать, чудодейственный господин!*

[Чехов 1985, с. 209]. В данном контексте мы наблюдаем противопоставленные друг другу высказывания: *сила ему такая дадена и чудодейственный господин* говорят о возвеличивании человека, а выражения *до водки охотник, живет не с женой, а с немкой* подчеркивают низменные качества героя. Антагонизм характеристик персонажа усиливает эмоциональный и юмористический накал. Комичность ситуации при использовании выражения *зубами только и кормится* создается за счет столкновения в одном контексте разных значений полисемичного глагола *кормиться*: 1. Питаться; 2. Добывать средства к существованию, зарабатывать.

А.П. Чехов активно использует просторечные выражения для создания особой речи героев: *«Нешто мы некрещеные или злодеи какие? Слава те господи, господин хороший, век свой прожили и не токмо что убивать, но и мыслей таких не было...»* [Чехов 1985, с. 213] Таким образом, писателю удастся наиболее точно изобразить наивный, простой взгляд героев на мир. Он показан не только через речь, но и через их объяснения.

Подчеркивая бедность и ограниченность словарного запаса героев, А. П. Чехов использует плеоназмы. Например, в рассказе «Унтер Пришибеев» речь главного героя, унтер-офицера Пришибеева наполнена такими словосочетаниями: *«Иду я третьего числа с женой Анфисой тихо, благородно, смотрю – стоит на берегу куча разного народа людей... Разгоняю я народ, а на берегу на песочке утопый труп мертвого человека»* [Чехов 1985, с. 219–220]. Писатель вводит в речь героя такие словосочетания, чтобы подчеркнуть стремление унтер-офицера казаться умнее. Но это делает его образ только комичнее.

Многие иронические детали писатель обыгрывает, совмещая слова с различной стилистической окраской. Это мы можем наблюдать в рассказе «Попрыгунья»: *Она поняла, что все... видели в нём будущую знаменитость. Стены, потолок, лампа и ковер на полу замигали ей насмешливо, как бы желая сказать: «Прозевала! прозевала!» Она с плачем бросилась из спальни, шмыгнула в гостиной мимо какого-то незнакомого человека и вбежала в кабинет к мужу»* [Чехов 1986, с. 20]. Включение в риторически возвышенную речь автора просторечных слов создает приниженную атмосферу вокруг героини и, таким образом, придает повествовательному фрагменту иронический смысл.

Подобный стилистический прием совмещения нейтральных слов с просторечием обнаруживается в речи героини Ольги Ивановны: *«Я ... не спала ночи и сидела около отца, и вдруг – здравствуйте, победила добра молодца! Мой Дымов врезался по самые уши... Ну, после смерти отца он иногда бывал у меня, встречался на улице и в один прекрасный вечер вдруг – бац! – сделал предложение... как снег на голову... Я всю ночь проплакала и сама влюбилась адски»* [Чехов 1986, с. 25]. Авторская ирония здесь основывается на речевом контрасте. Включенные в текст фразеологизмы *как снег на голову, по самые уши* подчеркивают внезапность и масштабность случившегося события, но значимость чувства нивелируется скоростью возникновения ответных чувств (*всю ночь проплакала и сама влюбилась...*).

Прием смешения разнородных и явно несочетаемых признаков обеспечил возможность включения самых разнообразных черт, вещей, качеств, как существенных для характеристики объекта, так и неожиданных, попавших сюда по причинам комического. Например, в рассказе «Случай с классиком»: *Говорит в нос, умывается с мылом... кушает он в постные дни скромное и ищет образованную невесту, а потому считается самым умным жильцом. Поет он тенором* [Чехов 1985, с. 71]. Писатель иронизирует над тем, что образованность человека определяют не по умственным способностям, а по его манере поведения и внешним атрибутам.

Переосмысливая некоторые лексические приемы и средства, писатель создает для них новую ироническую форму, что позволяет нам, читателям, по-новому взглянуть на высмеиваемые общественные явления.

Библиографический список

1. Кройчик Л. Е. Поэтика комического в произведениях А.П. Чехова. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1986. 278 с.
2. Сафонова Е.В. Особенности поэтики комического в произведениях А.П. Чехова // Молодой ученый. 2013. № 5(52). С. 471–473.
3. Чехов А.П. Рассказы «Юбилей» / Антон Павлович Чехов. М.: Советская Россия, 1985. 379 с.
4. Чехов А.П. Юмористические рассказы / Антон Павлович Чехов. М.: Правда, 1982. 208 с.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения. Т. 8 / Антон Павлович Чехов. М.; Наука, 1986. 262 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПУТЬ» В ПОВЕСТИ В.О. ПЕЛЕВИНА «ЖЁЛТАЯ СТРЕЛА»

IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF «WAY» IN V. PELEVIN'S NOVEL «THE YELLOW ARROW»

Ю.Е. Серёдкина

Y.E. Seryodkina

Научный руководитель А.Г. Тимченко
Scientific adviser A.G. Timchenko

Концепт, ядро концепта, ближняя и дальняя периферия концепта, лексема путь, контекст.
Статья посвящена выявлению составляющих концепта «путь» в повести В. Пелевина «Жёлтая стрела». Использован метод концептуального анализа, в результате которого определены ядро, ближняя и дальняя периферия концепта «путь».

Concept, core of the concept, close and far periphery of the concept, lexeme «way», context.
The article is devoted to identifying the components of the concept of the «way» in V. Pelevin's novel “The Yellow Arrow”. The conceptual analysis method is used, with the help of that the core, near and far periphery of the concept of way are determined.

Ключевым в восприятии текста является понятие о концептуальной картине мира писателя. С.Г. Воркачев наиболее удачно, на наш взгляд, обобщил точки зрения разных лингвистов на концепт: «это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачев, 2002]. Стоит добавить лишь возможность существования наряду с концептами коллективными существование концептов индивидуальных, так как сознание множества состоит из сознания каждого в отдельности [Слышкин, 2000].

Обратимся к описанию составляющих концепта «путь» в повести «Жёлтая стрела» В. Пелевина. Непосредственное наименование семы *путь*, составляющее ядро концепта, представлено в тексте в нескольких своих значениях: 1. железнодорожные пути; 2. жизненный путь: «*К счастью **путь** только один, – веcko сказал сосед и ковырнул вилкой в миске, – найти во всем этом смысл и красоту и подчиниться великому замыслу. Только потом по-настоящему начинается жизнь*» [Пелевин, 2000, с. 12]; 3. верно выбранное направление: «*Но, однако, Куросава не намечает никаких **путей** выхода из показанного им бесприютного мира*» [Пелевин, 2000, с. 39].

В ядерную же зону исследуемого концепта входят синоним (*дорога*) и дериваты лексемы *путь* (*путешествие, путеводитель, путать, запутанно*). Производная *путешествие* в тексте репрезентируется лишь единожды, в последней главе повести: «*P.S. Все дело в том, что мы постоянно отправляемся в **путешествие**, которое закончилось за секунду до того, как мы успели выехать*»

[Пелевин, 2000, с. 55]. Значение *путешествия* как перемещения куда-либо в данном примере осложняется семантикой стремления назад. Все люди пребывают в стационарном состоянии. Именно поэтому путешествие для пассажиров экспресса становится тупиковым и бессмысленным, уходящим в никуда.

В условиях контекста основным синонимом «пути» выступает лексема *поезд*. Поезд является заменой всего пространственно-временного поля. Здесь репрезентируется значение пути как жизненной дороги человека. Причём этот путь ведёт к тупику, безвыходному концу, об этом свидетельствует и нумерация глав (от 12 до 0), и само движение поезда к «разрушенному мосту»: «*Желтая стрела*» – это *поезд*, который идет к *разрушенному мосту*. *Поезд*, в котором мы едем» [Пелевин, 2000, с. 16].

Семантика пути как направление движения имплицитно проявляется уже в самом заглавии повести при помощи лексемы *стрела*. «*Желтая стрела*» – это название самого экспресса, а также условное наименование солнечных лучей, разбивающихся о засаленную скатерть в вагоне-ресторане: «*Горячий солнечный свет* падал на скатерть, покрытую липкими пятнами и крошками, и Андрей вдруг подумал, что для миллионов лучей это настоящая трагедия – начать свой *путь* на *поверхности солнца*, пронестись сквозь бесконечную пустоту космоса, пробить многокилометровое небо – и все только для того, чтобы *угаснуть* на *отвратительных останках вчерашнего супа*» [Пелевин, 2000, с. 12].

Главный герой повести Андрей сопоставляет лучи солнца с живыми людьми. Пассажиры экспресса неминуемо движутся к «разрушенному мосту», лучи – к остаткам супа. Акциональный глагол *угасать* с семантикой «ослабевать, терять силы» [Ожегов] указывает на условную смерть лучей. Таким образом, в названии повести вербализуется не только сам концепт «путь», но и отражается идея всего произведения об обречённости пути, безнадёжности движения. На основании вышесказанного мы можем провести параллель из лексем, репрезентирующих основную идею в ближней периферии концепта «путь»: *жёлтая стрела* = *солнечные лучи* с их необратимостью конца = *поезд*, который стремится к тупику = человек / люди, которые в нём едут.

Из этого следует, что к ближней периферии концепта будет относиться лексема *пассажир*, т.е. человек, принадлежащий поезду, который направлен к разрушительному концу. Сема вмещает в себя значение всего общества и служит в тексте словом-маркером для разграничения людей: те, кто не понимают, что они пассажиры (сливаются с поездом / не видят собственного пути), и те, кто осознаёт это (хотят сойти с поезда / в поиске индивидуального пути): «*Нормальный пассажир*, – сказал Хан, – никогда не рассматривает себя в качестве *пассажира*. Поэтому, если ты это знаешь, ты уже *не пассажир*. Им никогда не придет в голову, что с этого *поезда* можно сойти. Для них ничего, кроме *поезда*, просто нет» [Пелевин, 2000, с. 18].

Лексическая конструкция «*сойти с поезда*» становится важной для понимания мотивов поведения главного героя. Поезд, репрезентирующий концепт путь, становится отвратителем герою. Навязчивая мысль найти другой путь, отделить

своё «я» от массового движения к «разрушенному мосту» подталкивает Андрея на поиски выхода из поезда: *«Я хочу сойти с этого поезда живым. Я знаю, что это невозможно, но я этого хочу, потому что хочется чего-нибудь другого просто сумасшествие. И я знаю, что эта фраза – «я хочу сойти с поезда живым» – имеет смысл, хотя слова, из которых она состоит, смысла не имеют. Я даже не знаю, кто такой я сам»* [Пелевин, 2000, с. 29].

В зоне дальней периферии выделены элементы, входящие в систему поезда: *крыша, стук колёс, купе, плацкарт, СВ вагон, железнодорожное радио, вагон-ресторан, проводники, эмблема МПС, подстаканники, тамбуры, билеты на поезд, чемоданы, платформа*. Ключевым компонентом, служащим для обозначения границы между пассажирами, не осознающими своё положение, и условно «непассажирами», является словосочетание *стук колёс*. Звук железных колёс слышен «непассажирам» и неразличим для пассажиров: *«Но ведь они и правда этого не понимают. Как они могут понять то, что и так отлично знают? Они даже стук колёс перестали слышать»* [Пелевин, 2000, с. 19].

В финале повести движение поезда останавливается для главного героя, он сходит с эшелона и идёт по собственному пути. На поворотную точку развития нам указывают лексемы с семантикой неподвижности: *«поезд стоял», «колёса больше не стучали», пол был «неподвижен», проводник «спит или впал в какое-то оцепенение», кусок сахара «неподвижно висел»*. Остановка поезда знаменует разъединение коллективной дороги и индивидуального пути главного героя. На это же нам указывает и последняя строка повести: происходит смена железного стука колёс на *«тихий звук собственных шагов»*. Лексема *«собственные»* подтверждает наше предположение о начале индивидуального пути героя. Андрей видит тотальность абсурда и ложность движения «Жёлтой стрелы» и вовремя сворачивает с обречённого железнодорожного пути.

Итак, на основе концептуального анализа нам удалось определить основные элементы структуры концепта «путь» в повести «Жёлтая стрела». Ядерная зона – прямое наименование лексем *путь*, синоним и её дериваты; зона ближней периферии – контекстуальный синоним *поезд*, лексем *стрела* и *пассажиры*; зона дальней периферии – компоненты, входящие во внутреннее пространство системы *поезда*. Таким образом, авторская концептосфера содержит в себе семантику обречённости и бессмысленности жизненного пути. Направление пути возможно поменять, однако такая смена требует поиска решения и приложения усилий.

Библиографический список

1. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 141с.
2. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002. 142 с.
3. Пелевин В. Жёлтая стрела. М.: Вариус, 2000. С. 9–56.
4. Словарь Ожегова-онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.slovarozhegova.ru (дата обращения: 03.04.2020).

РОЛЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ «ПОВЕСТЬ О СОНЕЧКЕ»

THE ROLE OF LEXICAL EXPRESSIVE MEANS IN THE WORK OF M. TSVETAEVA “THE TALE OF SONECHKA”

С.А. Хрущева

S.A. Khrushcheva

Научный руководитель Е.Г. Шестернина
Scientific adviser E.G. Shesternina

Лексические выразительные средства, индивидуальный авторский стиль, тропы, М. Цветаева, «Повесть о Сонечке».

Актуальность данного исследования заключается в том, что лексические выразительные средства составляют важную часть языкового портрета личности, а выявление их значения в конкретном произведении позволяет лучше понять как само произведение, так и авторский замысел в целом. Цель исследования – определить роль лексических выразительных средств в произведении. Основной метод исследования – лингвистический анализ.

Lexical expressive means, individual author's style, tropes, M. Tsvetaeva, “The Tale of Sonechka”.

The relevance of this study lies in the fact that lexical expressive means make up an important part of the linguistic portrait of a person, and the identification of their meaning in a particular work allows a better understanding of both the work itself and the author’s intention in general. The purpose of the study is to determine what role lexical expressive means play in a work. The main research method is linguistic analysis.

Слово – это основная единица языка. С помощью слова можно донести свою мысль до читающего или слушающего не только достаточно ясно, но и красиво, дополнив речь интересными образами и сделав ее более запоминающейся и привлекательной. Именно это свойство языка и называется выразительностью речи.

В первую очередь, средства выразительности речи определяют оригинальный стиль автора, его отношение к объекту речи, говорят о способности автора к самостоятельному мышлению. В данной работе речь пойдет о лексических средствах выразительности, их роли в формировании индивидуального авторского стиля, а также их роли в конкретном литературном произведении «Повесть о Сонечке» Марины Цветаевой.

Любой художественный текст призван не столько передавать информацию, сколько отражать субъективное отношение автора к повествуемому, проецируя это отношение на восприятие читателя. «Субъективно-оценочное отношение к предмету высказывания в большинстве типов текста не раскрывает сущности явления, а лишь соответственно окрашивает его и дает представление о мировоззрении автора высказывания» [Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 2007].

Лексические средства выразительности, такие как метафора, ирония, гиперболы и др., могут становиться излюбленными приемами конкретного автора, переходящими из одного произведения в другое. Автор может выбирать эти средства в соответствии с освещаемыми им темами, с впечатлением, которое он хотел бы произвести на читателя, руководствуясь собственными симпатиями к тому или иному средству, или по каким-либо другим причинам. Именно лексические выразительные средства позволяют читателю создавать для себя определенный образ автора, делают язык каждого писателя уникальным.

Рассмотрим названное произведение Марины Цветаевой. Оно представляет собой восторженный рассказ об актрисе Сонечке Голлидэй, подруге Цветаевой, и пестрит выразительными средствами, призванными, в первую очередь, достаточно полно раскрыть образ главной героини и передать впечатление, производимое ею на рассказчицу.

Наиболее часто в произведении встречается эпитет. Интересен, например, эпитет «полная», встречающийся в тексте более десяти раз, важный для понимания общего эмоционального фона:

«Итак – та самая *полная* сцена и пустой зал», «Мне досталась на долю ужасно *полная*, невыносимо *полная* любовь», «Когда я кончила – все сразу заговорили. Так же *полно* заговорили, как я – замолчала», «И я это всегда говорю Юре [...] тем самым ртом, тем самым *полным* ртом, тем самым *полным им* ртом!», «Все эти пустоты [...], имеющие дать и дающие только *переполненность* поэтава сердца и *полноту* его я, вдруг – ожили, наполнились ее лицом» [Цветаева М. И. Повесть о Сонечке. М., 2016]. Эпитет отражает состояние М. Цветаевой – ее внутренней эмоциональной *переполненности* чувством: любовью, восторгом, восхищением – «переполненность поэтава сердца» [Ревзина О.Г. Выразительные средства поэтического языка М. Цветаевой и их представление в индивидуально-авторском словаре. М., 1989].

Часто в тексте используется метафора огня, костра, пожара, что говорит нам об экспрессивности языка М. Цветаевой, яркости переживания в восприятии автором самой Сонечки:

«С первой секунды чтения у меня *запылало* лицо, но – так, что я боялась – волосы *загорятся*, я даже чувствовала их тонкий треск, как *костра* перед *разгаром*». «Передо мною – живой *пожар*. *Горит* все, *горит* – вся», «Сонечкино маленькое темноглазое лицо *горело*, как непогашенный розовый фонарь в портовой улочке», «И взгляд из этого *пожара* – такого восхищения, такого отчаяния», «Да, меня *жжет*, что Сонечку – *сожгли*, что нет креста», «Но – вижу ее *в огне*, не вижу ее – в земле!» [Цветаева М. И. Повесть о Сонечке]. С помощью метафоры огня М. Цветаевой удастся создать яркий, чувственный образ главной героини, передать свой восторг перед ней.

Другой важный троп для языка М. Цветаевой вообще и анализируемого произведения в частности – это синекдоха, то есть перенос наименования предмета с его части на целое, и наоборот. Особенно интересно, как автор использует

имя главной героини, как бы называя им приключившуюся в жизни историю или саму «Повесть о Сонечке»:

«Как Сонечка началась? В моей жизни, живая, началась?» (вместо: «Как началась история с Сонечкой?»), «Началась Сонечка в моих тетрадях», «Сонечка, пишу тебя на Океане» (вместо: «пишу рассказ о тебе»). Сонечка для М. Цветаевой настолько много значит, что ее именем названа целая эпоха в жизни автора, его значение расширено и включает в себя не только личность самой Сонечки. Также имя героини М. Цветаева использует вместо названия спектаклей, в которых играет Сонечка, желая показать значимость самой актрисы для публики: «На Сонечку – ходили. Ходили – на Сонечку» [Цветаева М. И. Повесть о Сонечке].

Таким образом, мы видим, насколько важную роль играют лексические средства выразительности в произведении «Повесть о Сонечке». С помощью эпитета, метафоры, синекдохи М. Цветаева создает яркий, законченный образ главной героини, показывает свое чувство абсолютной влюбленности, обожания и восхищения и передает это чувство читателю. Язык М. Цветаевой, благодаря своей выразительности и экспрессивности, становится легко узнаваемым, превращается в уникальный идиостиль автора.

Библиографический список

1. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007.
2. Цветаева М.И. Повесть о Сонечке / Марина Ивановна Цветаева. М.: Директ-Медиа, 2016.
3. Ревзина О.Г. Выразительные средства поэтического языка М. Цветаевой и их представление в индивидуально-авторском словаре // Язык русской поэзии XX века (сборник научных трудов). М.: Институт русского языка АН СССР, 1989.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА, РКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

СИСТЕМА ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ В 5–9 КЛАССАХ

THE SYSTEM OF EXTRACURRICULAR READING
OF MODERN HISTORICAL PROSE FOR
CHILDREN IN FORM 5–9

Я.В. Краснощекова

Ya.V. Krasnoshchekova

Научный руководитель Н.В. Уминова
Scientific adviser N.V. Uminova

Внеклассное чтение, детская историческая проза, Древняя Русь, сталинские репрессии, духовно-нравственное развитие и воспитание.

В статье представлена система внеклассного чтения для школьников 5-9 классов, основанная на современной детской исторической прозе. Авторами предложены произведения, кратко описаны содержательные аспекты и возможные методы работы.

Extracurricular reading, children's historical prose, Ancient Russia, Stalinist repression, spiritual and moral development and education.

The article presents a system of extracurricular reading for students of form 5-9, based on modern children's historical prose. The authors proposed works, briefly described the content aspects and possible methods of work.

Художественная литература является одним из способов репрезентации русской истории и одной из возможностей знакомства читателей с различными этапами истории России. В настоящее время издается много художественной литературы для детей, посвященной определенным этапам в развитии России: истории Древней Руси, времени правления Ивана Грозного, Екатерины II, революции 1917 года, сталинским репрессиям. Кандидат педагогических наук Н.Е. Кутейникова считает, что историческая литература для современных подростков помогает сохранить связь между поколениями, не потерять «историческую память», что «нового ученика необходимо формировать и воспитывать, опираясь на опыт прошлого» [3, с. 20]. О важности чтения подростками исторической прозы говорит и Е.А. Асонова на научно-практических семинарах проекта

«Детские книги в круге чтения взрослых». Один из семинаров был посвящен теме «История в детских книгах». Таким образом, мы считаем, что чтение школьниками исторической прозы способствует формированию духовно-нравственной личности, обладающей гуманистическим мировоззрением, национальным самосознанием и общероссийским гражданским сознанием, чувством патриотизма.

Мы предлагаем систему внеклассного чтения по современной детской исторической прозе, которая опирается на следующие принципы:

1. Учет возрастных особенностей (доступность текста для восприятия учащимися);
2. Наличие у учащихся интереса к представленной теме;
3. Выстраивание межпредметных связей (соотнесение изучаемого материала с ранее изученным на уроках истории, географии);
4. Соотнесенность с учебным материалом, календарная приуроченность;
5. Ориентация на расширение кругозора (знакомство с новыми авторами, новыми жанровыми формами, новыми темами в литературе).

Предложенная нами система внеклассного чтения включает в себя два тематических блока (Тема Древней Руси и тема сталинских репрессий). Прочной закреплённости произведений по классам нет, даже предложенный диапазон может быть изменен из-за разных факторов (заинтересованность учеников в материале, уровень восприятия, эмоциональность, вовлеченность в процесс и т.д.). Мы предлагаем изучение данных произведений в этих классах по двум причинам: примерное соответствие возраста учеников возрасту главных героев и способность учащихся адекватно проникнуться эмоциональным содержанием произведения. Выбранный список авторов объясняется их эстетической и нравственной ценностью. В произведениях поднимаются важнейшие философские вопросы: добро и зло, истина и ложь, нравственный выбор жизненного пути.

Первый блок текстов, которые мы предлагаем, посвящен истории Древней Руси. В 5 классе мы предлагаем знакомство со сборником Е.П. Чудиновой «Лыбедь». В этой книге изображен образ подростка – будущего правителя Руси. Рассказы позволяют обсуждать следующие проблемы: гордость за свою страну, стремление сделать ее лучше. Предлагаемые формы работы: работа по группам, эвристическая беседа. Возможно творческое представление рассказов.

Следующий текст, предлагаемый в 6-8 классах, историческая сказка Е.П. Чудиновой «Гардарика». Работа с этим текстом возможна через погружение учащихся в эпоху с помощью различных средств (фото- и видеоматериалы, показ предметов быта, природы, одежды людей Древней Руси, рассказ о традициях, обычаях). Возможно проведение урока в форме путешествия, конечной точкой которого будет открытие нового жанра – исторической сказки.

Еще один текст, в котором раскрываются особенности мировоззрения древнерусского человека, его ценности, цели, мышление, является повесть Ю.П. Вронского «Юрьевская прорубь». Ее изучение мы предлагаем в 7-9 классах. Исторические, культурные, религиозные, нравственные основы жизни русского народа, модель поведения глубоко нравственного человека в ситуации выбора можно

изучать при помощи эвристической беседы, деловой игры, сравнительной характеристики героев.

Второй блок текстов посвящен теме сталинских репрессий. Это очень сложная тема, и ее изучение должно быть постепенным и тактичным. Первый текст, изучение которого мы рекомендуем в 5-6 классах, это повесть Е.А. Ельчина «Сталинский нос». Исторический фон повести позволяет погрузиться в атмосферу, а образ главного героя – пионера – узнать больше о советских детях, их радостях и проблемах. При изучении этого текста возможны следующие приемы: работа с сайтом повести, комментированное чтение, эвристическая беседа, обсуждение ключевых моментов текста (особенно финала повести).

Вторая книга, которую мы предлагаем для внеклассного чтения, повесть О.К. Громовой «Сахарный ребенок» (7-9 класс). В ней поднимаются следующие нравственные проблемы: помощь ближним, проявление добра, милосердия, борьба со страхами, стойкое перенесение тягот жизни. Можно читать повесть полностью, а можно предложить работу с фрагментами. Также возможно проведение совместного занятия с родителями. Как пишет Е.А. Ямбург в послесловии к книге: «Опыт нашей многострадальной истории доказывает, что даже в самых трагических обстоятельствах достойным родителям удавалось выращивать нравственных детей. Убедиться в этом нам помогает литература, дающая представление не о деяниях политических деятелей и полководцев, а о мыслях и чувствах обычных людей в их повседневной жизни» [2, с. 205].

Предлагаемая нами система уроков дает возможность включить в учебный план по литературе тексты, затрагивающие разные аспекты истории России. Проведение данных уроков позволит заинтересовать учеников историей нашей страны, помочь погрузиться в определенную историческую эпоху, узнать больше о человеке, живущем в этом времени.

Библиографический список

1. Асонова Е. Детские книги в круге чтения взрослых. М.: Совпадение, 2017. 288 с.
2. Громова О.К. Сахарный ребенок: история девочки из прошлого века, рассказанная Стеллой Нудольской: Люди. События. Факты. М.: КомпасГид, 2018. 216 с.
3. Кутейникова Н.Е. Навигатор по современной отечественной детско-подростковой и юношеской литературе: методические рекомендации. М.: «МАЭСТРО ПлаТинум», 2017. 158 с.

ДУХИ ОСВОЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

SPIRITS OF THE MASTERED SPACE IN THE CHINESE AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

Лан Жуэй

Lan Rui

Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific adviser I.V. Revenko

Культура, лингвокультурология, наивная языковая картина мира, освоенное пространство, духи.

В статье рассматривается фрагмент наивной картины мира – духи освоенного пространства. На основе сопоставительного анализа выявляются общие и отличительные черты представления духов дома, домашнего очага и подворья в русской и китайской лингвокультурах.

Culture, linguoculturology, naive language picture of the world, mastered space, spirits.

The article considers a fragment of a naive picture of the world—the spirits of the mastered space. The comparative analysis reveals common and distinctive features of the representation of spirits of the house, hearth and farmstead in Russian and Chinese linguistic cultures.

Культура представляет собой совокупность материальных и нематериальных ценностей. При изучении языка нам необходимо понимать культуру и менталитет народа. «С помощью языка человечество воспринимает и изучает культуру, историю и все те явления, которые нужны для совершенного, цивилизованного общества» [1, с. 99]. В последнее время активно разрабатывается лингвокультурологическое направление изучения языков. Для данного направления лингвистики одним из ключевых терминов является наивная картина мира. «Наивная языковая картина мира отражает национально-культурную специфику сознания народа» [2, с. 23]. Одним из фрагментов наивной картины мира являются образы духов освоенного пространства – покровителей дома, бани, хозяйственных построек. Эти образы упоминаются в мифах, легендах, былинах. В рамках современной социокультурной ситуации особое значение приобретает компаративное изучение культур. Сопоставительный анализ образов духов освоенного пространства как фрагмента наивной картины мира на материале русского и китайского языков позволит выявить интегральные и дифференциальные признаки их представления.

«Духи – это мифологические существа, находящиеся в постоянном взаимодействии с человеком. Духи делились на добрых (духи-хранители или помощники) и злых, вредящих человеку (демонов)» [3, с. 109]. В современной русской культуре духов дома чаще всего называют домовыми, но обращение к русскому

фольклору позволяет увидеть, что было принято поклоняться не только домовым, но и другим духам, населяющим подворье, хлев, баню – те хозяйственные постройки, которые принято называть освоенным пространством.

Домовой в славянской мифологии – хозяин дома, защищающий здоровье людей и животных, обеспечивающий нормальную жизнь.

В.И. Даль писал, что домовый «принимает разные виды; но обыкновенно это плотный, не очень рослый мужичок, который ходит в коротком сером зипуне, а по праздникам и в синем кафтане с алым поясом. Летом также в одной рубашке, но всегда боится и притом всюду дома. У него густая седая борода, волосы острижены в скобку, но довольно косматые и частично застилают лицо. Домовой весь оброс мягким пушком, даже подошвы и ладони, но лицо около глаз и носа нагое. Подошвы видны иногда зимой по следу подле конюшни; а ладони у домового также в шерсти. Всякий, кого дедушка гладил ночью по лицу: рука его шершавая, а ногти длинные, холодные» [4, с. 167]. В образе домового, как мы видим, сочетаются черты человеческие и демонические (покрыт шерстью, длинные ногти).

Как указывает А.В. Максимов, «ведущим принципом мифологизации мира в восточнославянской традиции выступает соотнесение тех или иных его объектов и явлений с системой демонологических представлений» [5]. Несмотря на демоническую составляющую образа домового, следует отметить, что это антропоморфный образ. «Человечность» домового проявляется не только в его внешнем облике, но и в уподоблении социальным стандартам человеческого поведения: «домовой в народных поверьях имеет жену (хозяйка, домовиха, доманя, домовая хозяйка, домовинка, домовица, домовичка, доможириха, суседка) и детей» [3, с. 110].

Черты, характерные для языческих политеистических культов, проявляются в том, что домовому приносили жертвы (подношения в виде еды) с тем, чтобы расположить духа к себе.

Хотя домовый редко показывался людям, для общения с ним не нужен был посредник. У каждого дома, по славянским поверьям, был свой домовый. Отношение домового к дому проявляется в его поступках: если домовому дом не понравился, то он будет делать только плохое: а если понравился, то, наоборот, будет делать хорошее.

В китайской мифологии образов освоенного пространства, среди которых есть и покровители дома, несколько. Для их общего обозначения использовалось название Бао Цзясянь. Китайский ученый Лю Чжэн Э в своем «Антропологическом исследовании» перечисляет таких духов дома: Ху сянь – домовый в виде старого лиса; Чан Сянь – домовый-змея; Хуан Сянь – домовый-хорёк; Бай Сянь – домовый-ёж; Хуэй Сянь – домовый-мышь [6].

Следует отметить, что вера в указанных духов была широко распространена в Северном Китае. Из-за упадка власти и социальных волнений в Северном Китае большое количество ханьцев мигрировало, в результате чего вера в домовых оборотней – лису, хорька, ежа и змею – также была перенесена на северо-восток, где проживали этнические группы северных меньшинств: маньчжуры, ороки, хэже, дауры, корейцы, монголы, сибо, эвенки и русские. В данной местности был

широко распространен шаманизм. Исследователи констатируют наличие общих черт между верованиями народности хань в Северном Китае и шаманскими верованиями этнических меньшинств в Северо-Восточном Китае.

В Китае духам освоенного пространства приписывались следующие функции: обеспечение безопасности членов семьи, лечение и оберегание семьи, защита хозяйства. Ученый Цзян Сюе указывает, что китайские духи освоенного пространства – это скорее духи природы, поэтому они всегда зооморфны. Каждый из таких покровителей наделялся своими способностями: Ху Сянь и Хуэй Сянь умеют видеть будущее и рассказывать о нем людям; Хуан Сянь управляет духом человека, делает людей безумными, заставляет людей плакать и смеяться, петь и прыгать; Бай Сянь лечит людей; Чан Сянь может принять человеческую форму, может получить то, что хочет, издалека; Хуэй Сянь может принести богатство людям [7].

Таким образом, можно согласиться с утверждениями Т.В. Тернопол [8] и других авторов и выделить некоторые сходства и различия образов домового как одного из духов освоенного пространства в китайской и русской культурах. В обеих культурах домовый как приносил уют и порядок в дом, так и мешал хозяйству разного рода пакостями, что является основным сходством. Из главных различий между образами домовых можно выделить источники их появления. В русской культуре домовые относятся к язычеству, а в китайской – к шаманизму.

Этим, на наш взгляд, можно объяснить также способ общения духов с людьми: для общения с китайскими покровителями дома необходим посредник между миром людей и духов, что и характерно для шаманизма. Еще одним отличием является антропоморфизм (русский домовый) или зооморфизм (китайские покровители дома) образов.

Библиографический список

1. Закирова Р.Р., Гильмутдинова И.В., Соколова И.И. Изучение языковой картины мира в современной лингвокультурологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 3. С. 99–101.
2. Закирова Р.Р. Концепт «Моң» в татарской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 227 с.
3. Фадеева Л.Е. Представления восточных славян о домовых духах // Молодой ученый. 2010. № 8. Т. 2. С. 109–112. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/19/1921/> (дата обращения: 26.03.2020).
4. Даль В.И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа / В.И. Даль. М.: Эксмо, 2008. 733 с.
5. Максимов А.В. Мифологический мир в малых формах фольклора восточных славян: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2003. 182 с.
6. Лю Чжэн Э. Антропологическое исследование Северо-Восточной веры феи // Журнал национального университета Гуанси (философия и социальные науки). Т. 29. Вып. 2. 2013. 17 с.
7. Цзян Сюе. Верования и практика Баоцзяося в контексте современности (на примере деревни Ляо Наньюань). 2014. 21с.
8. Тернопол Т.В. Домашние духи в этнографическом и ментальном аспектах: автореф. дис. ... канд. культурологии. Ярославль, 2007. 22 с.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ: УЧАСТНИКИ КОММУНИКАЦИИ И ТЕМЫ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ОБЩЕНИЯ

DISTANCE LEARNING FOR SCHOOL CHILDREN: PARTICIPANTS AND TOPICS OF INTERPERSONAL COMMUNICATION

О.В. Новичёнок

O.V. Novichenok

Научный руководитель Е.В. Осетрова
Scientific adviser E.V. Osetrova

Компетенции, дистанционное образование, образовательный процесс, участники, сопричастность.

Дистанционное образование значительно отличается от традиционной формы ведения образовательного процесса. Для его осуществления необходимо создание специальной образовательной среды. Преимуществом такого обучения является возможность наиболее полно учитывать индивидуальные особенности обучающихся и их образовательные потребности при организации учебного процесса. Дети с различными физиологическими и психологическими потребностями могут получать качественное и профессиональное образование в такой среде.

Competence, distance education, educational process, participants, participation.

Distance education differs significantly from the traditional form of conducting the educational process. For its implementation, it is necessary to create a special educational environment. The advantage of such training is the ability to fully take into account the individual characteristics of students and their educational needs in the organization of the educational process. Children with different physiological and psychological needs can receive quality and professional education in such an environment.

Введение новых стандартов образования приоритетными направлениями определило формирование предметных и метапредметных компетенций, ведущими из которых являются – исследовательские, коммуникативные и ИКТ-компетенции. Для их эффективного формирования школа должна создать такую образовательную среду, которая позволит учащимся самостоятельно искать и обрабатывать информацию, обмениваться ею, а в итоге быстро и правильно ориентироваться в информационном пространстве.

Система дистанционного образования разрабатывается в России с 1995 г. [Кларин 1997]. Под дистанционным обучением в его рамках понимается обучение, которое основано на использовании специальных компьютерных технологий и средств Internet, обеспечивающих оптимальный (в смысле педагогической эффективности) процесс обучения и управление этим процессом [Зайцев 2013].

В соответствии с данной трактовкой сущности дистанционного обучения на него как на целостную дидактическую систему накладывается ряд требований, предусматривающих: а) оптимизацию структуры и содержания учебных курсов; б) разработку технологий обучения, оптимизирующих учебную деятельность и увеличивающих интенсивность процесса усвоения материала; в) создание системы контроля усвоения знаний, обеспечивающей непрерывное и эффективное управление процессом обучения [Гозман, Шестопад 1999].

Все базовые элементы традиционного обучения имеются в его дистанционном аналоге, а именно: учащийся, педагог и образовательный процесс, в котором оба они участвуют. Вместе с тем специфика дистанционного обучения привела к изменению традиционной модели коммуникации «учитель–учащийся».

Достоинством дистанционного обучения является возможность учитывать индивидуальные особенности обучающихся и их образовательные потребности при организации учебного процесса.

Дети-инвалиды, а также дети, которые не могут посещать общеобразовательную школу вследствие ограничений, связанных с состоянием их здоровья, в прошлом были лишены возможности получить качественное образование.

Современное дистанционное обучение успешно преодолевает эту проблему. Одновременно и от обучающихся, и от педагогов это требует освоения специфических знаний, умений, навыков и технологий, в частности, высокой информационной и цифровой грамотности.

Оценивая дистанционное образование с позиций коммуникативной лингвистики, особое внимание следует обратить на особенности межличностной коммуникации и роли ее участников – преподавателя и ученика.

Преподаватель приобретает следующие характеристики: 1) специалист по разработке и предоставлению учебных курсов; 2) специалист, который корректирует собственную образовательную траекторию ученика; 3) специалист, контролирующий результаты обучения; 4) **друг, компаньон, помощник**.

Ученик квалифицирован как: 1) обучающийся; 2) участник создания обучающей траектории; 3) **выразитель творческого потенциала**.

Выделенные выше характеристики, в свою очередь, подразумевают межличностное общение, поскольку успешное дистанционное обучение невозможно без доверия и сопричастности. Следовательно, темы, возникающие в его процессе, не могут быть строго ограничены предметной областью. В процессе наблюдений выделены следующие темы межличностного общения:

1. «Моя семья» – одна из беспроигрышных тем для установления контакта:

Ученик: *У меня семья большая – три брата. Бабушка приехала вот ещё. Люблю, когда мы все собираемся!*

Преподаватель: *Вы все вместе живёте?*

Ученик: *Не-а... братья уже уехали. Старший учителем работает. Стёпка учится в техникуме. И я хочу поступить уже. На программиста.*

2. «Мои события», в рамках которой особо проявляется сопричастность преподавателя, психологическая поддержка ученика; например:

Ученик: *Недавно дефектолог ушёл от меня... Психолог поучил и ушёл.*

Преподаватель: *Сейчас и психолог с тобой не занимается? Или новый учитель?*

Ученик: *Не-а... Да просто я тогда в первом классе ноги на стол ложил.*

Преподаватель (с улыбкой): *Хулиган какой был.*

Ученик (смеется): *У меня тогда такой интересный логопед был! Нравилось с ним учиться. Потом вот этот логопед, вот этот вот. Он научил меня «р» говорить. Выговаривать. Р-р-р-р-р... Сейчас опять забыл.*

Преподаватель: *Так, давай записывать число в тетрадь.*

Ученик: *Может, еще поговорим?*

Преподаватель: *А русский язык изучать не будем?*

Ученик: *Не.., будем, конечно. Всё, пишу.*

3. «Спортивные предпочтения», не всегда, впрочем, очевидные:

Ученик: *Я футбол не люблю. Папа смотрит, а я сразу засыпаю.*

4. «Образовательная логистика»; см. пример:

Ученик: *Когда у нас учебный год закончится?*

Преподаватель: *31 мая.*

Ученик: *Так это мне еще два месяца учиться!*

Таким образом, дистанционное обучение предполагает трансформацию традиционной коммуникации. Учитель не только координирует и осуществляет обучение, но и создает общую доверительную атмосферу, характерную именно для межличностной коммуникации, входя в близкий контакт с учеником, нередко принимая роль друга и доброго знакомого. Соответствуют этому и темы межличностного общения, пронизывающие предметный диалог.

Библиографический список

1. Кларин М.В. Инновации в обучении. Метафоры и модели. М.: Наука, 1997.
2. Зайцев В.С. Современные педагогические технологии. Челябинск, 2013.
3. Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Дистанционное обучение на пороге XXI века. Ростов-на-Дону: Мысль, 1999.

ТЕКСТЫ О ПРИРОДЕ РОССИИ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ РКИ

TEXTS OF NATURE OF RUSSIAN AS A RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE TEACHING METHOD

С.М. Скакунова

S.M. Skakunova

Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific adviser I.V. Revenko

Текст, лингвострановедение, русский язык как иностранный, методы обучения, компетенции.

В статье описывается дидактический потенциал текстов о русской природе. Представлена система упражнений, направленных как на формирование лингвистической компетенции, так и на развитие разных видов речевой деятельности.

Texts, culture-oriented linguistics, Russian as Foreign Language, teaching methods, competences.
The article describes the didactic potential of texts on Russian nature. A system of exercises is presented, aimed both at the formation of linguistic competence, and at the development of different types of speech activity.

Природа – одно из фундаментальных понятий естествознания и философии. Согласно словарному определению, оно «охватывает своими пределами все сущее в целом и превращает последнее в объект естественных наук. Вместе с тем природу можно с полным правом назвать предметом эстетического переживания и нравственного чувства, о чем свидетельствует богатая традиция живописного, литературного, кинематографического и даже музыкального пейзажа» [1].

На данном этапе развития методики преподавания русского языка как иностранного авторы учебных и методических пособий нацелены на стандарты государственной образовательной системы тестирования иностранных граждан. Авторы получают понятные и четкие ориентиры в создании пособий, но при этом не ограничены в свободе выбора формы, содержания и комбинаторики материалов для учебного процесса.

Текст как основная учебная единица является центром каждого урока. «На его основе организуется система заданий, с помощью которых активизируется лексико-грамматический материал, контролируется понимание текста, формируются навыки репродуктивного высказывания, что способствует обучению языку как средству общения» [2].

Тексты о природе, в контексте преподавания русского языка иностранным обучающимся, необходимы для формирования понимания жизни в России, для формирования представления о жизни в разных климатических условиях, о настроениях людей, живущих на обширной территории.

Ниже приведены варианты работы на уроке РКИ с рассказом о лете в России М.М. Пришвина – «Красные шишки».

Упражнения, направленные на первичное закрепление лексики и выявление степени понимания текста:

Упражнение 1. Ответьте на вопросы:

1. Что было свежим – ветер или жар?
2. Кого не было видно вечером – слепней или комаров?
3. Что шевелится – цветы или листья осины?
4. Что было красным – елочки или шишки?

Упр. 2. Вставьте в предложения слова из текста:

солнечное, холодные, свежий, летний, еловых.

1. В свежее _____ утро иду я в лес полями. 2. Росы _____ и _____ ветер днем умеряют _____ жар. 3. Из _____ пропастей я поднимаюсь к солнечной опушке.

Следующее упражнение направлено на накопление потенциально узнаваемых лексических единиц.

Упражнение 3. К данным словам подберите однокоренные:

Свежесть – ...

Отдых – ...

Холод – ...

Работа с текстом предполагает не только формирование лингвистической компетенции, но и развитие разных видов речевой деятельности, прежде всего, чтения и говорения. Далее представлены варианты речевых упражнений.

Упражнение 4. Прочитайте предложения и скажите, соответствуют они содержанию текста или нет.

1. Росы тёплые, и свежий ветер ночью умеряют летний жар.
2. Видимо-невидимо было слепней днем, а по утрам и по вечерам комаров.
3. Насекомые проснулись, многие цветы еще не раскрывали венчиков.
4. Здравствуйте, незнакомые елочки, что нового?
5. Из еловых пропастей я поднимаюсь к туманной опушке.

При выполнении упражнения необходимо мотивировать обучающихся к формулированию развернутого высказывания, т.к. это позволяет оценить усвоение лексического материала (соблюдение при построении высказывания лексической сочетаемости), владение грамматическими нормами (учет падежных валентностей главных слов в словосочетаниях с именным и глагольным управлением, умение строить предложения разной синтаксической структуры).

Следующее упражнение направлено на формирование умений строить монологическое высказывание репродуктивного характера.

Упражнение 5. Расскажите о летнем дне в вашей стране, используя слова: холодный, свежий, солнечный, ветер, роса, листья.

Выполнение такого упражнения необходимо предварить работой со структурой и языковым наполнением текста-описания. Для активизации творческого потенциала обучающихся и работы над пополнением словарного запаса можно

предложить такое задание: представьте, что вы художники и вам нужно нарисовать пейзаж, но вместо красок у вас слова. Давайте определим, какие предметы будут изображены на вашей картине (подбираем существительные тематической группы «пейзажная лексика» – деревья, река, озеро, небо, облако, солнце, трава и др.). Давайте опишем при помощи антонимов, какими могут быть деревья (большие и маленькие, старые и молодые). Опишите по этой модели другие предметы на вашем пейзаже. Давайте сравним предметы: постройте предложения по модели «У реки деревья ниже, чем в лесу». Давайте соберем все наши «краски». Подберите как можно больше прилагательных к слову «река» (большая, широкая, красивая, быстрая и др.).

Использование упражнений, предваряющих выполнение творческого задания этапа, формирует представление о специфике текста-описания, способствует развитию лексических навыков, а также позволяет предотвратить ошибки при построении продуктивных речевых высказываний.

Текст как единица обучения обладает высоким потенциалом, т.к. позволяет комплексно работать над формированием лингвистической, коммуникативной, прагматической компетенций. Тексты о природе также способствуют формированию социокультурной компетенции и, в силу специфики своего содержания, могут быть использованы на занятиях с обучающимися, владеющими русским языком в разной степени.

Библиографический список

1. Яворский Д.Р. Понятие природы и проблема социокультурной интеграции / Д.Р. Яворский // Изд-во ВАГС. Волгоград, 2008. 140 с.
2. Зорина Г.С., Брыгина А.В. Художественный текст при обучении РКИ студентов-нефилологов на начальном этапе // Рустика. 2010. С. 79–83.

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ 5 КЛАССА В КУРСЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE AMONG STUDENTS OF THE 5th GRADE IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FOREIGN

Е.А. Сосновская

E.A. Sosnovskaya

Научный руководитель **О.В. Лукьянова**
Scientific adviser **O.V. Lukyanova**

Русский как неродной, коммуникативная компетенция, аккультурация, социальная адаптация, упражнения.

Статья посвящена проблеме массового обучения русскому языку детей мигрантов из ближнего зарубежья. В работе описаны основные трудности, с которыми сталкиваются обучающиеся при обучении русскому как неродному, а также представлены примеры упражнений на формирование коммуникативной компетенции и преодоление культурного барьера у обучающихся 5 класса.

Russian as a foreign, communicative competence, acculturation, social adaptation, training exercises.

The article is devoted to the problem of mass teaching the Russian language to children of migrants from neighboring countries. The paper describes the main difficulties that students learn when learning Russian as non-native, and also presents examples of exercises for building communicative competence and overcoming the cultural barrier among students of the 5th grade.

В связи со стабильным увеличением притока рабочих мигрантов из ближнего зарубежья в Россию современные российские учебные заведения регулярно сталкиваются со сложностями при обучении школьников русскому языку.

В современной школе учитель ввиду ограниченности времени урока в своей работе делает акцент на местных обучающихся, отодвигая на второй план интересы детей мигрантов.

Это связано с отсутствием системы в обучении инофонов на практике: отсутствием специальных программ для языковой и культурной адаптации инофонов на периферии и комбинированных учебников для школьников как с родным русским языком, так и с неродным.

У местных обучающихся зачастую не возникает проблем с правильным построением устных предложений, в отличие от детей-инофонов.

Это связано с так называемым «чувством языка», которое формируется с детства и является следствием регулярной речевой практики.

Согласно утверждению М. П. Феофанова, в результате частого употребления определенных речевых моделей у человека развивается способность правильно предвидеть и дополнять речевые отрезки, которые еще не были произнесены говорящими [4]

У детей мигрантов это чувство будет формироваться на основе уже имеющегося у них чувства родного языка.

Согласно опыту из практики преподавания в республике Таджикистан, распространенными ошибками при обучении РКН являются: смешение падежных форм (замена окончаний В.п. на окончания Р. п. / смешение Р.п. и Д.п. в некоторых случаях); сложности в образовании начальной формы слова от форм косвенных падежей: (*котенка – коть*); неумение определить род некоторых существительных, в связи с чем появляется ошибочное согласование окончания сказуемого с подлежащим (*лошадь поскакал*); ошибки в образовании окончаний прилагательных и др.

Такие ошибки закономерны, если учитывать особенности родного языка обучающихся. Так, в таджикском языке нет категории рода и падежа. Такие падежные значения, как «прямой объект» (в русском языке В. п.), «адресат» (Д. п.) и др., передаются в этом языке при помощи предлогов и послелогов.

Практика показала, что наиболее эффективной методикой освоения любого иностранного является коммуникативная методика, развивающая коммуникативную компетенцию.

Коммуникативная компетенция – приобретенное в процессе естественной коммуникации или специально организованного обучения особое качество речевой личности, складывающееся из нескольких составляющих [3].

Иными словами, понятие коммуникативной компетенции довольно обширно и взаимосвязано со всеми сторонами языка.

По мнению Ю. А. Мацкявичене, при обучении РКН необходимо чаще использовать коллективную форму работы. Это способствует возникновению речевой ситуации, в которой возникает потребность выразить мысль или задать вопрос [2].

Ниже представлен ряд упражнений, обеспечивающих развитие коммуникативных навыков обучающихся 5 класса при обучении РКН:

– Игра «Знакомство». Учитель просит учеников узнать друг о друге как можно больше фактов за 15 минут, затем задает парам вопросы: *1. Есть ли у этого ученика брат или сестра? 2. Как называлась последняя прослушанная им песня?*

Игра направлена на тренировку практики устной речи и сплочение коллектива, устраняет признаки ксенофобии и, как следствие, враждебности к иной культуре.

– «Узнай портрет по описанию». Класс делится на 2 команды. Преподаватель выбирает несколько портретов известных личностей, хорошо знакомых школьникам. Один обучающийся выходит к доске и описывает личность. Команды могут задавать наводящие вопросы. Выигрывает та команда, которая быстрее отгадает, о ком идет речь.

Данное упражнение направлено на отработку окончаний прилагательных, развитие коммуникативных навыков.

– «Дневник». Преподаватель просит студентов вести дневник на русском языке, описывая в нем повседневные события, свои впечатления. [1] По желанию школьники могут зачитывать фрагменты дневника, а слушающие – задавать вопросы.

Это только несколько упражнений, которые могут быть использованы на занятиях РКН при формировании коммуникативной компетенции.

Библиографический список

1. Игры на уроках РКИ. Во что играть на начальном этапе? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://youlang.ru/blog/igry-na-urokakh-rki-vo-chto-igrat-na-nachalnom-etape> (дата обращения: 18.04.2020).
2. Мацквичене Ю.А. Методические рекомендации для педагогов, работающих с детьми-мигрантами (инофонами) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://kamchatkairo.ru/images/metod_kopilka/ryssky_yazik/metod_rec_rabota_deti_inofoni.docx
3. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник. Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской. М.: Флинта; Наука. 1998. 312 с.
4. Феофанов М.П. Очерки психологии усвоения русского языка учащимися вспомогательной школы: монография. М.: Издательство Академии педагогических наук, 1955. 132 с.

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

INTERACTIVE METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE USING DISTANCE LEARNING TECHNOLOGIES

У.В. Сковородкина

U.V. Skovorodkina

Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific adviser I.V. Revenko

Дистанционное обучение, РКИ, интерактивные методы обучения, личностно ориентированный подход, комплексные методы обучения.

Статья посвящена интерактивным методам обучения с использованием дистанционных технологий на примере видео из киножурнала «Ералаш». В статье рассмотрены этапы работы с видеоматериалом.

Distance learning, Russian as a foreign language, interactive learning methods, a person-centered approach, integrated learning methods.

The article is devoted to interactive teaching methods using distance technologies on the example of a video from the newsreel «Yeralash». The article describes of working with video materials.

На современном этапе модернизации образования внедрение дистанционных технологий и применение интерактивных методов обучения становится приоритетной задачей.

Дистанционное обучение – «это синтетическая, интегральная, гуманистическая форма обучения, базирующаяся на использовании широкого спектра традиционных и новых информационных технологий и их технических средств, которые применяются для доставки учебного материала, его самостоятельного изучения, диалогового обмена между преподавателем и обучающимся, причем процесс обучения в общем случае не критичен к их расположению в пространстве и во времени, а также к конкретному образовательному учреждению» [1].

Самыми эффективными методами обучения, сочетающими разные виды деятельности, являются комплексные методы. Дистанционное обучение РКИ должно быть универсальным, чтобы создавать возможность обучать иностранцев любой национальной принадлежности и уровня владения языком.

Дистанционное обучение русскому языку как иностранному должно происходить на основе личностно ориентированного и деятельностного подходов к обучению. Инновационные методы обучения РКИ помогают повысить качество преподавания и мотивацию обучающихся. Внедрение интерактивных форм обучения позволяет интенсифицировать учебный процесс.

Основными задачами применения интерактивных методов в обучении иностранцев является формирование коммуникативной компетенции, которая включает четыре вида речевой деятельности (говорение, письмо, чтение и аудирование). Дистанционные технологии позволяют ориентировать процесс обучения на комплексное развитие указанных видов речевой деятельности.

Одним из наиболее эффективных средств оптимизации учебного процесса в период неблагоприятной эпидемиологической ситуации в стране является, на наш взгляд, использование аутентичных видеоматериалов, которые максимально приближают обучающихся к условиям реального общения, передают специфику национального менталитета и элементы русской культуры.

Безусловно, отбор видеоматериалов должен определяться «целями и задачами, которые ставит преподаватель, этапом обучения, национально-культурными особенностями учащихся, а также их потребностями, интересами и уровнем знаний» [2].

В статье мы рассмотрим задания, разработанные на основе выпуска киножурнала «Ералаш» №265 «Мир, в котором я живу». Сюжет видео развивается в обычной общеобразовательной школе на уроке русского языка. Школьник читает своё сочинение на тему «Мир, в котором я живу». Во время чтения все герои сочинения оживают и появляются перед классом.

Для заданий к видео мы использовали сервис для создания интерактивных мультимедийных приложений <https://learningapps.org/>. Перед просмотром видео мы предлагаем обучающимся познакомиться с лексикой и выполнить задание «Ввод текста» с помощью Learningapps.org на перевод незнакомых слов (например: *пчеловод, олады, руководить, хоккеист*) на родной язык.

На следующем этапе мы знакомим обучающихся с диалогами, которые будут встречаться в видео. Стоит обратить внимание на такие выражения, как: «*Ой, ой, ой, мамочки*», «*Всё, хватит!*», «*Пять так пять*». Эти выражения мы можем использовать для отработки речевых средств, выражающих различные эмоции. Также можно использовать поисковое чтение для нахождения лексики по теме «Семья».

После просмотра видео обучающимся предлагается составить план текста и пересказать его на аудио, чтобы преподаватель мог скорректировать его. Иностранцы переходят на сайт voicigo.com и с помощью онлайн-диктофона записывают аудио и отправляют в любой мессенджер или на почту преподавателю.

Грамматические упражнения можно проводить на материале глаголов совершенного и несовершенного вида. Например: От данных глаголов несовершенного вида образуйте глаголы совершенного вида: *читать, жарить, смотреть, ехать, ходить, лечить*.

Таким образом, короткие видео юмористического киножурнала «Ералаш» адекватно вписываются в систему дистанционного обучения, поскольку обладают рядом преимуществ: небольшая продолжительность по времени не позволяет

вниманию обучающихся рассеяться; коммуникативные ситуации представлены в видеосюжетах в юмористическом ключе, что поддерживает интерес обучающихся и повышает мотивацию к изучению русского языка.

Библиографический список

1. Шаров В.С. Дистанционное обучение: форма, технология, средство // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 94. С. 236–240.
2. Кашпирева Т.Б., Соловьева Т.А. Видеоматериалы на занятиях по РКИ: развитие коммуникативной компетенции в иностранной аудитории // Молодой ученый. 2016. № 13.2 (117.2). С. 43–45. Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/117/32399/>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАГЛЯДНОСТИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ

USING VISIBILITY AT THE INITIAL STAGE OF RCT TRAINING

Сюй Цзялу

Xu Jialu

Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific adviser I.V. Revenko

Наглядность, виды наглядности, визуализация языковой информации, аудитивная наглядность.

В статье описываются средства наглядности, используемые на занятиях по РКИ для структурирования теоретического материала, развития аудитивных и речевых навыков, обосновывается важность применения наглядности как средства обучения.

Visibility, types of visibility, visualization of language information, auditive visibility.

The article describes the visual AIDS used in RCT classes for structuring theoretical material, developing auditory and speech skills, and justifies the importance of using visual AIDS as a means of learning.

В методике большое внимание уделяется технологиям и средствам обучения, поскольку их применение существенно влияет на эффективность. Одним из средств обучения, признанным множеством методистов, является наглядность.

По словарю термин используется в двух значениях: «а) как опора в процессе обучения на дидактический принцип наглядности, согласно которому обучение строится на конкретных образах, непосредственно воспринимаемых учащимися; б) как использование на занятиях специальных средств обучения (аудиовизуальные средства обучения, мультимедиа, технические средства обучения)» [1, с. 152].

Как пишет В.И. Загвязинский, принцип наглядности «строится на основе верного соотношения между конкретным и абстрактным и предполагает переход от чувственно-конкретного, для освоения которого используется естественная и изобразительная наглядность, к абстрактному, где основная роль отводится условной, схематической и символической наглядности, а также противоположный переход от абстрактного к конкретному» [2].

На разных этапах обучения (представление языкового материала, его закрепление и активизация, автоматизация и т.д.) роль наглядности, ее виды и задачи отличаются. «Можно говорить о двух основных видах наглядности: иллюстрирующая, которая демонстрирует значение той или иной языковой единицы, условия ее функционирования; и проблемная, помогающая стимулировать самостоятельную мысль студента, заставляющая его решать те или иные задачи, отвечать на вопросы, высказывать собственное мнение» [3, с. 173].

Следовательно, при обучении учащиеся могут создавать модели знаний с помощью различных видов наглядности, таких как таблицы, карты мыслей, древовидные карты, комические иллюстрации и т.д. Визуализация языковой информации облегчает правильное понимание внешней формы языкового знака, позволяет точнее понять его внутренний смысл, способствует выработке алгоритмов правильного использования языка и эффективного общения.

Для формирования лингвистической компетенции важны знания об особенностях языковой системы русского языка. Использование приемов наглядности при подаче теоретического материала способствует более четкому структурированию информации, позволяет выделить наиболее значимые аспекты. Пожалуй, самым распространенным средством наглядности, применяемым для указанных целей в современных пособиях по РКИ, является выделение шрифтом и/или цветом. Также часто используются различные графические изображения, схемы, через которые реализуется принцип метаплана, «представляющий собой инвариантное множество знаковых форм (элементов), имеющих определенное назначение, которые выполняют многообразные когнитивные функции и способны закреплять и фиксировать в определенной форме результаты опредмечивания мыслительных процессов» [4, с. 507]. К элементам формы метаплана относятся различные графические символы, например: полоса, облако, овал, прямоугольник, круг. Каждый из элементов выполняет выделительную и типизирующую функции. Например, при помощи полос обозначаются короткие формулировки или выводы, а облаком очерчивают теорию или вопросительные предложения, овалами выделяют дополнительную информацию. Такая визуализация информации позволяет выделить ее разные составляющие и создает типичную модель ее представления, которая используется во всем пособии и создает идентичность подачи материала на протяжении всего курса, что существенно облегчает восприятие информации, а также ее усвоение.

Аудитивная наглядность используется на занятиях РКИ для того, чтобы помочь «студентам овладеть произносительными и иными нормами языка, научиться понимать речь на слух и выражать свои мысли в пределах подобранного круга тем и ситуаций общения» [5, с. 29–30]. Использование аудитивной наглядности, особенно в комбинации с видео, позволяет детально представить ситуацию общения, способствует развитию навыков аудирования. Прежде чем составить план обучения, преподаватели должны оценить реальную ситуацию и потребности студентов и надлежащим образом представить соответствующие массивы видеозаписей и телевизионных фильмов, чтобы воссоздать подлинные коммуникативные ситуации и достичь больших результатов с меньшими усилиями.

Наглядность в процессе обучения РКИ имеет очень большое значение. Она повышает эффективность обучения, способствует более осмысленному и более мотивированному усвоению языка. Спектр ее функций в процессе обучения достаточно широк: структурирование и типизация теоретического материала, закрепление и формирование грамматического материала, решение речевых проблемных задач при свободном говорении и др. Применение наглядности важно

и с позиций психологического подхода, т.к. она мобилизует психическую активность учащихся, стимулирует интерес к занятиям языком, расширяет объём изучаемого материала, снижает утомление, тренирует творческое воображение, облегчает весь процесс обучения.

Библиографический список

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009.
2. Загвязинский В.И. О современной трактовке дидактических принципов // Сов. педагогика. 1978. № 10.
3. Козорог З.П. Принцип наглядности в обучении РКИ. 2017. С. 171–173. Режим доступа: <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/78188> (дата обращения: 20.01.2020).
4. Полайчева И.А. Наглядность как принцип обучения инофонов на основе применения схемных и знаковых моделей на уроках РКИ // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. С. 505–510.
5. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов. М.: Рус. яз, 1990. 231 с.

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕМЫ ИЗГОЯ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НА УРОКАХ ВНЕКЛАССНОГО ЧТЕНИЯ В 5–9 КЛАССАХ

APPROACHES TO THE STUDY OF THE OUTCAST PATTERN IN CHILDREN'S LITERATURE IN LESSONS OF EXTRA CLASSIC READING IN 5–9 CLASSES

Е.В. Третьякова

E.V. Tretyakova

Научный руководитель Н.В. Уминова
Scientific adviser N.V. Uminova

Детская литература, школьные программы, внеклассное чтение, тема изгойства, констатирующий эксперимент.

В статье рассмотрена проблема отсутствия концептуальных трудов, посвящённых изучению темы изгойства в школе. Предложена система уроков внеклассного чтения для учащихся 5-9 классов с опорой на программу В.Я. Коровиной.

Children's literature, school programs, extracurricular reading, the topic of exile, ascertaining experiment.

The article deals with the problem of the lack of conceptual works devoted to the study of the topic of pariah in school. A system of extracurricular reading lessons for students in grades 5-9 based on the program of V. Ya. Korovina is proposed.

Проблема взаимоотношений между подростками не теряет своей актуальности в современном мире. Школьники всё чаще вступают в конфликты, которые приводят к тяжким последствиям. Не случайно к этой теме неоднократно обращались писатели разных эпох в своих произведениях. Однако в литературоведении наблюдается отсутствие концептуальных трудов, посвящённых данной проблематике. Отдельные аспекты темы затронуты авторами учебников детской литературы. В последнее время наблюдается тенденция обращения учителей-практиков к образу ребёнка-изгоя, которые предлагают свои разработки уроков, посвящённых проблемам жестокости и самоопределения личности. Несмотря на это, в современных школьных программах отсутствует системный подход в изучении данной темы с обучающимися 5–9 классов.

Начав работу над системой уроков внеклассного чтения, посвящённых теме изгойства, мы решили обратиться к школьным программам В.Я. Коровиной [1], Г.С. Меркина и С.А. Зинина [4], В.Г. Маранцмана [3], Б.А. Ланина [2] и рассмотреть, как предлагают изучать тему составители программ и какие произведения рекомендуют.

При анализе программ был применён констатирующий эксперимент – широкий анализ состояния данного вопроса в практике обучения и воспитания,

анализ массового материала и показ положения экспериментального коллектива в этой массовой картине [5]. Проведённый эксперимент показал, что обращение к вышеозначенной теме изгойства не носит системного характера и ограничивается лишь несколькими произведениями. Так, по программе В.Я. Коровиной в 5 классе изучается сказка А. Погорельского «Чёрная курица, или Подземные жители», но акцент делается на синтез фантастического и реального, хотя в данной сказке прослеживаются мотивы изгойства. В программе Г.С. Меркина и С.А. Зинина в 6 классе рекомендуется для самостоятельного чтения повесть В. Железникова «Чучело». В программе В.Г. Маранцмана не представлено текстов исследуемой проблемы. По программе Б.А. Ланина в 6 классе изучается повесть «Чучело».

Исходя из результатов, мы решили разработать свою систему уроков внеклассного чтения и классных часов, которые будут в полном объёме охватывать проблему взаимодействия школьников в коллективе. Предложенная система сделана с опорой на программу В.Я. Коровиной, так как она является самой распространённой в школах России. Произведения подобраны по тематическому принципу не только современных авторов, но и писателей 19-20 века, в текстах которых тема изгойства только зарождается. Это даёт нам возможность проследить, как трансформировалась обозначенная тематика с течением времени и как менялся образ изгоя.

Класс	Художественный материал	Содержательные аспекты	Методические приёмы	Связь с основ. курсом лит-ры
1	2	3	4	5
5	Лидия Чарская «Записки маленькой гимназистки»	Тема изгоя – одна из центральных; причина изгойства кроется в социальном положении; мотив дружбы; конфликт разрешается, что объясняется спецификой жанра	Чтение с остановками, обсуждение прочитанного, инсценировка фрагментов	В программе представлена сказка А. Погорельского «Чёрная курица, или Подземные жители», в которой затрагивается тема изгойства.
	Андрей Богословский «Верочка»	Тема изгойства центральная; причина издевательств во внешности героя; точно передана психология детского коллектива; трагичный финал; мотив раскаяния.	Чтение с остановками, прогнозирование финала, личные ассоциации, проблемная ситуация	После данной сказки можно обратиться к одному из предложенных произведений
6	Владимир Железников «Чучело»	Тема изгойства центральная; причина издевательств во внешности героя; возможность преодолеть изгойство через дружбу; трагический финал; мотив раскаяния	Чтение фрагментов, просмотр фильма, советы героине, составление списка литературы с похожей тематикой	Возможно обращение перед повестью «Уроки французского» В.Г. Распутина

1	2	3	4	5
	Александр Костюнин «Рукавичка»	Центральная тема – отверженность главного героя; конфликт включает учеников и учителя; трагический финал; мотив раскаяния одного из «гонителей»	Чтение с останковками, прогнозирование финала, этическая беседа, письмо автору	Рекомендуем обратиться после рассказа Ф. Искандера «Тринадцатый подвиг Геракла»
	Виктория Ледерман «Календарь МА(й)я»	Тема изгоя – одна из центральных; тонко прорисованы характеры и трансформация героев; мотив дружбы; финал оптимистичен	Чтение с останковками отдельных эпизодов, живые рисунки, письмо герою	Обратиться после изучения творчества В. Шукшина
7	Александр Куприн «Кадеты»	Изгойство как социокультурная проблема образовательных учреждений царской России; проблема выходит за рамки одного класса; проблема не решается, финал трагичен	Чтение фрагментов, проблемная ситуация, дебаты, тайные мысли, письмо по кругу	Изучать после повести «Детство» М. Горького
	Алексей Олейников «Соня из 7 буэ» (фрагментами)	Тема изгоя центральная; причины насмешек кроются во внешности, характере; призыв к освобождению от страха	Ассоциативный ряд к слову «школа», синквейн, прогнозирование финала, советы героине	Обратиться можно в октябре при проведении классного часа на школьную тематику
8	Олег Раин «Человек-дейтерия»	Тема изгойства центральная; причина издевательств во внешности; преодоление изгойства: через дружбу и увлечения; счастливый финал	Чтение с останковками, один день из жизни литературного героя, вопросы главному герою	После изучения детской темы в рассказе В.П. Астафьева «Фотография, на которой меня нет»
9	Ирина Лукьянова «Стеклянный шарик» (фрагментами)	Взрослый текст на детскую тему; тема насилия в школе; груз детских обид, который переходит во взрослую жизнь; обретение свободы	Чтение фрагментов, беседа, буктрейлер	Обращение после анализа повести Л.Н. Толстого «Юность»

Отметим, что указание класса и методические приёмы носят рекомендательный характер, данные критерии подвижны, всё зависит от индивидуальных особенностей конкретного класса.

Включение в программу школьного чтения вышперечисленных текстов позволяет учителю раскрыть для современного подростка тему изгойства и показать интерпретацию этой темы у разных авторов; акцентировать внимание ребёнка на возможности преодоления сложившихся конфликтных ситуаций,

тем самым демонстрируя психотерапевтическую функцию. Работа учителя предполагает личностную ориентацию ученика на общение с художественным текстом, которое будет побуждать к размышлениям и по поводу написанного, и по поводу себя самого.

Библиографический список

1. Коровина В.Я. Программы общеобразовательных учреждений. «Литература» / под ред. В.Я. Коровиной. 9-е изд. М.: «Просвещение», 2007.
2. Ланин Б.А. Литература: программа: 5–9 классы общеобразовательных организаций. М.: Вентана-Граф, 2014.
3. Маранцман В.Г. Литература 5–9 классы: основной курс / под ред. В.Г. Маранцмана. М.: Просвещение, 2011.
4. Меркин Г.С., Зинин С.А. Программа курса «Литература». 5–9 классы. 3-е изд. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2016.
5. Ящук А.В. Методология и методика психолого-педагогических исследований. Режим доступа: http://koi.tspu.ru/koi_books/Yashuk/8.htm

ПОДХОДЫ К СЕМАНТИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ

APPROACHES TO LEXICAL SEMANTICS IN THE PROCESS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN A CHINESE AUDIENCE

Чжан Вэйдун

Zhang Weidong

Научный руководитель И.В. Ревенко
Scientific adviser I.V. Revenko

Лексический минимум, семантизация лексики, функциональный подход, этноцентрический подход, эффективность семантизации.

В статье рассматривается проблема семантизации лексики в процессе обучения РКИ, выявляются наиболее эффективные способы семантизации, определяемые характеристикой слова, целью обучения, уровнем овладения языком, ментальными особенностями и этапами обучения контингента китайских обучающихся.

Lexical minimum, lexical semantics, functional approach, ethnocentric approach, effectiveness of semantics.

The article deals with the problem of lexical semantics in the process of teaching RKI, identifies the most effective ways of semantics, determined by the characteristic of the word, the purpose of training, the level of language acquisition, mental features and stages of training of the contingent of Chinese teachers.

В соответствии с современной концепцией образования цель обучения русскому языку как иностранному состоит в приобретении коммуникативной компетенции, которая соотносится со сферой применения языка от повседневного общения до его использования в профессиональной сфере.

На каждом этапе обучения происходит расширение словарного запаса. Динамику этого процесса от уровня к уровню можно проследить на основе сопоставления лексических минимумов – одного из важнейших документов, предназначенных для организации учебного процесса. Объемы словников, указанные в лексических минимумах, «обеспечивают решение коммуникативных задач, ориентированных на соответствующий уровень владения языком» [1, с. 648].

Кроме количественных показателей при освоении уровней, изменяется и качественный состав лексики. Поскольку согласно стандарту на продвинутых уровнях расширяется круг ситуаций общения, на втором уровне увеличено количество слов, обозначающих явления природы, относящихся к сфере искусства, к религиозной сфере; также происходит расширение тематических групп, уже освоенных на предыдущих уровнях, в частности, пополнение тематической

группы «продукты питания, блюда» происходит за счет продуктов и блюд, специфичных для русской кухни, в том числе достаточно полно представлена эмотивная и абстрактная лексика. При этом в состав минимума данного уровня включены единицы не только нейтральной стилевой принадлежности, но и слова разговорного стиля.

При таком серьезном приросте и усложнении лексического материала неизбежно встает вопрос о подходах к семантизации лексики, способствующих максимальному повышению эффективности процесса усвоения лексических единиц.

Семантизация – это «выявление смысла, значения языковой единицы; процесс и результат сообщения необходимых сведений о содержательной стороне языковой единицы» [2, с. 270].

В методике РКИ успешно применяются два основных способа семантизации: переводной и беспереvodной. Для того чтобы реже прибегать к переводу, преподаватель должен знакомить студентов с терминами, имеющими значительную степень обобщенности и высокую степень абстракции: лицо, предмет, объект; вещество, явление; действие, признак, свойство, качество; результат, отсутствие результата; пространство, время и т.д. Подобные слова входят в качестве семантической доминанты в структуру значения большого количества слов и составляют семантическую основу объяснения семантики слова без использования словаря. «Преподаватель, работающий с иностранными студентами, должен проводить семантизацию лексики не изолированно, а в сочетании с лексико-семантической или тематической группой слов, с указанием лексико-грамматической сочетаемости» [3].

Методисты определяют ряд подходов к семантизации лексики. Компетентностный подход направлен на формирование необходимых общекультурных и профессиональных компетенций, социализацию, развитие индивидуальности и самоактуализацию. Функциональный подход предполагает, что содержание высказывания первично и определяет характер представления лексико-грамматического материала. Этноцентрический подход предполагает учет специфики национального менталитета и типа мышления обучающихся.

В целях выявления наиболее эффективных способов семантизации лексики в китайской аудитории на разных этапах обучения мы смоделировали эксперимент, который включает ряд этапов. На первом этапе путем сравнения словарных минимумов базового, первого и второго уровней мы определили лексические единицы, новые для студентов каждого уровня; сравнивая лексические минимумы, определили зону лексического прироста для студентов последующего уровня; в выбранной тематической группе определили наполнение для каждого уровня. На втором этапе определили способы семантизации для каждого этапа обучения, разработали занятия по изучению новой лексики. На завершающем этапе для проверки усвоения лексики разработали контрольные задания и провели тестирование, обработали результаты и сделали выводы.

На занятиях со студентами начального уровня языковой подготовки мы использовали переводный и беспереvodный способы семантизации лексики,

наглядность, подбор синонимов и антонимов. Для сопоставления были выбраны группы китайских и корейских студентов. Результаты показали, что у двух групп уровень усвоения лексики одинаков, что подтверждает вывод методистов об универсальности переводного и беспереводного способов семантизации. Опрос студентов показал, что для них наиболее комфортными были переводной способ и наглядность.

Следующим этапом эксперимента было проведение занятия по изучению новой лексики у китайских студентов базового, среднего и продвинутого уровней с целью выявления динамики в использовании способов семантизации от уровня к уровню и определения доминирующего способа для разных этапов обучения. На данном этапе эксперимента круг изучаемых слов был пополнен за счет лексических единиц абстрактной семантики и слов разной стилистической окраски. Успешность переводного способа и наглядности на продвинутом этапе обучения объясняется тем, что эти способы привычны для обучающихся. Расширение способов семантизации у студентов продвинутого уровня проходило за счет использования толкования слов на русском языке, толкования слов с опорой на контекст, восстановления словообразовательной цепочки, где начальным элементом являлось однокоренное слово, изученное ранее. Наибольшие затруднения вызвали толкование слов на русском языке и работа со словообразовательными цепочками. На наш взгляд, это объясняется тем, что для формулирования значения слова на русском языке необходимо учитывать родовидовые отношения в составе тематических групп, выявление которых требует дополнительной работы. Сложности при работе со словообразовательными связями слов также объясняются недостаточной сформированностью навыка словообразовательного анализа. Для устранения указанных сложностей оптимальной, на наш взгляд, будет являться работа с русскими словарями (толковым и словообразовательным).

Библиографический список

1. Андрюшина Н.П. Лексические минимумы по русскому языку как иностранному: проблема отбора лексических и фразеологических единиц // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. С. 648–652.
2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
3. Толмачева Д.С., Игнатова Е.Р. Способы семантизации лексики при обучении русскому языку иностранных студентов [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://docplayer.ru/63465457-Sposoby-semantizacii-leksiki-pri-obuchenii-russkomu-yazyku-inostrannyh-studentov.html>

СОЗДАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ БЫТОПИСАНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА И.А. БУНИНА «АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ»)

CREATION OF A LANGUAGE MODEL OF BEING DESCRIBED
IN RUSSIAN LITERATURE AT THE END OF THE 19TH CENTURY
(ON THE EXAMPLE OF THE STORY OF IA BUNIN
“ANTONOV APPLES”)

Е.А. Бритова

E.A. Britova

Научный руководитель Е.В. Данилова
Scientific adviser E.V. Danilova

Лингвистика текста, усадебный текст, языковая модель, хронотон, лексема.

В статье на примере рассказа И.А. Бунина «Антоновские яблоки» рассматривается языковая модель бытописания в русской литературе конца XIX века.

Text linguistics, homestead text, language model, chronotope, token.

The article is an example of a story by I.A. Bunin's «Antonov apples» is a language model of being described in Russian literature of the late 19th century.

Лингвистика текста к настоящему времени стала одним из важнейших направлений современной мировой науки. Как пишет Л. А. Новиков: «Лингвистика художественного текста занимает <...> особое положение. Она имеет дело с целенаправленным взаимодействием единиц не одного, а чаще всего *нескольких разных уровней текста*, благодаря чему в нем во всей полноте реализуются определенные семантические и эстетические функции» (здесь и далее курсив наш – Е.А.) [2]. Но важно заметить, что внимание лингвистической науки на художественный текст как на главное средство хранения и передачи знаний в то же время не породило большого количества научных работ в этом направлении и какого-либо единства в научной терминологии. Проблемы и вопросы, которые затрагиваются в нашей статье, сегодня являются недостаточно изученными.

Творческое наследие И.А. Бунина – крупнейшего художника мировой литературы XX века – продолжает привлекать внимание людей самых различных взглядов и направлений научной и философской мысли. Уже с первых шагов в литературе

современники отмечали его несомненный художественный талант, видя в писателе, в первую очередь, продолжателя традиций русской классической литературы. Но следует заметить, что Бунин как художник предстает, с одной стороны, продолжателем традиции русской классической литературы, с другой, – завершителем этой традиции, «писателем, открывшим в русской литературе новую страницу» (Б.К. Зайцев). В начале двадцатого столетия Владислав Ходасевич, назвав писателя «архаистом-новатором», очень точно охарактеризовал эти две особенности поэтики писателя – развитие традиций и одновременное их преодоление. Синтез этих двух тенденций в творчестве Бунина создает уникальность индивидуально-авторской картины мира и открывает широкий простор исследователю, дерзнувшему измерить глубину художественного текста этого удивительного писателя. При изучении рассказа И. А. Бунина «Антоновские яблоки мы выбрали лингвокультурологический подход. Выбор темы тоже не был случайным. В брошенном мимоходом замечании сам автор, оценивая значение своего художественного творчества, так обосновал приверженность к бытописанию: «Передо мной проходил *целый мир, целый быт*, который скудел, дробился, а теперь уже умирает, так что, может быть, через каких-нибудь пятьдесят лет его будут знать только по нашим рассказам». «Целый мир» и «целый быт» в индивидуально-авторской картине мира писателя – контекстуальные синонимы. Единство или наложение смыслов в высказывании писателя, на наш взгляд, даёт нам повод посмотреть на бытописание как важную составляющую картины мира Бунина. Быт – важная составляющая жизни любого человека. Быт в русской литературе XIX века тесно связан с усадьбой. Русский философ Иван Ильин писал: «Кто хочет читать и разуметь Бунина, тот должен почувствовать атмосферу русской усадьбы и уловить ее сложившееся за девятнадцатый век духовное наследие» [1, с. 36].

Можно утверждать, что в основание литературно-эстетических взглядов И.А. Бунина положен принцип воспроизведения в художественном тексте действительности, оптимально приближенной к реальности. Это объясняет пристальное внимание автора к бытовым мелочам; умение с помощью искусно подобранных художественных подробностей быта расширить содержательную емкость произведения. Исследователи единодушны во мнении, что Иван Бунин тщательно живописует незначительные, на первый взгляд, детали. Это умение ставить серьезные вопросы путем изображения бытовых зарисовок (бытописания), безусловно, может стать предметом научного исследования.

Цель данной статьи состоит в выявлении языковых единиц, при помощи которых в рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки» описывается быт, а также в их структурировании. Чтобы выявить понятийную составляющую бытописания, мы рассмотрели толкования слов «быт», «уклад», данные в современных словарях, а также провели сопоставительный анализ лексического значения и внутренней формы слов; проведя анализ полисемии слова «быт», выявили общую понятийную составляющую концепта «Быт»: 1. Уклад (образ) жизни; 2. Повседневная жизнь.

В своей монографии И.А. Манкевич справедливо замечает: «В контексте культурологического метода прочтения текстов культуры частная жизнь русского гения

должна рассматриваться как культурное наследие и текст повседневной культуры, являющийся потенциальным источником культурологической информации» [3].

Бытописание в рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки» связано с образом жизни усадьбы. Феномен русской провинциальной дворянской усадьбы – один из ключевых в общерусской культуре. В связи с этимологией слова заметим, что в сознании русского человека понятие «дворянская усадьба» связано не только с важными социально-историческими, но и социально-бытовыми ассоциациями.

При изучении художественного произведения обычно выделяют три отправных точки анализа текста: временную, пространственную, а также вектор личного измерения рассказчика.

Изображаемый мир в рассказе подаётся через призму памяти и неизменно преломляется через субъективное восприятие лирического героя. Обратим внимание, что структуру повествования организует точка зрения рассказчика, который для полноты и глубины описания использует лексику чувственного восприятия мира, передающую зрительные, звуковые, вкусовые, тактильные и обонятельные ощущения. Наиболее последовательно в рассмотренном нами тексте представлены запахи растительного мира: «тонкий аромат опавшей листвы», «ржавой аромат новой соломы и мякины», «сушёного липового цвета, который с июня лежит на окнах...», «грибной сырости», «запах антоновских яблок». Сам И. А. Бунин, определяя главный способ общения с окружающим миром, скажет: «Вижу и чувствую подробности».

Текст рассказа «Антоновские яблоки» состоит из 4 частей, в которых, используя приём ретроспекции, рассказчик описывает четыре поры осени. Главным временем, в котором идёт развитие событий в рассказе, является прошедшее время, выраженное определёнными временными единицами текста. Но, углубляясь в повествование о прошедшем, автор использует глаголы настоящего времени (например, «пахнет яблоками», «становится очень холодно», «долго прислушиваемся и различаем дрожь в земле»). Подобная относительность времени может быть объяснена своеобразием мироощущения художника. Обратим внимание, что субъективное время преобладает над объективным типом времени. Повествователь время событийное соотносит с календарными праздниками, народными приметами, тем самым приобщая единичную человеческую жизнь к единой мировой жизни. Все события усадебной жизни – сбор яблок, ярмарка у шалаша, обед у тётки, вечерние беседы за столом, охота, деревенская жизнь и др. – вписываются в извечный круговорот природной жизни и представляют с ней нерасторжимое единство. В художественном тексте И. Бунина цикличное время доминирует. Линейное время в тексте как будто протекает за пределами усадьбы (слышно, как «пассажирский поезд идет», «в ясную даль убегают четко видные телеграфные столбы»). Таким образом, в художественной модели мира время служит объектом рефлексии рассказчика.

Чтобы полно представить языковую модель бытописания, выполнив компонентный анализ, выделим пространственные лексемы, которые позволяют смоделировать внешнюю среду, те условия, в которые помещён герой. Повседнев-

ная жизнь в рассказе Бунина протекает в координатах хронотопического характера и связана с бытом усадьбы. В словаре-справочнике лингвистических терминов Розенталя, Теленковой дается следующее определение понятия «бытовая лексика»: это лексика, включающая в свой состав слова повседневного обихода, называющие предметы и явления быта, т.е. общего уклада жизни, окружающей нас обстановки, обычаев, нравов и т.д. [Розенталь, Теленкова, с. 47]. Бытовая лексика в рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки» выполняет разнообразные функции: 1. Участвует в создании бытовых сцен. Рассказчик описывает предметы быта, различные вещи, которые используются в повседневности, создавая художественную картину пространства, где разворачиваются какие-либо события; 2. Используется для описания портретных зарисовок персонажей, предметов их одежды; 3. Присутствует в описании трапезы и различных видов кушаний, которые демонстрируют, что традиционно было принято подавать на стол. Как точно замечает И.А. Манкевич: «Костюмные, застольные и ольфакторные реалии повседневной жизни человека, формируя ближайшую среду его обитания, образуют в своей совокупности эффективную источниковедческую базу для выявления форм репрезентации повседневности в текстах культуры» [3]. Зафиксировав примеры данного текста, мы обратили внимание, что, несмотря на обилие бытовой лексики, не создаётся ощущения избыточности. Художественные образы при всей своей полноте обладают, на наш взгляд, удивительной гармонией и стройностью. Все детали быта производят впечатление крепости и добротности, создают единый образ благополучия усадебной жизни. Таким образом, описания точны, детализированы, носят конкретно-изобразительный характер и в то же время объединены общей эмоциональной тональностью, заданной рассказчиком, – «Как хорошо жить на свете!».

Анализируя тематические группы бытовой лексики в тексте рассказа Бунина, мы увидели, как явно вырисовываются две различные языковые модели усадебного быта – быт усадьбы глазами лирического героя, который близок автору, и быт мелкопоместного героя, появившегося в последней части рассказа.

Наши выводы можно представить следующим образом:

1. Бытописание позволяет смоделировать условия существования (внешнюю среду), в которую помещены герои художественного текста. Но при этом быт не является чистой декорацией, а выступает средством косвенной характеристики персонажа.

2. Быт усадьбы, усадебного дома, как и бытие в нем, представлен в художественном тексте, в первую очередь, в качестве феномена культуры.

Библиографический список

1. Ильин И.А. Бунин. О тьме и просветлении: Книга художественной критики. М., 1991.
2. Кольцова Л.М., Лунина О.А. Художественный текст в современной лингвистической парадигме: учебно-методическое пособие [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://window.edu.ru/resource/558/59558>
3. Манкевич И.А. «Репрезентация повседневности в текстах русской культуры: информационно-коммуникационный аспект» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.dissercat.com>

**КОНЦЕПТ «ДОМ» В ТЕКСТЕ ПОВЕСТИ В.П. АСТАФЬЕВА
«ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН»
(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ФОТОГРАФИЯ,
НА КОТОРОЙ МЕНЯ НЕТ»)**

THE CONCEPT OF “HOUSE”
IN THE TEXT OF THE NOVEL “LAST BOW” BY V.P. ASTAFYEV
(ON THE EXAMPLE OF THE STORY
“PHOTOGRAPH IN WHICH I AM NOT THERE”)

А.Д. Тимофеева

A.D. Timofeeva

*Научный руководитель Е.В. Данилова
Scientific adviser E.V. Danilova*

Концепт, художественный концепт, ядерная и периферийная зоны концепта, имя концепта, контекст.

Лингвистика текста, которая также предполагает выявление его концептуального смысла, является одним из интереснейших направлений современной филологии. Цель данной статьи: моделирование структуры концепта «Дом» на материале художественного текста В. П. Астафьева «Фотография, на которой меня нет».

Concept, artistic concept, nuclear and peripheral zones of the concept, concept name, context.

The linguistics of the text, which also involves the identification of its conceptual meaning, is one of the most interesting areas of modern philology. The purpose of this article: modeling the structure of the “Home” concept based on the material of the literary text by V. P. Astafiev, “Photograph in which I am not.”

Многие лингвисты сходятся во мнении, что в художественном тексте концепт существует как элемент индивидуально-авторской картины мира, а в более широком смысле – национальной картины мира. Как пишет в своём исследовании И. В. Ревенко: «Выявление специфики репрезентации концепта в отдельном художественном тексте в сопоставлении с его общим, узуальным употреблением позволяет смоделировать фрагмент картины мира писателя» [1]. Обзор литературы показал, что в области изучения концептов современной наукой накоплен значительный опыт. В отечественной лингвистике их исследованию, описанию бытования и систематизации посвящено немалое количество работ (в частности, в трудах С.А. Аскольдова, В.А. Масловой, Ю.С. Степанова, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, С.Г. Воркачева и др.).

В.П. Астафьев – удивительно самобытный, глубокий писатель. Мы предположили, что концепт «Дом» является важной составляющей художественной картины мира писателя. Цель данной статьи: моделирование структуры концепта

«Дом» на материале художественного текста В.П. Астафьева «Фотография, на которой меня нет».

Рассмотрение специфики реализации концепта «Дом» в авторской картине мира и художественной картине мира текста рассказа мы начали с определения полевой организации концепта, отметив ядерную зону и периферийную, и его когнитивных признаков.

Анализ полисемии слова «дом» на основе изучения современных словарей позволил нам выявить общую смысловую составляющую концепта «дом»: 1. жилое (или для учреждения) здание; 2. семья, люди, живущие вместе, их хозяйство. Отметим, что в тексте рассказа реализуется ядерная зона концепта «Дом»: «Кстати говоря, *дом*, приспособленный под школу, был рублен моим прадедом, Яковом Максимовичем, и начинал я учиться в *родном доме* прадеда и деда Павла»; «Фотографу, конечно же, *в доме* Чехова = самое подходящее место. Там его и разговором умным займут, и водочкой городской, если потребуется, угостят, и книжку почитать из шкафа достанут»; «Я бился и кричал на *весь дом*». В тексте лексическое значение слова дом расширяется за счёт образных определений: «родной дом», «деревенский дом», «свой дом», «справный дом».

Следующий этап – выявление синонимического ряда лексемы-репрезентанта концепта. Так, например, в качестве синонима в рассказе используется слово «изба», например: «К весне в пустующих *избах* были перебиты окна, сорваны двери, истрепаны половики, сожжена мебель. За зиму часть села выгорела. Молодняк иногда протапливал печи в домнинской или какой другой просторной *избе* и устраивал там вечерки». На синонимию лексем дом и изба мы нашли указание в словаре Владимира Даля: «строение для житья; в городе, жилое строенье; хоромы; в деревне, *изба* со всеми ухажями и хозяйством».

В ядерной зоне концепта «Дом» располагаются и его презентации: «домишко», «изба», «избушка», «жилище», «зимовьё», «заимка», «родовое гнездо», «свой угол». На синонимию лексем изба и заимка мы также нашли указание в словаре Владимира Даля: «Заимка, ж. сиб. место, занятое под хозяйство, под земледельческое заведение, с *избой* и другими ухажями; дача, ферма, хутор, мыза». Таким образом, контекстные синонимы в художественном тексте В. Астафьева значительно расширяют парадигму ядерной лексемы.

Также в тексте В.П. Астафьева в качестве синонима к слову «дом» используется его дериват «домишко»: «Они (учителя) жили в одной половине дряхленького *домишка*». В лексеме «дряхленький домишко» общая для членов синонимического ряда ядерная сема осложняется оценочной семой, которая представлена на семантическом и словообразовательном уровнях. При помощи суффикса -ишк- вводится параметрический и оценочный компоненты.

В периферийной зоне концепта мы отнесли контекстные синонимы со значением «здание учреждения», такие как «школа», «контора», «ночевальный заезжий дом», «деревенский клуб», «правление колхоза».

Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, проведя компонентный анализ семантики дома, жилища человека, выделили лексемы, которые соотносятся со словом

«дом» как составные части жилища: крыша, стена, окно, дверь, крыльцо, порог, угол [Верещагин, Костомаров, 2005] [1]. Анализируя художественный текст, мы отметили, что в описании дома в рассказе «Фотография, на которой меня нет» подробно представлены его составные части, лексемы, показывающие внутреннее членение «своего» пространства: куть, середняя, горница, сенки, перегородка, порог, крыльцо, чердак, подполье (подвал, погреба), а также лексемы – части внешнего образа дома, например, «белые ставни». Концепт «Дом» в картине мира писателя неотделим от слова двор. Назовём лексемы, которые в тексте рассказа составляют надворные строения: баня, амбар, зимовьё, пристройки, стайки, сараи, времянки, ворота. Это лексемы периферийной зоны концепта «Дом».

В качестве контекстного синонима в повести используется лексема «школа». Сближение происходит на основе общей семы «здание, помещение», но функциональная сема в контексте замещается, что и ведет к синонимизации. В тексте показано, что приспособленный под школу дом не соответствует представлениям о доме.

В тексте Астафьева пространство дома заполняется традиционными для крестьянского быта предметами: самовар, печь, стол со скатертью, скрипучая деревенская кровать, лавка, старый чугунок и др. Бытовая лексика создаёт в индивидуально-авторской картине мира «своё», обжитое пространство. Таким образом, наполнение концепта «Дом» в тексте рассказа «Фотография, на которой меня нет», его ядерная и периферийная зоны соответствуют индивидуально-авторскому представлению о доме, которое, в свою очередь, близко образу дома в русской мифопоэтической картине мира.

«В русской литературе концепт дома является одним из доминантных признаков национальной картины мира», – пишет в своей статье А.И. Смирнова. «В архаичных моделях мира дом предстаёт как микроуниверсум, отражающий макроуниверсум. Жилище человека является знаком семейно-родственных отношений, социальных, психологических, исторических координат, чем и обусловлен особый интерес писателей к образу дома». [3, с. 82].

Женщина в художественной картине мира выступает хранительницей домашнего очага. В анализируемом рассказе В. Астафьева показаны разные модели взаимодействия «хозяйка и ее дом». Одна модель – рачительная хозяйка, правильно ведущая дом (бабушка, мать): «Знаю по рассказам бабушки и, кажется, помню, как радовалась мама отделению от семьи свекра и обретению хозяйственной самостоятельности, пусть и в тесном, но в <своем углу>. Она все зимовье прибрала, перемыла, бесчисленно белила и подбеливала печку»; другая модель – плохая хозяйка (Болтухина, тетка Авдотья и тетка Васенья, жена дяди Левонтия): «У дяди Левонтия нечего изучать. Промеж рам у них ничего не лежит, и стекла в рамах не все целы – где фанерка прибита, где тряпками заткнуто, в одной створке красным пузом выперла подушка». В основе этих моделей просматривается семантический признак: «дом – характер и эмоциональное состояние человека». Так в тексте рассказа В.П. Астафьев наглядно показывает, что отсутствие гармонии в душе хозяйки ведет к нарушению уклада в доме.

«Важным признаком дома, связанным с социальными стереотипными представлениями, является гостеприимство», – пишет в своём исследовании И.В. Ревенко. «Гостеприимство – универсальная социально детерминированная категория, присущая разным народам и имеющая различные трактовки в научной литературе: это и достояние человеческой культуры, и нравственная категория, и особый вид социальных отношений. В лингвистической литературе гостеприимство рассматривают как концепт. Универсальность данного концепта проявляется не только в его представленности в разных языках и культурах, но и в общем компоненте структуры – наличии аксиологической составляющей, связанной с положительной оценкой гостеприимства. Существенным для понимания и описания данного концепта является положение о национальной специфичности его лингвокультурного содержания» [1].

Л.А. Смирнова в своём исследовании «Национально-культурная специфика реализации концепта «гостеприимство» в русской пословичной картине мира», проанализировав русские художественные тексты, выделила тематические группы, в которых представлено гостеприимство. Мы изучили приведённые исследователем тематические группы концепта «гостеприимство» [2], сопоставили их с примерами из текста рассказа В.П. Астафьева и отметили, что в тексте писателя контексты, раскрывающие семантический признак «щедрость угощения», используются с большой частотой. Следует отметить тесную взаимосвязь концептов «дом» и «гостеприимство» в индивидуально-авторской картине мира В.П. Астафьева. Только гостеприимный дом оценивается как хороший.

Мы исследовали рассказ В.П. Астафьева «Фотография, на которой меня нет» в рамках лингвистики текста и составили описание концепта «Дом». В результате анализа художественного текста мы определили, что в нём реализуется ядерная зона концепта.

Нами были выделены составляющие концепта «Дом», которые могут быть объединены в тематические группы: 1) внутреннее пространство дома; 2) связь дома и человека; 3) гостеприимство. А также выявлена аппозиция «дом» = «антидом».

Библиографический список

1. Ревенко И.В. Реализация составляющих концепта «Дом» в «Последнем поклоне» В.П. Астафьева [Электронный ресурс] Режим доступа: www.elibrary.ru
2. Смирнова Л.А. Национально-культурная специфика реализации концепта «гостеприимство» в русской пословичной картине мира // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: матер. междунар. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2011 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 48–51.
3. Смирнова А.И. Локус дома в художественном мире Виктора Астафьева // Феномен В.П. Астафьева как регионально-национальное самосознание эпохи. Междунар. конф., посвященная 85-летию Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева 27–28 апреля 2017 г. Красноярск, 2017.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ФОТОГРАФИИ В РАССКАЗЕ В.П. АСТАФЬЕВА «ФОТОГРАФИЯ, НА КОТОРОЙ МЕНЯ НЕТ»

FUNCTIONAL SEMANTICS OF PHOTOGRAPHY IN V.P. ASTAFYEV'S SHORT STORY "PHOTOGRAPHY IN WHICH I AM NOT"

С.В. Худаногова

S.V. Khudanogova

Научный руководитель Е.В. Данилова
Scientific adviser E.V. Danilova

Литературоведение, анализ художественного текста, фотография; фотографический экфрасис; фототекстуальность.

В статье на примере рассказа В.П. Астафьева «Фотография, на которой меня нет» раскрывается феномен экфрасиса – фотографического и живописного – и рассматривается его специфика.

Literary criticism; analysis of the art text; photograph; photoekphrasis; phototextuality.

The article, using the example of V.P. Astafyev's short story "Photography without me", reveals the phenomenon of ekphrasis – photographic and pictorial – and discusses its specificity.

Творчество Виктора Петровича Астафьева – значимая составляющая литературного процесса в русской и мировой культуре XX–XXI веков.

И хотя произведения автора активно изучаются, всё же некоторые пробелы явно присутствуют. Например, рассказ Астафьева «Фотография, на которой меня нет» является одним из примеров взаимодействия текста и фотографии и может быть рассмотрен как фототекст. В исследовании мы применили такой вид внутритекстовых взаимосвязей, как экфрасис. «Интерес к проблеме экфрасиса в последние десятилетия возрос», – пишет А.А. Коваленко. В 2002 году вышел сборник «Экфрасис в русской литературе» под редакцией Л. Геллера. Во вступительной статье ученый предлагает расширить рамки понятия «экфрасис», определяя его как «всякое воспроизведение одного искусства средствами другого» [3]. Появление термина «фотографический экфрасис» расширило понятие. Интермедиальность – процесс взаимодействия литературы с другими видами художественного искусства – имеет богатую традицию. В современном литературоведении любую репрезентацию фотографического изображения (представленную в художественном тексте как словесное описание или непосредственно включенную в текст) принято обозначать двумя терминами – «фотографический экфрасис» и «фототекстуальность» [3]. В своей работе мы опираемся на идеи, которые мы почерпнули в статьях О.Г. Сидоровой, Т.А. Полуэктовой, Е.В. Петровской, Е.В. Васильевой и др. Фундаментальных работ о феномене фототекстуаль-

ности по русской литературе XX века мы не встретили. Тем не менее многие произведения, например, В.М. Шукшина, В.П. Астафьева, А. Битова, можно рассматривать как фотографические тексты. Предположительно, экфрасис является одним из важнейших элементов поэтики рассказа В.П. Астафьева «Фотография, на которой меня нет». Цель статьи: рассмотреть текст рассказа писателя как процесс взаимодействия художественного текста и фотографии и раскрыть специфические особенности «фотографического экфрасиса».

Уже само название рассказа В. П. Астафьева «Фотография, на которой меня нет» настраивает читателя на то, что в тексте будет представлено словесное описание фотографического снимка и всё повествование так или иначе связано с этим изображением. Присутствие слова «фотография» в названии рассказа и фотоэкфрасис в повествовании позволяют определить своеобразие жанра произведения В. П. Астафьева как фототекстуальный рассказ. Приём фотографии определяет специфику рассказа: повествование даётся через призму памяти (автор использует приём ретроспекции), а значит, внимание заостряется на тех событиях, которые сквозь время видятся рассказчику знаковыми. Рассказ «Фотография, на которой меня нет» – это художественная реконструкция определенного этапа в жизни героя: приезд в село фотографа из города. И хотя художественное описание старого фотоснимка даётся только в конце повествования, он – динамический центр рассказа.

«Деревенская фотография – своеобразная летопись нашего народа, настенная его история», – утверждает автор. Рассмотрев подробно словесное описание фотографического изображения, приведённое в тексте рассказа, мы отметили, что благодаря рассказчику, представившему его читателю, создаётся некий условный образ типичной школьной фотографии, на которой, кроме пятен лиц учителей и ребят на переднем плане (эмоционально выраженных, но достаточно схематичных), мы видим далее натянутую между палками материю с указанием школы и деревенский дом с белыми ставнями, служащий фоном. К деталям хронологического характера можно добавить «снег», указывающий на время.

Проблема «точки зрения» является важной для интерпретации фотографического текста. В нашем исследовании точка зрения рассказчика – это «точка сборки» всех событий, деталей и образов произведения. В рассказе образ рассказчика соединяет образ автора и образ мальчика Вити Потылицына. Так, например, в эпизоде рассматривания принесенной учителем фотокарточки рассказчик-мальчик представляет (но не описывает) читателю лишь нескольких детей: «Ребят и девчонок на фотографии, что семечек в подсолнухе! И лица величиной с подсолнечное семечко, но узнать всех можно. Я бегаю глазами по фотографии: вот Васька Юшков, вот Витька Касьянов, вот Колька-хохол, вот Ванька Сидоров, вот Нинка Шахматовская, ее брат Саня... В гуще ребят, в самой середине – учитель и учительница. Он в шапке и в пальто, она в полушалке. Чему-то улыбаются едва заметно учитель и учительница. Ребята чего-нибудь сморозили смешное» [1, с. 150]. В тексте рассказа портрет-характер никого из названных ребят не будет раскрыт более «за кадром».

Мы видим, что фотография не способна передать истинное положение вещей, так как на старой фотографической бумаге отражается лишь внешняя сторона события, которая к тому же может носить постановочный характер. Например, автор, объясняя желание сельчан устроить фотографа на ночёвку как можно лучше, пишет: «Всем хотелось угодить фотографу, чтобы оценил он заботу о нем и снимал бы ребят как полагается, хорошо снимал». Выглядеть на фотографии «хорошо» – это не просто прихоть, это важная составляющая художественного образа, его цель. Именно поэтому перед съёмкой, как пишет автор, «суетились бабы по селу, спешно собирая у соседей и родственников шубенки, телогрейки». Стремление к благополучию и достатку для сельчан – норма жизненного уклада, важная составляющая народной мифологической картины мира.

В рассказе В.П. Астафьева мы можем выделить ряд повествовательных событий, напрямую связанных с фотоизображением, а также фрагменты, присутствие которых в тексте можно объяснить лишь логикой авторского замысла, явно использующего приём монтажа.

В центре школьной фотографии – учитель. На самом фотоснимке лица учителя не разобрать, но, обращаясь к воспоминаниям детства, рассказчик создаёт его портрет-характер. Стараясь передать детский восторг рассказчика перед учителем, его чувства, писатель скажет: «Как он много знал! И что кольца у дерева – это годы его жизни, и что сера сосновая идет на канифоль, и что хвоей лечатся от нервов, и что из березы делают фанеру; из хвойных пород – он так и сказал, – не из лесин, а из пород! – изготавливают бумагу, что леса сохраняют влагу в почве, стало быть, и жизнь речек» [1, с.159]. Благодаря приёму ретроспекции в тексте образ учителя представлен многогранно.

Таким образом, фотографический экфрасис в рассказе В.П. Астафьева выполняет не только сюжетообразующую и композиционную функцию, но и психологическую, так как позволяет репрезентировать внутренний мир героев, а также характерологическую, дополняя запечатленные образы новыми смыслами.

Напомним, что фотография сделана «на фоне деревенского дома с белыми ставнями» [1, с. 161]. Но мы с интересом отмечаем, что образ дома в тексте рассказа является ключевым. Запечатленное событие – фотография учителей и ребят на фоне родового гнезда рассказчика (и, что важно, – «разорённого гнезда») – оказывается судьбоносным для персонажа, определяя всю динамику сюжета и своеобразие композиции. «Деревенский дом с белыми ставнями» на старом снимке – это смыслообразующий образ. Во-первых, на момент фотографии это здание школы, и, рассматривая запечатлённый сюжет, рассказчик приводит ряд событий, связанных с печальной историей дома, который пережил ряд воплощений, точнее – развоплощений («родовой дом» – «школа» – «правление колхоза» – «заброшенное жилище» – «дрова»).

Коснёмся вопроса художественного хронотопа в фотографическом тексте и его особенностей. Фотографический экфрасис не только вписан в структуру художественного текста, но и выполняет «особую роль во временной структуре: он разрушает привычную идею линейности событий, разрывая тем самым основной

ход событий» [3]. Фотография, как полагает Е.В. Васильева: «радикально смешивает акценты между «было», «есть» и «будет» [2, с. 65]. Вводя в текст фотографический экфрасис, автор намеренно нарушает линейность художественного времени (мы отметили отсутствие хронологического порядка событий). Можно также предположить, что именно фотографическое изображение, его описание в рассказе «притягивает» события и в какой-то мере «управляет» их расположением в художественном тексте. Своеобразие фотографического времени заключается в том, что, рассматривая изображение, рассказчик не только «встречается» со своим прошлым, но и, заново переживая воспоминание, через призму памяти осмысливает настоящее и предполагает будущее. И эта условная «встреча» (совпадение в пространстве и во времени) происходит сиюминутно. Здесь и сейчас случается непосредственное взаимодействие различных временных планов. Сама фотография, характер изображения несут в себе тот глубинный потенциал, который служит неким порталом, сплетающим время в единый поток. Таким образом, можно говорить о таком феномене фотографии в художественном тексте, как обратимость времени или нелинейность времени.

Мы убедились, что специфику жанра рассказа В. П. Астафьева «Фотография, на которой меня нет» можно определить как фототекстуальность. Проведя исследование, мы выделили следующие особенности построения фотографического текста: использование приёма монтажа, постановочность, фрагментарность, нелинейность времени, важность ракурса изображения и «точки зрения» рассказчика.

Библиографический список

1. Астафьев В.П. Фотография, на которой меня нет // Виктор Петрович Астафьев. Собрание сочинений. Т. 4. Красноярск: ОФСЕТ, 1997.
2. Васильева Е.В. Фотография и феномен времени // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2014. Сер. 15. Вып. 1.
3. Сидорова О.Г., Полуэктова Т.А. Экфрасис и его функционирование в поэтике романа Пенелопы Лайвли «Фотография» [Электронный ресурс] // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 4 (193). Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/79687>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНЦИФЕРОВА Светлана Владиславовна – обучающийся 1 курса факультета иностранных языков КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: antsvl98@mail.ru

АСРОРИ Шахноза – обучающийся 2 курса магистратуры филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: shahnoza.asrori@yandex.ru

БРИТОВА Екатерина Андреевна – учащийся 10 класса НОУ МБУ ДО «ЦО «Перспектива», г. Зеленогорск; e-mail: zhanets@yandex.ru

БУРМАКИНА Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: nata-burmakina@yandex.ru

ВАН Ин – обучающийся 4 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: 3543055882@qq.com

ВЕЧЕРИНА Юлия Алексеевна – обучающийся 3 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: yulek.vecherina@mail.ru

ВИНОКУРОВА Анжелика Николаевна – обучающийся 2 курса магистратуры филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: Angelikavinokurova@mail.ru

ГЛАДКОВА Александра Константиновна – обучающийся 4 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: alexagladkova98@gmail.com

ГОРБЕНКО Александр Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: al_gorbenko@mail.ru

ГУЗОВА Виктория Владимировна – обучающийся 1 курса магистратуры филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: guzova.vika@yandex.ru

ДАНИЛОВА Екатерина Васильевна – педагог дополнительного образования МБУ ДО «ЦО «Перспектива», г. Зеленогорск;
e-mail: danilova-katja@mail.ru

ДОГАДАЕВА Любовь Александровна – обучающийся 3 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: giklen1999@gmail.com

ЗАМЫСЛОВА Вера Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: zamyslova@inbox.ru

ЗУБКОВА Полина Игоревна – обучающийся 3 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: polina-zubkova@mail.ru

ЗУЕВА Елена Романовна – обучающийся 3 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: elenaromazueva@gmail.com

ИКРОМОВА Алена Павловна – обучающийся 3 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: alena.bars1999@yandex.ru

КИПЧАТОВА Алла Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: allakipchatova@mail.ru

КРАСНОЩЕКОВА Яна Вячеславовна – обучающийся 5 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: yanakras1997@yandex.ru

ЛАН Жуэй – обучающийся 4 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: 1595974208@qq.com

ЛИПНЯГОВА Светлана Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: lipnjagova@list.ru

ЛИСМАН Анастасия Михайловна – обучающийся 3 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: a.lisman@mail.ru

ЛОЖКИНА Елизавета Тихоновна – обучающийся 3 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: eliza.lfn@gmail.com

ЛУКЬЯНОВА Ольга Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: olgaluk2009@mail.ru

МАКАРОВА Татьяна Викторовна – обучающийся 5 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: Tanushka-dance1999@yandex.ru

МАКОВА Екатерина Романовна – обучающийся 4 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: makovka1998@gmail.com

МАЦКОВА Полина Сергеевна – обучающийся 2 курса магистратуры филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: polisa_15@list.ru

НОВИЧЁНОК Ольга Владимировна – обучающийся 2 курса магистратуры филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: olechkay-95@bk.ru

ОКУНЕВА Мария Александровна – обучающийся 2 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: dobermaaan777@gmail.com

ОСЕТРОВА Елена Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: osetrova@yandex.ru

ПАКУЛОВА Валерия Александровна – обучающийся 3 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: belogorscklera@mail.ru

ПИХУТИНА Валентина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: vip-niva@rambler.ru

ПОЛОВИНСКАЯ Дарья Михайловна – обучающийся 3 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: dpolovinskaya@inbox.ru

ПОЛУЭКТОВА Татьяна Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: poluektova.06@mail.ru

РАДЮШКИН Иван Николаевич – обучающийся 2 курса магистратуры филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: sixxten@mail.ru

РЕВЕНКО Инна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: inna.revenko@mail.ru

РУСИНА Анна Сергеевна – обучающийся 3 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: rusina.anna.99@mail.ru

САВИНА Дарья Валерьевна – обучающийся 1 курса магистратуры филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: daryasavi1896@mail.ru

САДЫРИНА Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: tsadyrina@list.ru

СЕДОВА Анна Вячеславовна – обучающийся 3 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: sanyas99@mail.ru

СЕМАЧКИНА Анна Игоревна – обучающийся 3 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: anya.kris.99@mail.ru

СЕРЕДКИНА Юлия Евгеньевна – обучающийся 3 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: yulya.seredkina.99@mail.ru

СКАКУНОВА Светлана Максимовна – обучающийся 1 курса магистратуры филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: Skakunova.lana@inbox.ru

СКОВОРОДКИНА Ульяна Владимировна – обучающийся 2 курса магистратуры филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: lermontova00@bk.ru

СОСНОВСКАЯ Евгения Андреевна – обучающийся 2 курса магистратуры филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: motherlode143@yandex.ru

СЮЙ Цзялу – обучающийся 4 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: xjl747844940@163.com

ТЕРЕШОНОК Ольга Сергеевна – обучающийся 4 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: kira-fox.l@mail.ru

ТИМОФЕЕВА Алиса Дмитриевна – учащийся 10 класса НОУ МБУ ДО «ЦО «Перспектива», г. Зеленогорск; e-mail: haematomyelia@gmail.com

ТИМЧЕНКО Анастасия Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: ooo.otdohkni@gmail.com

ТРЕТЬЯКОВА Екатерина Валерьевна – обучающийся 5 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: katerina24.97@mail.ru

УМИНОВА Наталья Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: umna2804@yandex.ru

ХРУЩЕВА Софья Андреевна – обучающийся 3 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: sofya_226@mail.ru

ХУДАНОГОВА Светлана Витальевна – учащийся 10 класса НОУ МБУ ДО «ЦО «Перспектива», г. Зеленогорск;
e-mail: hudanogova@mail.ru

ЧЖАН Вэйдун – обучающийся 2 курса магистратуры филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: zhangweidong@mail.ru

ЧЕРКАСОВА Анна Александровна – обучающийся 4 курса бакалавриата филологического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева;
e-mail: cherkasovanna98@mail.ru

ШЕСТЕРНИНА Евгения Геннадьевна – старший преподаватель кафедры современного русского языка и методики;
e-mail: moloko.0608@mail.ru

Молодежь и наука XXI века

XXI Международный научно-практический форум студентов,
аспирантов и молодых ученых

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Материалы X Международной научно-практической конференции
студентов, аспирантов и школьников

Красноярск, 20 апреля 2020 г.

Электронное издание

Редактор *Н.А. Агафонова*
Корректор *А.П. Малахова*
Верстка *Н.С. Хасанишина*

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 25.05.20.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 18,5